ISSN 0130-1640

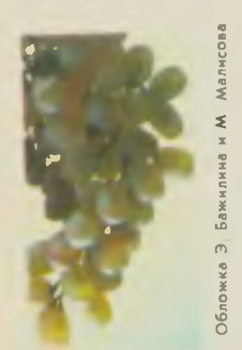
ЗНАНИЕ-СИЛА 5/90

ЗНАНИЕ — СИЛА 5/90

Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи

Орган ордена Ленина Всесоюзного общества «Знание»

№ 5(755)
Издается с 1926 года



Обложка Э. Бажилина и М. Малисова

В конце I тысячелетия новой эры, в теплую эпоху викингов, виноград в Европе распространялся до берегов Балтийского моря. Ждет ли нас снова такое потепление? К утвердительному ответу на этот вопрос склоняются многие ученые, но далеко не все...

Споры вокруг пустого прилавка

УЧАСТНИКИ «КРУГЛОГО СТОЛА» «ЗНАНИЕ — СИЛА»

БЕРЛИН Александр Давыдович, кандидат экономических наук, доцент МГУ: «Председатель райисполкома знал, что его на следующий срок не выберут. И он вообще все выпустил из рук. Ему наплевать, как готовится город к зиме, завезли ли овощи...»

ГРЕГОРИ Пол, профессор Хьюстонского университета (США): «В Америке два самых главных человека — президент и глава Госбанка. Экономисты думают, что директор Госбанка важнее».

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор Академии народного хозяйства: «Причина, на мой взгляд, в невероятной поспешности и некомпетентности, с которой у нас была начата перестройка в области экономики».

ЛЕВАДА Юрий Александрович, доктор философских наук, заведующий отделом Центра по изучению общественного мнения: «Любые меры предполагают стабильное, разумное, пользующееся доверием руководство. У нас его нет, и у нас его сегодня не может быть. Я не имею в виду персонально кого-то, но всю управляющую систему, взятую целиком».

МЕДВЕДЕВ Павел Алексеевич, доктор экономических наук, доцент МГУ: «Опять: сначала возьмем телеграф и телефон, а потом уж как-нибудь будем строить коммунизм!»

Вы замечали: каждый проект спасения отечественной экономики исключительно убедителен. Одно непременно вытекает из другого, и все концы сами собой завязываются в тугие узлы. Недоумение, почему же его немедленно не реализуют, слегка рассеивается, когда где-нибудь наткнешься на критическую реплику в его адрес; но автор реплики уже вытаскивает из кармана новый, свой проект, не менее убедительный,— и все начинается сначала.
Мы решили посадить авторов разных экономических концепций за один стол. И не пожалеть дефицитной журнальной площади на споры, реплики, ядовитые комментарии. В спорах совсем не всегда рождается истина. Но они помогают осознать сложность ситуации, понять многих. И, может быть, учат нас очень важному сегодня качеству: смелой осторожности. Или осторожной смелости.

НИТ Игорь Васильевич, доктор экономических наук, доцент МГУ: «Между старым и новым контурами управления не должно быть зазора. Иначе завтра во многих городах не будет электроэнергии, а это все — не будет воды, не будет тепла, не будет ничего».

Заставки Л. Лион

ПИНСКЕР Борис Семенович, экономист: «Дать экономическую свободу — это означает вернуть людям собственность. И никакого другого смысла тут нет и быть не может, и от природы никогда не было».

ПИЯШЕВА Лариса Ивановна, кандидат экономических наук, сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР: «Я бы уже сейчас распродала всю сферу услуг и торговлю... Так мы проблему приватизации собственности и демонополизации рынка решим довольно быстро. И сможем реально отключить государство от экономики. Пусть оно защищает нас от врага иноземного и от уголовников».

ФИЛИППОВ Валерий Васильевич, кандидат экономических наук, заведующий сектором экономической экспертизы ВНИИГПЭ при ГКНТ СССР: «Мне кажется, свободное предпринимательство — единственно возможная основа возрождения благомыслия, здравомыслия, лишь оно может вернуть компромиссу достойное место в общественной жизни».

В оценке нынешнего экономического положения разногласий не было: положение скверное. Пустые полки, инфляция...

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Это даже не инфляция, когда более или менее сопряженно растут и цены, и доходы, и все это имеет некоторый экономический смысл, потому что можно хотя бы подправить структуру цен. А у нас для большинства населения доходы-то фиксированы более или менее жестко. Но цены растут.

А. БЕРЛИН: — Помимо инфляции, помимо того, что сегодня все труднее что-нибудь купить, трудно и хоть что-нибудь произвести. Нарушены хозяйственные связи. Заводы не желают поставлять комплектующие элементы за «деревянные деньги». Они требуют в обмен натуру: автомобили, лес, резину, трубы...

Споры начались, как только речь зашла о причинах. Что нас губит: поспешность или неторопливость?

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Причина, на мой взгляд, в невероятной поспешности и некомпетентности, с которой была начата перестройка в области экономики.

Б. ПИНСКЕР: — Простите, а в чем вы видите

вообще перестройку хозяйственного механизма, уж тем более поспешную?

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Закон о государственном предприятии, закон о кооперации и так называемый пакет постановлений, который сопровождал их, открыли дорогу таким видам и формам деятельности, которые раньше не практиковались в нашей экономической системе.

А. БЕРЛИН: — Три года назад управляющему трестом было наплевать на цены. Из него вышибали все, что хотели выбить: председатель райисполкома — жилье к концу года, и так далее. Но поняв, что на следующий срок его не выберут, председатель все выпустил из рук. Ему наплевать, как готовится город к зиме, завезли ли овощи, уголь. Все это раньше контролировали бюро горкома, бюро обкома — те структуры, которые являли собой эту административно-командную систему.

Я думаю, серьезный сбой произошел, когда мы убрали — хоть не до конца — какие-то рычаги прежней системы, но не ввели новую систему, которая была бы действительно ориентирована на интерес работника.

Б. ПИНСКЕР: — Природа кризиса, по-моему, связана не с введением закона о предприятии, который не сработал нигде и никак. Это было чисто административное украшение, дорическая колонна при хорошей николаевской казарме. Теневой рисунок на стене.

Мы начали перестройку с программы ускорения. Она могла привести только к тому, к чему и привела,— к увеличению производства промежуточных товаров и кризису производства конечных товаров. Потому что невозможно форсированно развивать машиностроение, энергетику, химию, не имея достаточно ресурсов, но их не было.

П. МЕДВЕДЕВ: — А сама идея ускорения не была ли колоннадой при казарме? Не осталась ли только лозунгом?

Б. ПИНСКЕР: — Но средства-то вложены — колоссально выросло число начатых и незаконченных строек.

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Да никаких существенных средств, помимо того, что диктовала инерция, истрачено не было. И не могло получиться никакого ускорения: структура экономики деформирована, перестраивать ее «с ускорением» просто невозможно.

Л. ПИЯШЕВА: — Но что именно сейчас рушится? Когда рушится храм Христа Спасителя — это беда. А когда рушится царство Кащея Бессмертного, появляется вера в то, что дальше будет свобода, и Иван Царевич возьмет за руку Марью Прекрасную, и они пойдут в царство справедливости и благополучия. Мне кажется, у нас есть основания для такой веры.

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Но, понимаете, под обломками царства Кащея Бессмертного могут погибнуть и Иван Царевич, и его Марья Прекрасная, и даже серый волк...

Л. ПИЯШЕВА: — Позвольте, я продолжу. Мне кажется, сейчас мы находимся в эпицентре трех кризисов. Большого структурного кризиса, к которому мы шли много десятилетий. Малого — нормального, естественного экономического кризиса, который был подстегнут непоследовательной экономической политикой этого периода. И, наконец, глобального идейного, или духовного, идеологического, как хотите назовите, кризиса, который переживает страна. И это порождает постоянную противоречивость ситуации.

Первые два кризиса — большой структурный и малый конъюнктурный — объективны. Они не зависят от идеологии. Страна вписана в мировую экономическую систему, и мы переживем тот структурный кризис, который Западная Европа начинала переживать в гораздо меньшей степени, чем мы, но гораздо скорее осознала и сделала все для того, чтобы выскочить из него, перевооружить свою экономику. У нас этот очень болезненный и глубокий процесс начинается сейчас. Это перестройка всей экономической инфраструктуры. Нам надо строить заводы, создающие то оборудование и те машины, которые будут выпускать нужные нам товары. Нам сейчас нужны новые виды продукции. А без структурной перестройки мы их не получим.

Экономика выходит из кризиса банкротством, очищением. Кризис — это всегда источник обновления. Мы обновляем сейчас нашу инфраструктуру? Где у нас обанкротившиеся предприятия, которые должны высвободить труд и капитал, чтобы можно было их перераспределить?

Этому очищению мешает идеология, которая на каждом шагу твердит нам: это уже капитализм, на это мы никогда не пойдем. Но с ценностями, провозглашенными и «внедренными» в предшествующий период, надо расстаться раз и навсегда. Надо забыть о том, что такое социальная справедливость в социалистическом понимании, хотя бы лет на пятьдесят. Нужно дать возможность экономике сейчас пойти тем нормальным, естественным путем, которым она шла везде.

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Никакой экономики у нас нет. У нас есть народное хозяйство, но оно не имеет системы экономических оценок, с помощью которой можно было бы управлять хозяйственной деятельностью. Поэтому нельзя применять к нашему нынешнему состоянию те средства анализа и те рецепты, которые традиционно и прекрасно действуют в экономической системе.

Л. ПИЯШЕВА: — Только после того, как мы к нашей действительности начнем применять нормальные, здоровые критерии жизни экономической системы. мы поймем, что надо делать.

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Такого кризиса, как у нас, не было никогда и нигде. Знаменитый западный кризис 1929 года — «великая депрессия» — наступил в странах, в которых экономическая система была. Из него и вышли, и перестроили само производство, опираясь на основные экономические и социальные структуры, которые сохранились и продолжали действовать,— структуру собственности, систему экономических стимулов хозяйственной деятельности, политические структуры. А нам надо перестраивать абсолютно все.

Какую цену мы согласны платить за рывок в экономике

П. МЕДВЕДЕВ: — Простите, у меня вопрос к Ларисе Ивановне. Кто персонально не ввел оптовую торговлю?

Л. ПИЯШЕВА: — Я думаю, если бы наши ведущие эксперты настояли на этом, ее можно было бы ввести специальным актом.

П. МЕДВЕДЕВ: — Она была введена директивным актом.

Л. ПИЯШЕВА: — Это не акт, а декларация. Необходимо было первым же указом прекратить деятельность Госснаба. Извините, пока он есть, никакой оптовой торговли быть не может.

И. НИТ: — Очень важно понять, есть ли действительная возможность ввести рынок. Или ввести оптовую торгоалю. Или ввести еще что-нибудь из живых экономических явлений. Это, по-моему, величайшая и опасная утопия...

Итак, первым законодательным актом отменяем Госснаб. С завтрашнего дня. Что начнется, например, в Тюмени?

Две недели назад мы были там. В городе нет воды. Ее дают рано утром и дальше стараются давать только детским садам. Воду из реки Тюмени нужно осветлять сернокислым алюминием. Алюминий, кажется, производят в Сумгаите. Его не привезли.

Советская власть напрягается, обком напрягается, гонцы, депутаты Верховного Совета, несутся на самолетах в Москву выбивать сернокислый алюминий. Без воды человек долго прожить не может. Проблему решает кто? Снабженец. Как? А по тем самым вздорным, чрезвычайно неэффективным, но реально живущим связям, которые между ними установились. Нашли этот алюминий на Урале. Туда идет лес — по каким эквивалентам, никто не понимает, но этот алюминий очень нужен, и можно было бы запросить больше леса. По старым связям этот лес тут же выделяется, на второй или третий день появляются первые четыре вагона сернокислого алюминия. В городе снова вода.

Если зимой бастуют, в Госснабе на распечатках отмечено, на каких электростанциях мазута осталось менее чем на пять-шесть часов. И какие маршруты проходят близко от этого города. Госснаб самым идиотским способом переадресует этот маршрут туда, чтобы не прекратилось отопление в городе.

Эффективно? Нет. Спасает это жизнь людям? Да. Уберите это — и завтра во многих городах не будет электроэнергии. Это значит все — не будет воды, не будет тепла, не будет ничего.

Госснаб сегодня очень эффективен. Но мы с вами умеем действовать еще хуже в этой неэкономической системе, в которой можно что-то делать только очень неестественным способом, стоя на голове. Они этому научились.

Б. ПИНСКЕР: — Отчего у нас всегда либо так, либо этак? Либо Госснаб распоряжается последним гвоздем в стране, либо он выходит из игры сразу, окончательно и целиком. Либо у нас нельзя на кухне сказать: «Похоже, что наше начальство сошло с ума», либо азербайджанские железнодорожники могут месяцами блокировать снабжение Армении — и ничего.

И. НИТ: — Как, вы считаете, надо выводить Госснаб из игры?

Б. ПИНСКЕР: — Более или менее постепенно...

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Простите, но я настаиваю, чтобы в журнале осталась ваша фраза о том, что Госснаб надо закрыть завтра же. Иначе весь этот наш разговор теряет смысл.

И. НИТ: — Если вы говорите, что Госснаб или министерства надо потихоньку разгонять, и не разгонять, а выдавливать постепенно, плечиком, плечиком,— и скинуть, то я согласен. Но этот процесс надо продумывать, чтобы ни на минуту не обрывались хозяйственные связи, чтобы между старым и новым контурами управления не было зазора.

Л. ПИЯШЕВА: — Конечно, перейти к рыночным отношениям с завтрашнего дня нельзя. Но завтра можно ввести законодательство, которое обеспечит стране плавный, относительно бескризисный и относительно сглаженный, самортизированный процесс перехода.

Монолог о проснувшемся великане

Ю. ЛЕВАДА: — Мы все друг друга призываем: давайте будем умными. Если, скажем, нельзя завтра ликвидировать Госплан, министерства, Госснаб, то хотя бы сегодня все поймем и завтра перестанем делать экономические и политические глупости. Такое весьма распространенное представление о том, что общество может умнеть и глупеть, как это иногда бывает с отдельным человеком.

Общество — чрезвычайно инерционная машина не только потому, что оно экономически неповоротливо, но его ментальные резервы, его психология еще менее поворотливы. Даже если мы с вами сейчас все вдруг договоримся, что мы кончаем всякую игру со всякими там ценностями справедливости, от этого в обществе в целом мало что произойдет.

Я хочу напомнить очень старое изречение Винера: общество в целом глупее человека, так же, как волчья стая — глупее одного волка. И стоит умного, образованного экономиста посадить на очень высокое место, дальше уже оглуплять его не надо. Дальше он действует так, как может действовать вся система.

Но это наверху. Внизу — серьезнее. Есть триста миллионов людей, которые, положим, Маркса не читали, но в вульгаризованной форме ценности определенного порядка в себя впитали. И одно из самых интересных явлений последних месяцев в том, что этот спящий великан просыпается. Земля начинает трястись вот здесь, под подошвами, под нами, под Верховным Советом, под приказной системой — под всеми сразу. Он ее трясет. Это самое страшное и самое серьезное из того, что происходит.

Этот великан требует, чтобы его больше кормили, чтобы ему больше дали, чтобы с него меньше хотели. Он ничего другого требовать не может. Вот и попробуйте закрыть снабжение и открыть с завтрашнего числа рынок.

Кроме всех прочих причин и всех прочих резервов, не только экономика, но и наше общество имели очень большой, удивительно большой резерв доверия. Не идеологического, а психологического. Он зиждился на представлении о том, что все вечно и никак не изменится. Этому вечному и доверяли, внутри него как-то устраивались, рассчитывали, просили, уговаривали.

Сейчас мы присутствуем при том самом сакральном моменте, когда этот ресурс исчерпался. Это немедленно сказалось на таких чисто экономических вещах, как потребительское поведение, склонность к сбережениям, как доверие к кредитам, а также таким отноше-

ниям, которые с кредитом связаны, например аренда и прочая долгосрочность.

Никто ничему не верит. Кризис с солью или со спичками, который прошлым летом волной прошел через Москву, имеет психологическую природу и означает кризис доверия. Настолько не верят, что завтра будет соль, что сегодня ее скупают. Вывернулись, конечно, но смогли убедиться, насколько тяжел неуловимый, тонкий кризис доверия масс. Люди больше не хотят терпеть, не доверяют и не могут ждать.

Любая стратегия перестройки предполагает стабильное, разумное, пользующееся доверием руководство. У нас его нет, и у нас его не может быть. Я не имею в виду персонально кого-то, но всю управляющую систему, взятую целиком. Отсюда мечты об умном генерале, который возьмет дело в твердые руки, заставит верить и осторожно, постепенно, медленно реформирует, и накормит, и не допустит. И через какое-то неопределенное время мы придем к тому, к чему пришли французы после де Голля или испанцы после генералиссимуса. Не может у нас этого быть.

И. НИТ: — Генерала?

Ю. ЛЕВАДА: — Генералов у нас, как и прочих людей в сапогах, достаточно. Они могут быть, увы, незаменимыми в чрезвычайной ситуации локального масштаба. Но наша «чрезвычайка» — универсальная, и потому она не имеет, как мне кажется, никакого «разового» решения. Невозможно, чтобы кто-то пришел, узрел и победил (установил мудрое правление, ввел разумные цены и современный рынок, всех устрашил, сплотил и прочее, и прочее). Скорее всего, придется и впредь двигаться испытанным методом скачков и шараханий, переходить от проб к ошибкам и наоборот. Надежда только на то, чтобы при этом обрести запас прочности и чему-нибудь научиться...

К здравомыслию — через экономическую свободу

В. ФИЛИППОВ: — Если наш главный дефицит — дефицит доверия к руководству и если мы при этом не можем сегодня-завтра накормить людей, то, по-видимому, надо хотя бы накормить их экономической свободой. Насколько это эффективно, показали наши политические свободы, которые были даны. С каким энтузиазмом люди влезли в политику! И, может быть, мы бы начали постепенно обретать уважение и доверие к власть имущим.

Конечно, произошла бы перекристаллизация общественного сознания, появились бы другие авторитеты, другие критерии выбора людей. Все старое, к чему сейчас высказано явное недоверие, начало бы уходить на глазах, и новое появлялось бы не сверху, а рождалось просто из хозяйственной деятельности. И это уже было бы, безусловно, хорошо.

И еще: сегодня в нашей политической жизни самое страшное — всеобщее непонимание, что разрешить все конфликты может только взаимоприемлемый компромисс. Мы все привыкли воспринимать его как проявление слабости. А возродить в обществе ценность взаимных уступок, договорных начал можно как раз на основе ведения хозяйства, торговли, где отказ от компромисса очень дорого стоит и можно сосчитать, сколько именно. Я, азербайджанец, сгною продукты, чтобы не продавать армянину, и сразу пойму, сколько теряю на этом.

Мне кажется, свободное хозяйство, свободное предпринимательство — единственно возможная основа рождения благомыслия, здравомыслия. Но вот как все это сделать,— несомненно, я не знаю.

Б. ПИНСКЕР: — Дать экономическую свободу — это означает вернуть людям собственность. И никакого другого смысла тут нет, быть не может и от природы никогда не было. Аренда, за которую сегодня все уцепились, может у нас работать лишь в системе, основанной на священном праве частной собственности, где-то на краю этой системы. Иначе она работать вообще не будет.

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Если человек не готов к аренде, то он не готов и к собственности.

Б. ПИНСКЕР: — А кто ему давал даже эту аренду?

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Поставим вопрос иначе. Кто мешает?

Б. ПИНСКЕР: — А кто мне гарантирует свободу действий и необходимые условия?

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Но условия хозяйствования — это ваши взаимоотношения не с землей, а с теми, у кого вы надеетесь купить все, нужное для хозяйствования на этой земле, кому собираетесь продать урожай. Сейчас все это будет выглядеть при аренде примерно так же, как и при собственности.

В. ФИЛИППОВ: — Да все проще. Если мы административно ликвидируем, скажем, среднее звено управления и отменим обязательные поставки сельхозпродукции, а будем регулировать производство только закупочными ценами, другого источника жизни ни у колхоза, ни у арендатора, ни у крестьянина-фермера больше не будет, кроме как реализация продукции. Если они хотят жить, они будут работать. Кто-то будет работать только для того, чтобы прожить и купить бутылку водки, а кто-то будет работать в десять раз больше и в двадцать раз лучше, для того чтобы обогатиться и создать достойные условия жизни. И именно эти несколько миллионов накормят страну.

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — На каких машинах, с какими удобрениями?

А может, у страха глаза велики?

Б. ПИНСКЕР: — Мы сейчас — между двумя пропастями. С одной стороны, инфляционный шок, но без всякого просвета впереди, потому что простое накачивание денег в экономику не дает никакого роста. С другой — возможен дефляционный шок с максимальной экономической свободой для производителя. Неужели это разрушит страну? Да нет, конечно.

Мы получим очень быстро, в течение года, двадцать — тридцать миллионов безработных и — одновременно — гигантские резервы для перестройки чего угодно. Разумнее просто кормить эти двадцать — тридцать миллионов, чтобы они не переводили необъятное количество сырья, материалов, энергии. У нас производится — об этом говорилось многократно — в шесть раз больше тракторов, комбайнов и прочего, чем нам нужно. Так почему бы не позволить нескольким тракторным и комбайновым заводам обанкротиться?

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Скольким?

Б. ПИНСКЕР: — А стольким, сколько нужно...

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — А вот по моим подсчетам это двенадцать тысяч предприятий.

Б. ПИНСКЕР: — И дай им бог здоровья.

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Дай им бог здоровья? А что вы будете делать с этими людьми? Вы себе можете это представить?

И. НИТ: — Проблема еще раньше начинается. Какие должны обанкротиться?

Б. ПИНСКЕР: — А те, на чью продукцию не будет спроса.

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — У нынешних производителей спрос на то, что в долгосрочной перспективе не надо делать. Конъюнктура деформирована, потому что деформирована структура хозяйства. Если вы сейчас полностью отпустите рынок, то инициируете чудовищный кризис.

Б. ПИНСКЕР: — Кризис мы уже имеем. Управлять им, как и вообще любым кризисом, невозможно. Так пусть он из деструктивного перерастает в нормальный структурный кризис. Он приведет очень быстро, за два-три года, к радикальной перестройке экономики. Через три года мы будем иметь отлично функционирующий рынок.

П. МЕДВЕДЕВ: — Сколько городов замерзнет за три года? Мне все это напоминает знаменитую формулу: "сначала захватим телеграф и телефон, а потом уже как-нибудь будем строить коммунизм.

В. ФИЛИППОВ: — Независимо от экономического смысла и целесообразности общество сегодняшнее такого варианта не примет.

Б. ПИНСКЕР: — Откуда вы знаете, что оно примет или не примет? При такой политике вполне реально обойтись и без всяких ужасов, которыми нас любят пугать. Сейчас предлагают перейти на всеобщую карточную систему на основные потребительские товары. Это имеет смысл только при такой политике, о которой я говорю. Мы каждому человеку обеспечиваем некий минимум: 400 граммов хлеба, два-три вида крупы, 300 граммов растительного масла и 100 граммов сливочного масла в месяц. Все. Государство больше никому ничего не гарантирует. А дальше — работай, зарабатывай, создавай для себя богатства. Государство выходит из игры — оно должно выйти из игры в какой-то момент и каким-то способом.

Если у безработных средств будет в обрез, они будут искать работу. А если одновременно дать возможность развития малому бизнесу, помогать созданию кооперативных и индивидуальных предприятий, они довольно быстро найдут себе работу. У нас в стране прореха на прорехе. Нам нужны колоссальные средства и колоссальные силы для строительства жилищ, дорог, для всего.

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Вам остается только взять лист ватмана и начертить, как это все будет. Ваш гарантированный минимум — немного еды, вода, отопление — это же почти вся экономика! У нас почти ничего и нет, кроме этого минимума.

Б. ПИНСКЕР: — И кроме военно-промышленного комплекса....

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Его можно, по вашему мнению, очень быстро конвертировать? Вы понимаете, что это чудище обло, огромно, озорно, стозевно и лайяй? И чтобы его конвертировать, нужны десятки миллиардов. Откуда вы их возьмете?

Еще один способ отключить государство от экономики

Л. ПИЯШЕВА: — Я хочу предложить несколько иную схему, которую предлагала три года назад,— мне кажется, еще можно попробовать. Я бы сейчас распродала абсолютно всю сферу услуг и торговлю. На какие деньги их купят? Мне очень нравится идея, которую предложили еще лет десять назад. Мы оцениваем все наше хозяйство и делим полученную сумму на число душ в стране. Получится, положим, пятнадцать тысяч. Каждой семье будет выдан такой мандат-чек: 15 тысяч, умноженные на число людей в семье. И на эту сумму я могу купить что хочу. Парикмахерскую. Ателье. Либо я с соседом куплю кусок земли. Или мы вот объединимся и построим типографию.

Так мы проблему собственности и демонополизации решим довольно быстро. И сможем реально отключить государство от экономики. Пусть оно защищает нас от врага иноземного, от уголовников.

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Давайте посмотрим, что произойдет, если реализовать вашу схему. Множество людей ничего не захотят выкупать у государства. Они продадут эти бумаги за живые рубли, за копейки, за бутылку водки. Умные люди все скупят. Ну, положим, нынешний директор ЗИЛа Браков купит этот завод. Кто ему гарантирует материально-техническое снабжение?

Б. ПИНСКЕР: — Тот, кто купит снабжение.

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — И они найдут друг друга через десять лет. За одну неделю предприятия не раскупят. Целую неделю не будет в Тюмени сернокислого алюминия, за это время начнется эпидемия и некому будет раскупать собственность. И мусор вывозить не будут, и воду вам перекроют, и газ вы получать не будете...

Л. ПИЯШЕВА: — Да я же не о сроках, а о принципе: доходы надо отпустить. Надо переставать забирать все в бюджет для того, чтобы потом перераспределять. Предприятиям надо оставлять все, что они зарабатывают, изымая лишь простейший налог — один-два процента. И все доходы, которые ты получаешь, нужно дать возможность свободно инвестировать в любую сферу, свободно капитализировать.

Что должно быть железно в этой системе — это деньги. Чтобы рост денежной эмиссии не превышал установленного уровня, чтобы ни одной лишней банкноты в обращение не вышло, чтобы государство не могло тратить миллиарды рублей. Иначе не будет ни свободного маневра, ни инвестиций, мы не сможем изменить структуру экономики и не приблизимся к рынку. У государства есть резерв, запас, которым оно сейчас кормит убыточные предприятия, убыточное сельское хозяйство. На эти средства и можно ситуацию самортизировать.

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Ну эта стратегия понятна: «лучше ужасный конец, чем ужас без конца». Вы попробуйте объявить рабочим крупного завода, что завод убыточен и его надо закрыть...

Л. ПИЯШЕВА: — Пробовала. У меня замечательная практика — предвыборная кампания. На загорских заводах выступала перед рабочими с изложением этих идей, и надо сказать, что рабочие не просто слушают, они поддерживают и готовы идти по этому пути. Для вас слово «банкротство» — кошмар и ужас, а это всего лишь передача собственности от одного развалившего дело собственника другому, который умеет и хочет хозяйствовать. Рабочие на местах, а завод начнет выпускать то, что нужно. Конечно, этого не произойдет в один день. В целом, я думаю, мы могли бы выскочить из структурного кризиса лет за десять — пятнадцать. Но только в том случае, если начнем решительно действовать сегодня же.

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Как прекратить эмиссию, если нечем платить зарплату? И вашего нового собственника нужно первое время поддерживать, пока завод не выйдет из прорыва.

П. ГРЕГОРИ: — Мне кажется, успех западной экономики во многом связан с независимостью Госбанка. Все хотят денег — и государство, и предприниматели. Очень непопулярно сказать: «Нет». А если дать всем, будет инфляция. Но есть инстанция, которая этого категорически не желает, и если у нее будет достаточно сил, будет противостоять инфляции,— это банки. Знаете, как у нас отвечают на вопрос, кто самый сильный человек в Америке? Всегда называют двух: президент и глава Госбанка. И все экономисты думают, что глава Госбанка важнее, чем президент. Я полагаю, вам необходимо создать новую банковскую систему, чтобы выпуск денег стал делом коммерческим, а не административным.

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — В мою схему это прекрасно вписывается.

Как «вырастить» рынок

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Экономист Отто Лацис говорит, что нам равновесные цены нужны немедленно. На основании чего? А на основании анализа книжной торговли. Именно там есть равновесные цены. Есть предложение. Есть спрос, который удовлетворяется на все, что есть. Совершенно замечательно. И он говорит: почему бы нам не сделать так в народном хозяйстве?

Из этого, с моей точки зрения, вовсе не следует, что в народном хозяйстве надо вести себя подобным образом. Но это значит, что Лацис нашел такой участок, где действительно почти возможна такая либерализация. Именно в книгоиздательском деле и можно предоставить издателям право назначать цены на книги совершенно самостоятельно. Какую хотят, такую пусть и назначают. Но при этом должен быть очень большой налог на сверхприбыль. Какие будут последствия?

Во-первых, равновесие на книжном рынке. Цены этого равновесия будут ниже, чем цены черного рынка и чем договорные цены в нынешних букинистических магазинах. Случайных людей, наживающихся на распределении и не связанных с производством, не окажется. Сейчас их полно.

Дальше коммерческие отношения начнут прорастать в смежные сферы. В типографскую деятельность. В производство бумаги, полиграфического и издательского оборудования, в торговлю и так далее. Все эти сферы окажутся не просто экономически вынужденными, а экономически заинтересованными подчиниться правилам игры, устанавливающимся в этой новой сфере. В результате прежде всего смягчится дефицит бумаги.

Б. ПИНСКЕР: — В результате это прорастание обрубят быстро и грубо. Как только начнется строительство новых типографий и бумагоделательных фабрик, тут же начнется и конкуренция за цемент, металлоконструкции, за все, что нужно для их строительства. Тут же выяснится, что этот вновь создаваемый частный сектор обладает бесценным преимуществом перед Госпланом...

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — А он — не частный.

Б. ПИНСКЕР: — А, простите, какой?

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Государственный.

Б. ПИНСКЕР: — Тогда вообще ничего не случится.

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Почему?

Б. ПИНСКЕР: — Потому, что тогда директор издательства — чиновник, а не хозяин. В лучшем случае не пройдет и двухсот лет, пока дело сдвинется с мертвой точки.

В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН: — Пройдет ровно столько, сколько и должно пройти. Если двести, значит, быстрей нельзя.

А дальше надо выявлять в народном хозяйстве те области деятельности по регионам, секторам, продуктам, где можно вводить коммерческие основы и экономические отношения без того, чтобы это привело к серьезным нежелательным долгосрочным или среднесрочным последствиям.

С моей точки зрения, главное в наших социально-экономических преобразованиях — это синхронизация происходящих и хотя бы в какой-то степени управляемых процессов. Нельзя построить рынок в той структуре, которую мы имеем. Нельзя изменить структуру, не развивая рыночные силы. Нормальная структура, сбалансированный рынок должны быть достигнуты одновременно. Одно другое обогнать не может.

Совершенно ясно,— по-моему, сейчас все с этим согласны,— что нам нужна достаточно твердая централизованная власть. Без этого никто не выходил из серьезных кризисов. Но упаси бог, если усилятся именно те функции централизованной власти, которые для нас традиционны и которые привели к кризису. Нужны принципиально новые методы. Это, конечно, финансовое регулирование. Это плюрализм форм собственности. С развитием рынка появятся и средства его регулирования. Они свои в каждой стране. Их нельзя придумать заранее.

И совершенно ясно — тема, которая здесь почти не затрагивалась,— что нормализовать наше экономическое положение нельзя без интеграции в мировое хозяйство. Мы с этим мировым хозяйством связаны: что-то продаем, что-то покупаем. Но никакой интеграции не будет без конвертируемой валюты, с которой все предприятия имеют абсолютно свободный выход на мировой рынок и иностранные предприятия имеют относительно свободный вход в нашу экономику. И конвертировать рубль нельзя раньше, чем будет выращен и сбалансирован рынок.

И. НИТ: — Мне кажется, две ипостаси собственности явочным порядком можно передать коллективам уже сегодня: распоряжение и пользование. А когда станет ясно, кто этим пользуется и распоряжается эффективно, можно уже поговорить и о владении.

В. ФИЛИППОВ: — Я бы разделил проблему на три. Во-первых, нам нужно выйти из коматозного состояния. Это тоже структурный вопрос. Мы должны хотя бы попытаться насытить рынок, ликвидировать самые страшные провалы и страшные дефициты в экономике.

Вторым этапом могла бы стать ликвидация наиболее грубых диспропорций в народном хозяйстве, которые мы можем пока интуитивно выявить даже без рынка. Уже сегодня в принципе ясны основные диспропорции между первым и вторым подразделением общественного производства, между отраслями «А» и «Б» в промышленности, о гипертрофированной структуре военного производства. Эти структурные перестройки можно начать и административно, одновременно развивая рыночные отношения. Потому что в конечном счете здоровая структура формируется только на основе рынка и выявления тех реальных потребностей, которые в обществе существуют. Другого способа нет.

Беседу за «круглым столом» организовали и подготовили к печати П. МЕДВЕДЕВ *и* И. ПРУСС

Рисунок Д. Лиона

И дольше года длится день...

Если бы Венера была обитаема, ее жителям трудно было бы вести свой календарь. Посудите сами: что стоила бы их летопись, если дни в ней тянутся дольше лет? Действительно, венерианские сутки равны двумстам сорока трем земным, а венерианский год завершается за почти двести двадцать пять наших дней. Поэтому Венера считается весьма экзотическим объектом среди других планет Солнечной системы. Но непонятно все же, отчего с ней такое происходит. Оценивая действующие на планету факторы, астрофизики выделяют главное — приливную силу Солнца. Конечно, гигантское влияние светила должно подавлять все остальные, в том числе и от соседних планет. Но тогда, согласно расчетам, всего за сто миллионов лет должно было бы установиться полное равенство венерианского дня венерианскому году — совсем как у нашей Луны, чего на самом деле никогда не было и нет.

Сегодня наиболее распространенное мнение среди ученых связывает поведение Венеры с резонансным влиянием со стороны Земли. В последнее время эту модель проверяют в Горьковском государственном университете. Тут провели расчеты, где учли все периоды вращения, обращения, все расстояния и силы тяготения, и сопоставили их с данными астрономических наблюдений. И вот оказалось, что Венера вращается быстрее, чем ей это предписывается моделью резонансного влияния нашей планеты. То есть ее сутки короче, чем должны быть согласно теории, а значит — что-то действует на нее сильнее Земли. Исследователи обнаружили также, что нет никакой связи между протяженностью года и суток на этой планете. «Венера находится вне резонансной зоны, соответствующей этому синхронизму»,— выносят свой вердикт столь удобной гипотезе горьковские ученые. Но тогда проблема венерианского дня вновь становится открытой. Кто или, точнее, что определяет его длительность — неизвестно.

КУРЬЕР НАУКИ
И ТЕХНИКИ

Аптека внутри нас!

Ленинградские ученые развивают одну чрезвычайно интересную концепцию. Согласно ей, в нашем организме сами собой вырабатываются различные антибиотики, служащие для эффективной защиты от массы атакующих нас инфекций. Косвенным свидетельством того служат процессы заживления ран — интенсивный распад клеток и белков в них сам по себе как-то очищает раны от микроорганизмов. Значит, рассуждают исследователи, антибиотики высвобождаются из состава клеток, успевают сделать свою полезную работу и затем сами распадаются. Еще и по этой причине их так трудно обнаружить в воспалительном очаге и выделить для изучения. Есть и другие доводы в пользу гипотезы. Вспомним, что «настоящие» антибиотики в промышленности выделяют именно из микроорганизмов, а недавно еще один из них получили прямо из клеток кожи лягушки. Эти природные вещества по химическому строению представляют собой пептиды — разной длины обломки белковых молекул, часто с включением небелковых компонентов.

Чтобы проверить свою гипотезу, ученые решили доказать, что пептиды, рассеянные по всему организму, обладают бактерицидной активностью. Для опытов взяли двадцать один пептид с известным химическим строением, то есть молекулы, содержавшие от пяти до десяти аминокислот, и обработали ими культуры патогенных бактерий — стафилококка, стрептококка, сальмонеллы и других. Среди прочих самым сильным «антибиотиком» оказался интерэнкефалин А, содержащий пять аминокислот — лизин, аргинин, фенилаланин, аланин и глутаминовую кислоту. Кроме того, выяснилось, что его антимикробные свойства можно было резко усилить при замене первой и четвертой аминокислот небелковыми аминокислотами. Таких пептидов, полагают исследователи, должно быть в нашем организме множество. Структурно закрепленные в составе белков — в клетках, они по мере надобности выполняют роль антибиотиков и, видимо, служат важнейшим элементом механизма «неспецифической защиты» от инфекций, которым обладают животные и человек.

Новые имена на карте океана

Началось все с того, что в 1984 году советские ученые К. Н. Федоров и А. И. Гинзбург-Федорова, рассматривая космические снимки океана, обнаружили на его поверхности какие-то огромные грибовидные структуры. Исследователи предположили, что, возможно, так выглядит развитие малых воздействий на воду самого верхнего и наиболее легкого слоя океана. Дело в том, что аналогичное явление уже наблюдалось в опыте. Там небольшое течение, возникающее по какой-либо причине, принимало вид струи, которая скользила в узком поверхностном слое и размешивалась в ней следующим образом. Ее фронт, встречая сопротивление, становился круглым, из-за этого струя разделялась на две симметричные части. Далее они сами собой закручивались влево и вправо в виде спиралей. Вся структура приобретала вид молодого гриба, если его разрезать вдоль — от шляпки к ножке. Вот нечто подобное и глянуло с космических фотографий. Неужели и в океане на больших площадях возможны такие явления?

Чтобы разобраться в этом вопросе, в Институте океанологии имени П. П. Ширшова АН СССР выполнили расчеты и провели специальные опыты, моделирующие процессы в океане. В бассейн с соленой водой, где за длительное время установилось разделение слоев по вертикали — наверху менее соленые и менее плотные слои, чем внизу,— впустили через тонкую трубочку струю подкрашенной жидкости. Она имела ту же плотность, что и вода верхнего слоя. На конце струи образовался круглый окрашенный фронт в виде зонтика, вначале маленький, потом все больше и больше. Внутри «зонтика», слева и справа от струи, закручивались одинаковые спирали из подкрашенной жидкости — настоящие вихри. Через них, собственно, и происходило размешивание массы струи в пределах верхнего слоя.

Эти вихри, считают экспериментаторы, в реальной жизни океана должны играть основную роль в турбулентном обмене внутри слоя в случаях, когда обмен по вертикали между разными слоями очень мал. «Мы предлагаем,— резюмируют они свое исследование,— поэтому назвать грибовидные когерентные структуры в верхнем слое океана федоровскими».

Когда спящий проснется...

Известно, что рыбы в водоемах средней полосы часть года ведут активный образ жизни, а остальное время — пребывают в спячке. Это и понятно. Когда вода покрывается слоем льда, доступ кислорода в воду затрудняется, что создает его нехватку для дыхания. Кормовых организмов — всевозможных мелких рачков — тоже нет. Значит, есть нечего и дышать почти нечем. К тому же вода подо льдом очень холодна — ее температура от долей градуса до плюс двух — пяти градусов. А рыбы, как известно, существа холоднокровные, и температура их тела полностью зависит от окружающей среды. Естественно, в таких условиях их биохимические процессы обмена в организме заторможены, настроены на режим наибольшей экономии энергии и кислорода. Вот потому-то рыбы зимой и находят где-нибудь на дне укромные места и надолго там затаиваются — до самой весны.

Итак, если полгода рыба не питается, тогда за счет чего она выживает? По аналогии с наземными животными считалось, что пребывающий в спячке организм понемногу тратит свои жировые накопления. Но для рыб это оказалось не совсем так. Во Всесоюзном НИИ прудового рыбного хозяйства провели специальные опыты с мальками карпа, первый раз в жизни оставленными на зимовку в пруду. Раз в месяц отлавливали несколько особей и проводили биохимический анализ. В результате выяснилось, что голодающие карпы не так уж и голодны. Они, как и наземные их собратья, всю зиму понемногу расходуют вещества своего тела, из-за чего постепенно худеют, теряют в весе. Однако в дело «внутреннего пропитания» идут не столько жировые накопления, сколько белки мышц, кожи, чешуи и даже плавников. И такого «рациона» вполне хватает рыбам, чтобы дотянуть до весны.

Любопытно, что зимующий в пруду карп, буквально проедая свое тело, бережет и почти не затрагивает тканей и наружных покровов головы. Очевидно, когда спящий карп проснется, первое, что ему понадобится для того, чтобы освоиться в новой жизни, это как раз голова.

На пути к искусственному топливу

Синтез органических веществ из неорганики представляет интерес по меньшей мере с двух точек зрения. Во-первых, его реализация в лаборатории как-то расширяет наши знания о путях и способах возникновения живого. Во-вторых, синтетическая органика рассматривается как потенциальное топливо для получения энергии, что очень важно в связи с истощением природных ресурсов нефти, угля и газа. В основе реакции синтеза лежит химическое превращение углекислого газа и воды в органические соединения, например углеводы или углеводороды. Интересно, что все они «легко» получаются в природе в клетках зеленых растений и дают искомый полезный результат — горючее топливо. Тогда возникает практически важная задача — как сделать нечто подобное, как говорят биологи «ин витро», то есть «в пробирке».

Когда термодинамику подобных процессов изучили в московском Институте горючих ископаемых, то сразу же обратили внимание на следующие обстоятельства. Органический синтез связан с поглощением энергии, собственно, той самой, которую затем можно вернуть при сжигании. Скажем, чтобы синтезировать килограмм глюкозы, надо затратить шестнадцать тысяч килоджоулей тепла. А сжигая ее, можно получить это тепло обратно. Но вот что характерно. Сгорание топлива происходит быстро при очень высокой температуре, а его синтез, во всяком случае в клетках растений,— при низкой и медленно. Энергия затрачивается и выделяется одна и та же, но время ее запасания во вновь образующейся органике много больше, чем время ее высвобождения при сжигании. Осознав этот факт, ученые предприняли попытку синтезировать органическое вещество при почти комнатной температуре. Для этого раствор карбоната в воде с добавкой солей металлов на тридцать часов поместили в термостат, где поддерживалась температура плюс шестьдесят градусов. Когда его вынули обратно, то обнаружили, что на поверхности воды плавали некие твердые частицы, а в ее толще — клубки каких-то волокнистых нитей. После спектроскопии выяснилось, что в первом случае это были полиуглеводороды типа полиметана, а во втором — полиуглеводы типа сахаров. Низкотемпературный синтез органики, таким образом, вполне состоялся.

«ХОББИТСКИЕ ИГРИЩА»

Оргкомитет «Хоббитские игрища—90» ставит целью собрать любителей сказочной фантастики для проведения семинара, выставки графических работ, конкурсов и ролевой игры по сказочной эпопее Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец».

«Хоббитские игрища» планируется провести с 4 по 11 августа 1990 года на реке Мана в окрестностях Красноярска. По окончании игры желающие могут продолжить отдых в полутора-двухдневном сплаве по Мане.

На игры уже поданы заявки более двадцати клубов. В клубы, подавшие заявку на игру, будет бесплатно рассылаться фэн-газета «Палантир», издающаяся с октября 1989 года в рамках подготовки к играм.

Оргкомитет планирует выпустить к играм плакаты, значки, майки, вымпелы с эмблемами «Хоббитских игрищ». Для закупки продовольствия, заказа транспорта и снаряжения с играющих будет взиматься оргвзнос.

Оргкомитет «Хоббитских игрищ»

Н. Макаров,
кандидат исторических наук
Н. Кренке,
кандидат исторических наук
С. Чернов,
кандидат исторических наук

Покровские курганы под Подольском были раскопаны в 1860-е годы А. П. Богдановым. «Несовершенная» техника раскопок траншеями позволила не только исследовать погребения, но и сохранить сами насыпи.

Археология. Открытия или утраты?

Археологические раскопки нередко уподобляют чтению летописи. Полагаем, сравнение это не отражает самой сути происходящего, потому что в процессе исследования археолог разрушает объект раскопок. Конечно, древние предметы, собранные в культурном слое, попадают в музейные коллекции, чертежи и фотографии вскрытых жилищ или погребений поступают в архивы, но сами древние памятники перестают существовать, на месте их остаются пустые котлованы. И если продолжить сравнение раскопок с чтением летописи, придется признать, что каждую ее страницу можно прочесть лишь один раз. При этом читатель уничтожает подлинный документ, составив его конспект и скопировав некоторые наиболее любопытные страницы.

О «разрушительном эффекте» раскопок хорошо известно каждому студенту-археологу, тем не менее эффект этот редко воспринимают как реальную угрозу культурному наследию древности. На то есть несколько причин. Во-первых, на территории СССР зафиксированы десятки тысяч древних поселений, курганов и могильников — такого количества памятников должно хватнть на многие поколения археологов. Во-вторых, хозяйственная деятельность человека ежегодно разрушает сотни археологнческих объектов. Раскопать поселения и могильнники, оказавшиеся в зоне промышленного строительства или мелиорации,— еднственный, казалось бы, способ сохранить хотя бы часть заключенной в них исторической информации. Наконец, нельзя отбрасывать и чисто эмоциональное отношение к раскопкам. Для большинства специалистов это не только процесс, благодаря которому наука получает новые данные, но н азартное, захватываю-

щее занятие. Археолог, ведущий расчистку могильной камеры или раскапывающий древнее жилище, целиком поглощен этой деятельностью и о ее разрушительном эффекте чаще всего даже не помышляет. Но масштабы раскопок с каждым годом возрастают, и перед нами встает целый ряд нелегких вопросов.

Так ли необъятно число археологических памятников?

Так ли ничтожны утраты, нанесенные памятникам в результате раскопок?

Так ли совершенна существующая практика спасательных раскопок и всегда ли она помогает памятники сохранить?

И вот, задавшись этими вопросами, попытаемся проследить судьбу всего одной категории археологических памятников — древнерусских курганов.

В IX — XIII веках восточные славяне (а также скандинавы и некоторые финно-угорские племена) погребали умерших, помещая кремированные останки или несожженное тело под курганную насыпь. Сотни курганных групп были разбросаны по всей территории Руси, от Ладоги до Среднего Поднепровья. Деревенские могильники могли состоять лишь из трех — пяти насыпей, а некрополи крупных поселений включали тысячи курганов. В славянских курганах в отличие от более ранних скифских или сарматских не встречается дорогих золотых украшений, но для историка, изучающего русское общество эпохи Владимира и Ярослава, они дают поистине бесценную информацию. Курганные древности позволяют судить о языческих обычаях и о первом знакомстве славян с христианством, об общих чертах культуры, объединявших славянство, и о культурных различиях, разделявших области и племена, о демографических процессах и социальной иерархии в обществе.

Интерес к славянским курганам появился в середине прошлого века, а к началу нашего столетия их раскопки приобрели огромный размах. Их вели люди разных сословий и общественных взглядов: аристократы — члены столичных археологических обществ, и краеведы из губернских городов, земские учители и приходские священники. Трудно подсчитать, сколько курганов было раскопано в России до начала первой мировой войны, может быть, тысяч двадцать, но на самом деле, очевидно, гораздо больше. Благодаря этим раскопкам историческая наука получила представление о материальной культуре Древней Руси. Но во многих районах погребальные памятники IX — XIII веков после этого перестали существовать.

Массовые раскопки начал граф А. С. Уваров, учредитель Московского археологического общества, создатель Исторического музея. В 1851—1854 годы им и его помощниками во Владимирской губернии было раскопано более семи тысяч курганов. Спустя полвека А. А. Спицын, один из известнейших отечественных археологов, жестоко осудил А. С. Уварова за низкое качество раскопок, вследствие которых, по его мнению, «Суздальская область была... основательно очищена от курганов». Действительно, на территории центральных районов Владимиро-Суздальской Руси сохранилось теперь лишь несколько курганных групп, не замеченных в свое время А. С. Уваровым. И хотя упреки Уварову должны быть скорее переадресованы его эпохе, не выработавшей правильных приемов полевых исследований, несомненно, что именно эти раскопки сделали невозможным сегодня аргументированное решение многих научных проблем. «Тем горестнее утрата Владимирских курганов,— писал А. А. Спицын,— что они представляют собою единственный материал для решения вопроса, какое именно русское племя легло в основу великоруссов и как велика примесь к ним финской крови. Потеря этих курганов невознаградима ничем».

За несколько лет до того, как были написаны эти слова, Костромская ученая архивная комиссия завершила раскопки курганов в Поволжье, между Костромой и Кинешмой, исследовав около 1900 насыпей. А. А. Спицын решительно высказался против продолжения этих раскопок, но уже тогда, когда... костромские курганы перестали существовать. Раскопки здесь велись аккуратно, часть дневниковых записей была вскоре опубликована, а предметы из погребений не были спутаны и потеряны при небрежном хранении. Но, как показали разведки семидесятых годов, от самих костромских курганов осталось лишь несколько десятков насыпей... Для нас навсегда останутся неясными многие особенности конструкции этих курганов, детали обряда и многое другое.

Столь же масштабные раскопки велись в конце XIX — начале XX веков на Ижорском плато и в Приладожье, в Смоленском Поднепровье и на Черниговщине. В двадцатых — тридцатых годах интерес к курганам несколько ослабел, но в послевоенное время сплошные раскопки возобновляются, хотя большинству их организаторов были известны критические замечания А. А. Спицына.

В 1947 — 1949 годах на речке Ояти в Ленинградской области раскопано 174 кургана насыпи. Они были оставлены финно-угорским населением, сохранившим в XI — XII веках яркий языческий обряд. В центре большинства насыпей находились особые ритуальные очажки, на которые помещались сосуды и кухонный инвентарь; по сторонам очажка располагались погребения с украшениями, орудиями труда и бытовыми вещами. Научная ценность материалов, полученных в 1947— 1949 годах, неоспорима. Но представление о курганной культуре Ояти уже имелось по раскопкам дореволюционного времени и двадцатых годов. Чтобы уточнить наши знания, не было необходимости раскапывать 174 кургана, достаточно было ограничиться третью. Сегодня же на Ояти сохранилось лишь несколько насыпей.

В шестидесятых — семидесятых годах раскопки курганов были проведены в Юго-Западном Белозерье, могильники которого оставались почти нетронутыми в дореволюционное время. Исследователи ставили перед собой серьезную задачу — уточнить время появления славян на северо-восточных окраинах Руси и выделить районы, занятые славянами и финно-угорским племенем весь. Для этого было раскопано около четырехсот курганов. Научные задачи были как будто бы выполнены, но в глухих борах на Суде, Колпи и Кабоже, где, казалось бы, ничто не угрожало сохранности памятников археологии, остались лишь единичные курганные насыпи X — XII веков.

С таким же размахом велись в пятидесятых — восьмидесятых годах раскопки и в других областях. Уровень подготовки археологов, требования к технике раскопок и качеству полевой документации со времен А. С. Уварова, конечно, возросли, но психологический императив раскапывать «сплошь» почти не изменился, будто и не стало курганов за это время на несколько десятков тысяч меньше.

Сегодня в лесной полосе Восточной Европы сохранились еще тысячи курганных насыпей, но большая их часть — и прежде всего древнерусские — уже раскопана. И среди них, вероятно, самые богатые. Почти полностью исследованы знаменитые дружинные курганы ярославского Поволжья, окрестностей Киева и Чернигова. Большая часть вещей, которые средневековые обитатели Древней Руси положили некогда в могилы своих близких, находится уже не в земле, а в музейных хранилищах.

Не пора ли задуматься о разумном сокращении масштабов раскопок?

Не пора ли изменить психологический подход к полевым исследованиям?

И, наконец, не пора ли отказаться от некоторых стереотипов и прежде всего от мысли, что объем научного материала, получаемого при полевых работах, прямо пропорционален вскрытой на поселении площади или числу раскопанных курганов?

Кемские курганы на Белом озере исследованы в 1980-е годы «на снос», по правилам современной методики. При такой технике раскопок от самой курганной насыпи не остается ничего.

Еще недавно задачей археолога было получение максимальной исторической информации любой ценой. Думаем, что в ближайшем будущем установка должна быть другой: получение максимальной информации при минимальном повреждении памятника. Небольшие по объему раскопки, сохраняющие значительную часть памятника, но дающие существенный научный результат, должны стать такой же нормой, как экологически чистое производство. Из «энергичного раскопщика» археолог должен превратиться в исследователя и «хранителя древностей».

Сформулировав эту позицию, попытаемся определить, каким образом она может быть претворена в жизнь. Для этого зададимся вопросом: что в большей степени происходит в результате раскопок — «откачка» культурных ресурсов или их приращение?

Конечно, раскопки расширяют представления о жизни предшествующих поколений, но какой ценой?

Известен приведенный Геродотом ответ скифов персидскому царю Дарию, что скифы готовы вступить в неравную схватку с превосходящим войском персов, готовы погибнуть, только бы не видеть разрушенными могилы своих предков. Два с половиной тысячелетия спустя величественные скифские курганы перестали существовать. Их уничтожили археологи. Причем парадоксально, что общество, давшее социальный заказ на эти раскопки, всячески подчеркивало и подчеркивает до сих пор свое родство со скифами (достаточно вспомнить стихотворение А. Блока).

В современном мире далеко не везде считается возможным вести раскопки «на снос», даже если раскопки эти могут дать большую информацию. Например,

в городе Кёнчжу, в Южной Корее, насыпи курганов были сохранены, находки оставлены на месте, а погребальные камеры музеефицированы.

На наш взгляд, практика, утвердившаяся в пятидесятые годы в советской археологии, согласно которой курганные насыпи желательно раскапывать полностью, а культурный слой поселений вскрывать «до материка», преступна. Мы стираем с лица земли исторический ландшафт, который сам по себе есть культурное достояние. Вряд ли комунибудь пришло бы в голову снести египетские пирамиды. Но ведь скифские курганы по своему предназначению — те же пирамиды...

Нам еще недостает и реалистической оценки в отношении того, насколько «вечна» информация, добываемая при раскопках. Средняя продолжительность жизни коллекций не более пятидесяти лет. Коллекции гибнут при перевозке фондов музеев, из-за некомпетентности руководителей, наконец, из-за плохой консервации и негодного хранения. Получается, что мы жертвуем памятниками ради сиюминутного интереса. Более того, даже если коллекции и документации «живы», они подчас десятилетиями не публикуются. Это ведь тоже утрата.

И еще один момент — этический. Можно ли совершенно не уважать традиции, породившие памятники? А ведь возможность их «уничтожения» учеными и несет в себе это неуважение. Уж если в науке так, что же говорить о народе вообще?

Характернейший пример — работа над созданием «Свода памятников истории и культуры РСФСР». Согласно инструктивным документам, полностью раскопанные памятники включаться в него не должны. Обществу предлагается забыть, вообще не знать, что в данном месте было древнее кладбище, поселение, курган. И вот теперь попробуйте решить, приобрела культура или потеряла в результате раскопок.

Известно, что историческую информацию содержат не только артефакты, изучение которых ведут археологи, но и разнообразные виды экофактов. Для их изучения необходимы палинологи, карпологи, остеологи, почвоведы и другие специалисты. Но такого набора специалистов в археологических экспедициях, за редчайшим исключением, никогда не бывает, а это значит, что раскопки памятников полностью как раз и препятствуют получению информации уже сегодня, на современном этапе развития науки. Что же говорить о будущем? Ведь вряд ли найдется человек, который станет утверждать, что более совершенные методики, чем существующие сегодня, не появятся никогда... И значит, слова «памятник исследован полностью» означают лишь, что памятник перестал существовать. Полностью памятник никогда исследован быть не может.

Каков же выход?

Уже сегодня существуют методы исследования, вполне эффективные, которые не разрушают памятники. Остается как будто сделать один шаг, и неразрушительная — недеструктивная — археология станет реальностью. Но этот шаг самый трудный: соблазн широких раскопок, дающих в руки исследователей эффектные коллекции вещей, — мощная сила. Но шаг этот сделать все-таки необходимо. В своей работе один из нас, Сергей Чернов, уже сделал его. Об этом мы очень коротко и расскажем.

Археологическое изучение окрестностей Троице-Сергиева монастыря, предпринятое в конце семидесятых годов, могло быть тоже раскопом «на снос». В те годы под стройплощадки для новых микрорайонов планировалось снести половину застройки исторического центра Загорска, и надо было срочно раскапывать огромные площади. Но уже к тому времени нам было ясно, что сплошные раскопки — скорее беда, чем спасение. Поэтому основные силы и средства были направлены на детальные разведки, и к 1983 году на карте северо-востока Московской области появилось около трехсот археологических памятников и более двух тысяч объектов исторического ландшафта.

Проведение разведок важно не только для охраны памятников. Это еще и получение информации, по своей ценности не уступающей подчас той, которая извлекается в результате раскопок. Конечно, это не значит, что разведки — альтернатива раскопок, вовсе нет. Вопрос в том, на что надо направлять бóльшие усилия в каждом конкретном случае. На карту легли древние дороги, пруды. Ведь информацию о прошлой деятельности людей можно получить, не только раскапывая места поселений и могильники. Для реконструкций хозяйственной деятельности, например, важнейшее значение имеет изучение древних полей, дорог, изменений состава растительности. А в этом случае нет никакой необходимости раскапывать объект целиком. За последующие годы объем археологической и историко-географической информации стал просто огромным — число памятников увеличилось более чем в двадцать раз, и мы именно благодаря этому смогли изучить многие вопросы истории Московского княжества, такие, например, как развитие внутренней колонизации, генезис боярского землевладения. На основе этих материалов Институтом генеральных планов Московской области был спроектирован Радонежский историко-природный парк, разработаны оптимальные режимы использования территории. И все это — без раскопок памятников целиком, а только благодаря разведкам. Расчет оказался верным вдвойне. Во-первых, мы смогли доказать, что недеструктивные методы в археологии «работают» не хуже деструктивных, во-вторых, план перестройки Загорска заблокировала общественность, и микрорайоны, которые должны были охватить Троице-Сергиеву лавру плотным кольцом, построены не были.

В восьмидесятые годы борьба развернулась главным образом за окружающие Загорск ландшафты. И вот что существенно. Отстоять их от непродуманной застройки было бы невозможно, если бы к тому времени на основе аэрофотосъемки, детальной разведки, сбора сведений у населения и изучения карт XVII — XX веков не были выявлены десятки селений, известных по актам Троице-Сергиева монастыря, — боярских сел, монастырей, ямов (почтовых станций), погостов. В лесах, окружающих Радонеж, древний центр княжества, были найдены, например, следы дороги, соединявшей Москву с Переяславлем в XIV веке. Итогом же этой работы явилось утверждение проекта зон охраны древнего Радонежа.

Авторы сознают, что вопросы, поднятые в статье, сложны и не всегда имеют однозначное решение. Но мы убеждены, что, лишь сократив свой «разрушительный эффект», археология поднимется до уровня других наук, изучающих культурное наследие, и сама станет культурной наукой. ●

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СПРАШИВАЕТ, СПОРИТ

Предлагаю...

С. ЖУКОВ (*г. Краматорск*): Я начал читать «Знание — сила» очень давно, лет тридцать назад. Хороший журнал. Но не помню, чтобы он знакомил своих читателей с такой огромной областью человеческого бытия, как религия, — возникновение, распространение и, главное, сущность. Предлагаю не только рассказывать об этом, но и цитировать священные книги излагаемой религии.

А. БОРОВЫХ (*Ленинград*): Хочу попросить вас иногда помещать материалы о традиционной китайской культуре: наука, техника, искусство, литература, военное дело. Относительно последнего — не будем ханжами: кто хорошо знает военное дело какой-то страны, тот знает об этой стране почти все. Тема очень интересная, думаю, не только для меня. Это уникальный случай непрерывной культурной преемственности на протяжении нескольких тысяч лет, причем в отличие, скажем, от индийцев, «витавших в облаках», китайцы всегда были прагматиками. В нашей стране вообще мало знают о Китае. Вот ваш журнал и занялся бы исправлением этого недостатка.

Думаю также, что было бы неплохо, если бы вы организовали своего рода «экономический ликбез». Я представляю его как описание важнейших экономических теорий. Начать, очевидно, нужно с азов, то есть с пояснения основных понятий и терминов.

Г. ДЕМИДОВ (*г. Железногорск*): Прошу вас, расскажите о международной организации «Green peace» («Зеленый мир»): кто организовал, когда, где. Чем занимается эта организация, кто может быть ее членом?

В. СУХАНОВ (*г. Архангельск*): Хотелось бы узнать, как смотрят ученые, в частности математики, на явления полтергейста, левитации, ясновидения, телекинеза, НЛО и другие аномальные явления? Пора от сбора фактов, от которых нельзя просто отмахнуться, перейти к этапу рабочих версий и научных опытов, и математическая наука должна в этом помочь.

13 августа прошедшего года, незадолго до полуночи, на ускорителе ЛЭП в Европейском центре ядерных исследований родились первые Z^0-бозоны — переносчики электрослабого взаимодействия. Это одно из трех — вместе с сильным и гравитационным — фундаментальных взаимодействий, «управляющих» физическим миром. Сам же нейтральный бозон, вкупе со своими заряженными собратьями, был обнаружен еще в 1983 году, но ни один из них не был до сих пор более или менее подробно изучен. Теперь такая возможность появилась, и вот Z^0-бозон надежно зафиксировали все четыре детектора, работающие на этом новом «микроскопе микромира». И об ускорителе, и о детекторах уже шел разговор на страницах журнала *. Напоминаем: это самый большой кольцевой электрон-позитронный коллайдер за всю двадцатипятилетнюю историю их существования. В будущем вряд ли удастся превзойти размеры и энергию этого двадцатисемикилометрового гиганта. Как выразился один из экспертов, «кольцевые ускорители завершают полный круг». А ведь четверть века назад первые подобные кольца начали строить в Новосибирске под руководством академика Г. И. Будкера. В те далекие годы страна наша была признанным лидером в этой области. Итак, ЛЭП заработал. И буквально через несколько часов после «запуска» он начал выдавать результаты, причем результаты первостатейные. Какие же важные проблемы они должны прояснить? Сегодня науке известно три

Новые детекторы требуют новых способов сбора информации — непосредственно с регистрирующей камеры на дисплей ЭВМ.

Лауреат Нобелевской премии по физике 1988 года Дж. Штейнбергер на фоне установки ALEPH, созданной под его руководством

Часть детектора OPAL, построенного при участии исследователей из Токио.

ИДЕТ ЭКСПЕРИМЕНТ

Г. Альстер

Частица, которую надо найти...

типа нейтрино — электронное, мюонное и тау-нейтрино. Часто возникал вопрос: а сколько их всего существует на свете и долго ли еще экспериментаторам их искать — мучиться? Ответ дал Z^0-бозон.

Он рождается в столкновениях электронов и позитронов и через мгновение распадается на пару нейтрино — антинейтрино. Чем больше вариантов распада, то есть различных сортов таких пар, тем меньше суждено жить Z^0-бозону. Задача экспериментаторов состоит в том, чтобы определить время его жизни, а уж по нему можно будет пересчитать нейтрино.

Этим и занялись все четыре установки с первых же часов работы. Примерно через неделю можно было сказать, что нейтрино может быть никак не больше пяти видов, а через месяц предел удалось еще снизить. Теперь уже сомнений нет, что в природе существуют три и только три нейтрино — те, что известны сегодня. Стремление же пересчитать сорта нейтрино — не досужая прихоть. Их число играет важную роль в процессах, и шедших в первые мгновения жизни Вселенной, и идущих сегодня в недрах космоса. Дело в том, что нейтрино, например, инициируют протекающий в звездах термоядерный процесс слияния ядер гелия. И чем больше сортов нейтрино, тем быстрее гелий должен выгорать.

В 1989 году на ЛЭПе должно было родиться около ста тысяч Z^0-бозонов, в нынешнем — в десять раз больше и еще во столько же раз больше за две последующих года. Не зря иногда ЛЭП называют фабрикой Z^0-бозонов. Располагая столь огромным количеством частиц, экспериментаторы смогут пристально «рассмотреть» и тщательно проверить все предсказания, которые дает для бозона современная теория — стандартная модель электрослабого взаимодействия, описывающая «перебрасывание» бозонами между элементарными частицами. Это еще одна задача для ЛЭПа на ближайшие годы — сверхточная проверка теории.

До недавнего времени полагали, что удастся и поискать пока не найденный шестой t-кварк — один из «столпов» микромира, элементарный строительный блок вещества. Пять кварков уже найдено опытным путем, шестой — пока нет. Однако последние эксперименты показали: энергии ЛЭПа просто не хватает для того, чтобы в столкновении электрона и позитрона породить пару t-кварк — t-антикварк. Этот увлекательный поиск откладывается еще года на три-четыре, когда вступит в строй ЛЭП2 — второй этап проекта. Тогда энергия каждого из пучков будет увеличена в два раза и достигнет 100 ГэВ.

И все же основная задача ЛЭПа и главная надежда всего физического сообщества — поиск бозонов Хиггса, названных так в честь теоретика Петера Хиггса из Эдинбургского университета. Он уже четверть века назад предложил механизм возникновения массы у элементарных частиц путем взаимодействия с гипотетическим бозоном. Чем же так примечательна эта «персона»?

Хиггсовский бозон — краеугольный камень теории, который с каждым днем все ощутимее не хватает в ее фундаменте. Действительно, если задуматься, получается весьма неестественная ситуация: у различных кварков — разные массы, а вот откуда они берутся и почему они разные — непонятно; мало того, не найдена частица, приводящая к возникновению этих масс. Неясно даже, сколько таких частиц должно быть — одна, две или более. По некоторым косвенным данным, сегодня чуть более предпочтительной кажется схема с двумя хиггсовскими бозонами.

Эти неуловимые частицы искали во многих экспериментах, причем очень тщательно. Не раз уже сжималось сердце исследователей в предвкушении Нобелевской премии, но все находки, связанные с хиггсовскими частицами, оказывались ошибкой, и пока вопрос открыт. На ЛЭПе хиггсовский бозон должен весьма охотно рождаться вместе с Z^0-бозоном; затем распадаться на пару так называемых прелестных кварков. Частицы, содержащие прелестные кварки,— B-мезоны — более или менее хорошо изучены, их умеют «отлавливать» достаточно надежно. Кроме того, и сам Z^0-бозон может распадаться с появлением хиггсовской частицы. И, как всегда, ЛЭП может преподнести неожиданности, что-то такое, чего ни в одной теории и вообразить пока нельзя,— новые частицы и явления, способные стать дверцами в неведомую физику. Возможно, удастся вырваться за пределы стандартной модели. Во всяком случае, тысяча триста физиков, работающих на четырех установках ЛЭПа, в создание которого большой вклад внесли ученые из СССР, настроены весьма серьезно. Они доказали это тем, что собрали и запустили свои многотонные и многометровые детекторы точно по графику и сразу же стали получать весомые результаты. Усилия физиков со всех пяти континентов пока сконцентрировались в погоне за хиггсовским бозоном. И если он существует, похоже, ему не укрыться!

Различные варианты распада Z-бозона.

* «Перед атакой», № 2 за 1987 год; «L3, который построит Тинг», № 8 за 1988 год; «Ускорители на послезавтра», № 6 за 1989 год.

Г. Померанц

Нравственный облик исторической личности

Я хотел сказать о роли нравственного облика личности в жизни исторического коллектива. Чтобы сразу стало ясно, о чем, или, вернее, против чего я буду говорить, начну со стихов Коржавина:

Мы сегодня поем тебе славу,
И, как видно, поем неспроста,
Основатель могучей державы
Князь московский Иван Калита.
Был ты видом довольно противен,
Сердцем подл — но не в этом суть:
Исторически прогрессивен
Оказался твой жизненный путь...

Дальше читать не буду — важна, прежде всего, вторая строфа. Эту модель можно применить к кому угодно, хотя бы к Чингисхану. Был он видом довольно противен, сердцем подл, но не в этом суть: он приобщил отсталые народы, в том числе русских, к благам передовой восточной культуры. Поэтому поставим памятник Чингисхану. И такой памятник сооружен в КНР.

Попробуем посмотреть, как работает модель, спародированная Коржавиным, на двух академических примерах. Жили-были два императора, один в Индии, другой в Китае,— Ашока и Цинь Ши-хуанди. Оба имели перед собой прогрессивную задачу — объединение страны. Ашока с этой задачей не справился. Он поддался ложной жалости, неправильному гуманизму. Я хотел бы дать более точную характеристику этому гуманизму, но не могу, потому что в те далекие времена еще не было мелкой буржуазии, иначе я бы, конечно, назвал этот гуманизм мелкобуржуазным. Итак, Ашока поддался неправильному гуманизму, не сумел отличить прогрессивных войн от реакционных. Едва завоевав одно царство, он вложил меч в ножны, отказался от всякой войны и, вместо того чтобы посылать за границы свои армии, стал рассылать буддийских монахов, которые несли трудящимся соседних стран реакционный буддийский дурман: «не отымай чужой жизни, не бери того, что тебе не принадлежит, не лги» и т. п.

Зато Цинь Ши-хуанди был правильный гуманист. Если враг не сдавался, он его уничтожал; если сдавался — тоже уничтожал. Правда, слова «гуманизм» — по-китайски это звучит «жэнь» — Цинь Ши-хуанди не любил, и книги, в которых толковалось про «жэнь», велел сжечь, а заодно и все другие книги, кроме трудов по сельскому хозяйству, военных и гадательных книг. И книгочеев-интеллигентов, толковавших насчет «жэнь», собрали и потопили в нужниках или подвергли другим позорным казням. Всех таких интеллигентов оказалось четыреста человек; прослойка еще не успела разрастись, и задача Цинь Ши-хуанди оказалась сравнительно простой.

Очистив страну от неправильного гуманизма, Цинь Ши-хуанди объединил Китай и основал единое Китайское государство на твердых принципах: за недоносительство — казнь, за донос — повышение по службе или другое поощрение. Были построены великие сооружения, в том числе Великая стена, которая стоит и поныне (ее достраивали и перестраивали, но основа заложена Цинь Ши-хуанди).

Это великолепное государство обладало только одним недостатком: жить в нем было нельзя. Даже Цинь Ши-хуанди, создатель системы, не выдержал ее. Он заболел профессиональной болезнью прогрессивных деятелей такого типа — манией преследования. Народ тоже не выдержал. Едва Цинь Ши-хуанди умер, китайцы вышли из состояния столбняка, в который их поверг циньский прогресс, и Эр Ши-хуанди (сын Цинь Ши-хуанди) был свергнут с престола. После нескольких лет смуты воцарилась династия Хань, реабилитировавшая интеллигенцию и интеллигентность. С тех пор китайцы называют себя ханьцами, а китайские императоры в течение 2100 лет стеснялись надевать военный мундир. Только недавно снова вернулась мода на полувоенные куртки.

Цинь Ши-хуанди вовсе не был безграмотным самодуром. Он действовал на основе строго разработанной научной теории. Истоки этой теории восходят, по-видимому, к Мо Ди, выдвинувшему принцип «все для народа» (на этом основании моисты отвергали искусство и науку как непонятные народу). Шан Ян придал теории более строгий характер, заменив расплывчатый термин «народ» более точным — государство. Во имя государства предполагалось разрушить все другие архаические институции, например семью, чтобы семейные связи не препятствовали верности государю. Хань Фэй написал блестящий трактат, в котором человек в руках правительства приравнивался к куску дерева в руках ремесленника. Этот трактат сохранился, переведен на английский и французский языки в серии «Классики Востока» ЮНЕСКО, отрывки можно прочесть в любой хрестоматии. Хань Фэй не сравнивал человека с машиной только потому, что тогда еще не было машин. По существу его можно считать предшественником кибернетики.

Итак, оба императора были утопистами. Ашока — потому, что видел в человеке только духовное существо. Цинь Ши-хуанди — потому, что видел в человеке только машину, которую можно программировать с помощью наград и казней. Первую утопию — в рамках предложенной схемы — надо, по-видимому, назвать реакционной, а вторую — прогрессивной, потому что Ашока опирался на религию (как известно, всегда и везде — реакционную силу), а Цинь Ши-хуанди — на передовую научную теорию.

Но вот оба они умерли, истлели, и осталась от Цинь Ши-хуанди Великая китайская стена, а от Ашоки — надписи, выбитые на скалах: «Я царь Ашока, завоевал царство Калингу и убедился, что для этого надо было убить 100 000 человек, и сердце мое содрогнулось...»

Я не утверждаю, что не надо строить стен. Но я утверждаю, и совершенно серьезно, что память о сокрушенном сердце Ашоки — тоже вещь, без которой ни один народ не может прожить.

Теоретическая модель, спародированная Коржавиным, основана на двух предпосылках:

1. Нравственный облик человека не имеет большого значения; важны только дела.

2. Прогресс все спишет.

Оба эти предположения можно опровергнуть. Существует не только преемственность дел, но и преемственность нравственной информации, без которой не обходится ни одна традиция. Есть преемственность заколотых, обезглавленных, расстрелянных, ничего не совершивших и оставивших потомкам только свой облик. Убитые Гракхи воскресли через 2000 лет во Франции, и их облик, овладев умами, стал силой, когда началась революция. Ни жирондисты, ни якобинцы не установили на земле справедливости. Но обезглавленные тени воскресли в коммунарах 1871 года, и тени коммунаров снова поднялись на штурм Зимнего дворца. Признав эту преемственность, Советское правительство назвало линейный корабль Балтийского флота именем «Марат».

Есть такое изречение: «Девушка может петь о потерянной любви, скряга не может петь о потерянных деньгах». Я позволю себе сказать, что ни один народ не может сохраниться, если ему не о чем петь. Народы, которым было о чем петь, переносили века угнетения и рассеяния, снова подымались и собирались. А великие военные державы не могли подняться после первого поражения и рассыпались в прах. Потому что у них ничего не было за душой, кроме культа воинских доблестей, грубой силы солдата. Обо всех этих солдатских державах сказано в летописи: «погибоша аки обре, их же несть ни племени, ни наследка».

Перехожу ко второму пункту. Что такое прогресс? Если отбросить оценки, то реальное содержание прогресса — дифференциация. Была амеба, дифференцировалась, возник многоклеточный организм. Но вместе с дифференциацией пришла смерть. Амеба в известном смысле бессмертна: она делится на две половинки, и обе продолжают жить (если их не убить). А соматические клетки, отделившись от половых, сохранивших бессмертие за счет всего остального, смертны с момента рождения, не могут не умереть. Таким образом, прогресс связан с некоторыми утратами.

То же самое в обществе. Примитивные коллективы удивительно устойчивы, а цивилизации разваливались одна за другой.

История определяет собой настоящее. И настоящее становится историей. Почти четверть века прошло с тех пор, как была произнесена эта речь. И, переходя в списках из рук в руки, стала частью политической атмосферы времени, свидетельствуя, что было оно не только застойным...

Поэтому не всякая дифференциация хороша, а только такая, которая не ведет к распаду, к «совместной гибели борющихся классов». Хороша только дифференциация, в ходе которой перестраиваются и обновляются интеграторы (объединяющие воспоминания, идеи, образы, учреждения). Всякая дифференциация, всякий прогресс расшатывает старые интеграторы. Если их не обновлять, происходит то, что в древности называли падением нравов, и это развитие заслуживает названия прогрессивного не более, чем прогрессивный паралич.

Монтень сказал: «Простые крестьяне — прекрасные люди, и прекрасные люди — философы. Но все зло от полуобразованности». Он имел в виду, конечно, нравственную полуобразованность. Крестьянин связан системой табу, мало отличающейся от племенной. Эта система табу, нравственный опыт коллектива, сохраняет как нравственное существо отдельного человека, не способного философствовать. Философ — интеллектуально и нравственно развитой человек; в древности говорили: «Мудрому не нужен закон, у него есть разум». Или в средневековых терминах: «Полюби бога — и делай, что хочешь».

А полуобразованность — это то, что в Библии названо словом Хам. Хам — человек, несколько хвативший просвещения. Настолько, чтобы не бояться нарушить табу. Но не настолько, чтобы своим умом и опытом дойти до нравственных истин.

В XX веке хамство стало очень острой проблемой, и этим мы обязаны прогрессу. Массы крестьян были вырваны из патриархальных условий, в которых держались патриархальные табу, и урбанизированы. Там, где развитие происходило особенно быстро, в странах Центральной Европы, позже вступивших на путь прогресса и торопившихся догнать и перегнать, рост хамства был особенно грозным. Он поставил под вопрос само существование европейской цивилизации.

В какой мере это было неизбежным? Чтобы подойти к ответу, сравним две соседние страны: Германию и Данию. В обеих формально сохранялась одна и та же знаковая система, в которой высшие моральные ценности были связаны со знаками «Христос», «бессмертие души» и т. д. В обеих странах происходило развитие капитализма. Но Дания не имела дополнительной нагрузки в виде задачи объединения страны и т. п. Внимание датской интеллигенции было направлено только на то, чтобы просветить народ (а не воспитывать солдат, способных сражаться с наследственным врагом). Еще во времена Андерсена пастор Грундтвиг учредил первые зимние университеты культуры, в которых крестьян знакомили со всеми богатствами, созданными человеческим умом. И датский крестьянин, перестав быть патриархальным, становился интеллигентным. А в Германии возникло явление, которое описывалось в тридцатые годы как «взбесившийся мелкий буржуа».

Когда эти взбесившиеся мелкие буржуа оккупировали Данию, фашистская комендатура издала обыкновенный фашистский приказ: всем евреям зарегистрироваться и надеть желтые звезды. Обыкновенный приказ. Но дальше началась сказка. Король и королева Дании вышли на прогулку, нацепив желтые звезды. Через полчаса их нацепил весь Копенгаген, через несколько часов — вся страна. И пока гитлеровцы соображали, что в этой обстановке делать, всех настоящих носителей желтых звезд на лодках переправили в Швецию.

Я думаю, что эта сказка со счастливым концом не случайно произошла на родине великого сказочника Ганса Христиана Андерсена. Быть может, именно он подсказал королю и королеве поступить так, как короли поступают только в сказках, а народу — поступить так, как ведет себя народ в пьесах-сказках Евгения Шварца, но, к сожалению, далеко не всегда в жизни. В Германии, по-видимому, детей воспитывали немного иначе, чем в Дании. Это — та бабочка Брэдбери, на которую второпях наступили.

Я надеюсь, что убедил вас, и вы вместе со мной пришли к выводу, что не всякий прогресс хорош — и не всякий прогресс «прогрессивен». И теперь, опираясь на сказанное, попытаемся подойти к оценке исторической фигуры, личности, которую все сегодня описывали фигурой умолчания и которую я хочу назвать по имени и фамилии: Иосиф Виссарионович Сталин.

Я хочу поставить два вопроса. Во-первых, был ли Сталин прогрессивным деятелем? Во-вторых, куда нас влечет его тень, его облик?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо ясно различать, что диктует ему мандат и его личный вклад. Сталин получил власть на известных условиях, и пока он не превратил свою власть в абсолютную, не мог ими пренебрегать. Он не мог не проводить индустриализацию, кооперацию сельского хозяйства, не мог не заботиться об обороне страны. Любой другой деятель, избранный генеральным секретарем, решал бы те же задачи. Поэтому важно не то, что Сталин делал, а как он это делал. Позволю себе сказать: довольно плохо. В актив Сталину можно поставить только индустриализацию. Все остальное — пассив. Коллективизация проведена так, что до сих пор приходится ездить из Москвы убирать картошку. Международное рабочее движение — по мнению такого крупного международника, как Эрнст Генри — Сталин раскалывал и открывал этим Гитлеру дорогу к власти; я думаю, мнение Э. Генри стоило бы обсудить. Наконец, о том, как Сталин подготовил страну к войне, вы можете прочесть в недавно вышедшей книге Некрича; Сталин буквально обезглавил армию накануне боев.

Но дело не только в этом. Кроме писаного мандата — Программы партии — Сталин прислушивался к неписаным мандатам, «носившимся в воздухе». И по мере того, как он укреплял свою власть, эти неписаные мандаты играли все большую и большую роль в его деятельности. Прежде всего, это мандат того, что Ленин называл «азиатчиной». Вы помните, наверное, статью «Памяти графа Гейдена»: раб не виноват, что находится в рабстве. Но раб, который жить не может без хозяина, это холоп и хам. Можно, впрочем, привести другое изречение, любимое Лениным: «Жалкая нация, нация рабов...» Века татарщины и крепостного права оставили достаточно внушительную традицию холуйства и хамства. Революция потрясла ее, но, с другой стороны, революция вывернула с насиженных мест массы крестьян, превратила целые пласты патриархального народа в массы, потерявшие старые устои и не очень усвоившие новую идеологию. Эти массы вовсе не хотели углубления и упрочения свободы, да и не понимали, к чему она, свобода личности. Они хотели хозяина и порядка. Таков сталинский мандат номер два.

Третий мандат — это мандат обезглавленной религии. Мужик верил в бога, и в образах Спаса или Казанской божьей матери находил предмет любви и бескорыстного преклонения (корыстные мотивы религиозного чувства я склонен отнести к мандату номер два). Мужику объяснили, что бога нет, но это не упразднило религиозного чувства, и Сталин дал трудящимся бога, земного бога, о котором невозможно сказать, что его нет. Он был, был в Кремле, изредка показывался на трибуне и помахивал рукой. Он неусыпно заботился о том, чтобы волос не упал с трудящейся головы. Он был лучшим другом железнодорожников, физкультурников и балерин.

Чувство, давшее Сталину мандат номер три, само по себе было чистым. Лучше всего его высказывали дети:

Я маленькая девочка,
Танцую и пою,
Я Сталина не видела,
Но я его люблю.

Слово «Сталин» здесь легко заменить любым другим символом всеблагого, всемогущего, всеведущего существа, источника всех совершенств, или, как тогда говорили, «вдохновителя наших побед». Изменится только размер.

Каким образом Сталин мог осуществлять три таких разных мандата одновременно? Но не слишком ли сложна наша схема? Известно, что у Сталина был особый талант к лицемерию и, по-видимому, также к самообману. История полна примерами исторических личностей, двойственных и двусмысленных.

И. В. Сталин любил себя сравнивать с коронованными особами — с Петром Великим, Иваном Грозным. Я позволю себе привести еще одно сравнение, также не исчерпывающее и не точное, снижающее сравнение, с некоронованным деятелем — с Азефом. Азеф был руководителем боевой организации эсеровской партии и агентом тайной полиции. В качестве эсера организовал казнь прямого начальника своего по полицейской работе министра внутренних дел Плеве. Под руководством Азефа успешно были проведены и другие террористические акты.

Примитивный пример дает известный подход — модель подхода к бесконечно более сложному вопросу об оценке личности Сталина. Азеф свершил дела, которые могли бы рассматриваться как заслуги перед революцией или, по крайней мере, перед партией эсеров. Но у провокатора нет заслуг. Поэтому вопрос, применительно к Сталину, можно сформулировать так: был ли Сталин когда-нибудь не только идейно, то есть на словах, но и нравственно, всем своим существом, на уровне того движения, к которому примкнул? Тогда — в этот период — у него могли быть известные заслуги. Или верно то, что писал Ленин в своем завещании, и Сталин — нравственно чужеродное тело в руководстве партии? Тогда он просто занял — и удержал с помощью интриг и террора — место, принадлежавшее более достойному. Тогда в целом он приносил вред, хотя в отдельных частных случаях мог принимать верные решения.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно собрать, записать и исследовать свидетельства современников о Сталине — в ссылке, в 1917 году и т. д. Кое-что в этом направлении сделано, но слишком мало, и вопрос остается открытым.

Восстановить уважение к Сталину — значит установить около нашего знамени нравственное чудовище. Этого еще никогда не было. Делались мерзости, но знамя оставалось чистым. На нем было написано: «ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Около знамени стояли Маркс, Энгельс, Ленин — люди, у которых были человеческие слабости, но люди. О всех них можно сказать словами любимой поговорки Маркса: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Сталина нельзя больше ставить рядом с ними. Это значит — испачкать грязью свое знамя.

Некоторых пугает угроза нигилизма,

идеологический вакуум. Но доморощенные культы не способны заполнить вакуум. Они распадаются как карточные домики.

Одна из важнейших причин вакуума — столкновение религиозного и научного мировоззрения. Тысячелетний нравственный багаж человечества был закодирован в форме, которая называется «мировыми религиями». Научное мировоззрение расшатало мировые религии, но оно не могло с ходу создать образы нравственной красоты, сравнимые с Буддой или Христом. Это вообще, по-видимому, задача не науки, а высокого искусства, и решается эта задача в процессе, не поддающемся управлению, процессе очень длительном, вековом, даже, может быть, многовековом. Поэтому от красногвардейской атаки на религию мировое коммунистическое движение уже фактически перешло, под влиянием событий, к другой форме контактов с религией, к диалогу. Мне кажется, что диалог с мировыми культами, в активе которых искусство Баха, Рублева, Данте, — более достойный путь, чем восстановление культа деспота и убийцы. По пути диалога мы можем соединить силы всей интеллигенции и принести народу подлинное просвещение, подлинный смысл, значение культуры, которую не нужно смешивать ни с какими знаками, атеистическими или религиозными. Подлинная культура, подлинная интеллигентность — один из важнейших путей к выходу из современного вакуума.

Из письма Г. Померанца в редакцию

После падения Хрущева я предвидел, что некоторое время новый курс останется неопределенным и каждый сможет выступить и сказать что-то свое. Вот я и стал ходить на разные дискуссии, прислушиваться, набрасывать на каталожной карточке тезисы и выступать. Летом 1965 года из этих заметок уже сложилась теоретическая концепция работы «параметров и ритмов исторического процесса», которая впоследствии дважды набиралась и выбрасывалась (первый раз по требованию цензуры, второй — от спонтанного испуга редакции). Вкратце она, концепция, излагается в речи: прогресс расшатывает устоявшийся нравственный порядок, время от времени необходима духовная и нравственная интеграция.

Я выступал в институтах востоковедения, истории и философии. В конце концов социолог, парторг Института философии Юрий Александрович Левада пригласил меня сделать небольшой доклад на конференции «Личность и общество». Я спросил, можно ли затрагивать Сталина? Левада ответил, что так как взят курс на реабилитацию Сталина, то упоминать Сталина можно. При этом он улыбнулся, и я понял его улыбку как разрешение выступить против брежневского ЦК. Три недели я обдумывал свою речь, «таскался по городу и репетировал». Сперва хотел к нчить без всякой отвлеченной теории, сравнением Сталина с крошкою Цахесом, Смердяковым и чертом. Но после домашней репетиции жена и сосед, составлявшие публику, в один голос сказали, что меня за ноги стащат с трибуны. Пришлось придумать что-то другое, и я наскоро сочинил теорию трех мандатов. Структура речи была такова. Я сперва несколько раз вызывал аналогии со Сталиным, не называя его, а потом, уже захватив публику, вдруг назвал страшное имя. Некоторые пытались прервать меня, но публика была так захвачена, что искусствоведов в штатском хватали за плечи и силою сажали на место.

На следующий день я по памяти записал текст и сдал его в машбюро (это было в субботу, 4 декабря).

Между тем страсти продолжали кипеть. Четвертого декабря Леваду, по звонку шефа КГБ Семичастного, вызвали в президиум Академии наук, требуя признать мою речь антисоветской. Левада ответил, что она не выходит за рамки решений XX и XXII съездов.

Пятого декабря Есенин-Вольпин, сын поэта, крупный математик и один из деятелей начинавшегося правозащитного движения, возглавил первую молчаливую демонстрацию у памятника Пушкину. Агенты донесли Семичастному, что там собрались люди, слушавшие меня в Институте философии. 6 декабря — новый звонок в президиум Академии наук с обвинением, что я был в сговоре с Александром Сергеевичем Есениным-Вольпиным. (Я с ним не был знаком и вообще ни с кем ни о чем не сговаривался; весь интерес был в том, чтобы проверить, что может сделать один человек, никому не известный, не академик, не герой и т. п., может ли он выступить так, чтобы показать пример, то есть, не доводя дела до своего ареста, показать пример гражданского сопротивления в рамках гражданского порядка.) Левада снова ответил, что мое выступление вполне в духе XX и XXII съездов. В конце концов Арсений Владимирович Гулыга, руководитель семинаров, проводивший конференцию, упросил Твардовского принять в портфель «Нового мира» мой текст, придав ему официальный статус. Тогда-то и появилось заглавие «Нравственный облик исторической личности». Текст разошелся по всей стране ●

Вселенная преподносит сюрпризы

Хотя астрономия — одна из наиболее древних наук, наши представления о Вселенной изо дня в день меняются благодаря появлению новых технических средств и методов, которые расширяют возможности ее познания. Случается, устоявшиеся уже представления рушатся прямо на глазах. Мы предлагаем вниманию читателей несколько подобных сообщений, появившихся в зарубежных научно-популярных журналах. Сначала приводится привычное представление о том или ином астрономическом явлении, а рядом — новый взгляд на тот же вопрос.

Существуют материальные объекты размером до миллиона световых лет

Астрономы наблюдали гигантские светящиеся дуги примерно таких размеров. При исследовании характера приходящего излучения гипотезы о природе этих объектов одна за другой отбрасывались — они не походили ни на скопления звезд, ни на облака внегалактического газа, ни на радиогалактики. В конечном счете возобладала гипотеза, что это не что иное, как излучение удаленных скоплений галактик, преломленное гравитационной линзой. В этом случае основная масса скопления может быть сконцентрирована в гораздо меньшем пространстве, чем кажущийся размер дуги.

У каждой кометы — своя орбита

Это вообще правильное положение подверглось сомнению, когда в мае 1988 года американский астроном-любитель Леви, а вскоре после него астрономы Паломарской обсерватории Шумахер и Холт открыли, соответственно, две кометы, которые двигались по той же самой орбите с интервалом времени 76 суток.

Выдвинута гипотеза, что это — две части одной кометы, на которые она распалась, находясь еще далеко за пределами Солнечной системы. При последующем движении по орбите они, по каким-то причинам, приобрели разную скорость.

На Землю за год падает 600 метеоритов

На конференции астрономов в Хьюстоне в 1988 году выступили два геолога, которые исследовали частоту падения метеоритов в значительных пустынных областях на юге США. Они установили, что на миллион квадратных километров ежегодно падает свыше сотни метеоритов. Следовательно, на всю поверхность Земли за год падает до пятидесяти тысяч метеоритов.

Длительность суток постоянна

Американский ученый Кельвин Панг вычислил, что земные сутки удлинились за двадцать пять веков на 0,022 секунды, а за тридцать девять веков — на 0,07 секунды. Так проявляется действие приливных сил, которые тормозят вращение Земли вокруг своей оси. Панг установил это, изучив данные древних китайских астрономов о солнечных затмениях, происходивших за 1876, 899 и 532 годы до новой эры.

Среднее удаление Луны от Земли неизменно

В обсерватории, расположенной во Французских Альпах, ведутся регулярные измерения расстояния до Луны с точностью 5 сантиметров. Установлено, что среднее расстояние до нашего естественного спутника увеличивается на метр за 20 лет. Это вполне согласуется с фактом замедления вращения Земли вокруг своей оси, поскольку при этом угловой момент вращения Луны вокруг Земли сохраняет постоянное значение.

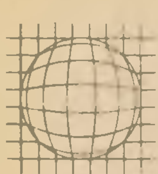
На Марсе воды в больших количествах не было

Расшифровка данных, полученных от межпланетных станций «Викинг» при их прохождении вблизи Марса, показала, что его рельеф неоспоримо свидетельствует: некогда на поверхности планеты было немало воды. Примерно три миллиарда лет назад в результате вулканической деятельности ее скопилось такое количество, которое могло покрыть всю поверхность слоем в 45 метров. Тогда-то и образовались пресловутые «каналы». Куда же делась эта вода теперь? Ведь в полярных «шапках» Марса ее содержится гораздо меньше. Можно предположить, что она просочилась в глубь планеты, где стоит достаточная температура, чтобы вода сохранила жидкое состояние.

Галактики возникли 10—15 миллиардов лет назад

Группа американских астрономов опубликовала в декабре 1987 года результаты своих трехлетних наблюдений за квазарами.

Установлено, что их отделяют от нас облака внегалактического газа. Как показал его спектр, в нем содержатся те же элементы, что и в гало ближних галактик. Поэтому исследователи предположили, что эти облака — гало дальних галактик, излучение которых очень слабо и его не удается различить. Но уже осенью 1988 года спектральный анализ показал: в упомянутых облаках происходит вихревое движение газа со скоростями несколько тысяч километров в секунду. Это свидетельствует, по мнению ученых, о вспышках сверхновых звезд. Отсюда можно сделать вывод, что там существуют сравнительно недавно возникшие галактики.



«Растущие» камни

Фермерам хорошо известно это явление: едва они освободят свои поля от камней, как в ближайшую весну они там появляются снова. Кажется, безжизненные минеральные обломки по-настоящему растут из земли. Геологи уже давно высказывали предположение, что этот процесс в какой-то степени связан с промерзанием почвы. Сейчас американский ученый Сузанна Андерсон из Вашингтонского университета экспериментальным путем показала, что камни действительно поднимает из земли мороз. Андерсон укрепила на гнейсовом обломке, помещенном в наполненный обыкновенной почвой бак, ряд датчиков и на протяжении четырех месяцев стимулировала семь циклов замораживания-оттаивания. При этом наблюдалось передвижение камня. К концу эксперимента камень с глубины 12 сантиметров пропутешествовал на поверхность земли. Измерения датчиков показали, что подъем совершается тогда, когда мороз, который проникает в почву сверху, достигает верхней половины камня. Если минусовая температура окружает весь камень, движение прекращается.

Шагай вперед, мой шестиног!

Новая модель «лунохода»? Да нет. У нас и на Земле много мест, где эта новая модель средства передвижения может быть с успехом использована. Шесть лет ушло на проектирование шестинога у сотрудников университета в американском штате Огайо. Длина его пять метров. Мощность мотора — всего семьдесят лошадиных сил. Характерная особенность: в основном конструкция сделана из алюминия. Каждая нога управляется компьютером в отдельности. Предназначен этот «шагомобиль» для передвижения там, где не пройдет никакой другой вид транспорта. А двигаться он может со скоростью от 8 до 13 километров в час. Не так уж плохо!

Памятник разуму человека

Подготовка ракеты к старту? На сей раз нет. Это снимок американской пусковой установки для кораблей «Аполлон». В недалеком прошлом с их помощью человек достиг Луны. Сегодня эту установку решено сохранить как исторический памятник. Это одна из многих исторических достопримечательностей, заботу о сохранении которых взял на себя учрежденный в США в 1949 году Национальный трест охраны исторических памятников.

В «затерянном мире»

Китайские и канадские палеонтологи откопали в пустыне Гоби останки необычных динозавров. Они принадлежат к семейству стегозавров и заметно отличаются от своих сородичей, найденных в других странах. Ученые выдвинули такую гипотезу: в этой области Монголии 120 миллионов лет назад возник «затерянный мир», огражденный неприступными природными барьерами. Это позволило выжить на протяжении длительного времени населяющим его видам, которые в других местах были вытеснены более приспособленными конкурентами.

Пекут как блины

На мебельных фабриках Франции широко используют в качестве полуфабриката прессованные плиты из слоев бумаги, пропитанных синтетическими смолами. Один из основных поставщиков таких плит — фирма «Полярей» — усовершенствовала технологию их изготовления. Был установлен мощный быстродействующий пресс и сокращено время тепловой обработки за счет применения новых марок смол. В результате цикл изготовления плиты размерами до 5,2×1,65 метра сокращен с 70 до 15 минут. Без переналадки установки ее можно автоматически переводить на выпуск нескольких типоразмеров изделий. Обслуживают установку всего два оператора. Годовая ее производительность — более трех миллионов квадратных метров плит.

Духи умерших предков

Так местное население Мадагаскара зовет руконожек. В 1780 году путешественник Пьер Соннер поймал на этом острове невиданную зверушку и назвал ее «ай-ай». У зверька темно-коричневая шерсть, длинный, хорошо опушенный хвост, большие уши и будто высохшие пальцы, среди которых особенно выделяется средний — он значительно тоньше остальных.

В недалеком прошлом остров лишился целого ряда представителей животного мира. На сегодня девять десятых лесов Мадагаскара сведены лесоразработками. Их уничтожение — прямая угроза исчезновения еще нескольких видов животных, в том числе и руконожек.

Зверек этот, относящийся к подотряду лемуров, крайне редок. О его жизни ученым известно еще очень мало. Так как активны зверьки только ночью, увидеть их днем крайне трудно. Местные жители к встрече с ними не стремятся. По их мнению, это плохая примета. Они верят, что в руконожек, как и в лемуров, переселяются души умерших.

Сейчас у ученых появилась надежда, что вид все-таки удастся спасти. Еще в 1965 году на Мадагаскаре поймали девять взрослых зверьков и переселили их в густые леса небольшого осторова Нуси-Мангабе. Позднее ученые стали встречать там и молодых руконожек. К тому же в наши дни этот остров объявлен заповедником для лемуров.

Климат и землетрясения

Американский метеоролог Дж. Немайес сопоставил данные об атмосферных условиях и характере сейсмической активности на западе США за продолжительный период времени. Его вывод довольно неожидан: экстремально высокое атмосферное давление, возникающее иногда над акваторией Тихого океана в нескольких сотнях километров от побережья Калифорнии, выступает в роли пускового механизма землетрясений средней интенсивности на территории этого штата. Например, два подземных толчка наблюдались на юге Калифорнии в июле 1986 и октябре 1987 года. За месяц-полтора до нарастания сейсмической активности в обоих случаях возникала устойчивая область высокого давления, величина которого существенно превышала обычную для этого района норму.

По мнению Немайеса, речь не идет о случайном совпадении. Сейчас уже многие специалисты допускают возможность неких связей между метеорологическими явлениями и процессами в земной тверди.

Еще раз об озоновом слое

В атмосфере Токио в сорок четыре раза больше фреона, чем в отдаленных от промышленных центров районах страны. К этому выводу пришли ученые из Токийского университета в ходе исследований воздуха в разных частях Японии. Газы из фреоновой группы широко используются при производстве полупроводников, в холодильном оборудовании, химчистках и бытовых аэрозольных упаковках. Выброс этих газов в атмосферу приводит к разрушению тонкого озонового слоя, спасающего все живое на Земле от гибельного действия жесткого космического излучения. До сих пор на Японию падало около трети мирового производства фреона. Сейчас начали уделять серьезное внимание исследованиям, направленным на внедрение технологий с замкнутым циклом, который исключает выброс фреона в атмосферу. А «Сиова денко», одна из ведущих в стране химических фирм, объявила, что создала специальный масляный фильтр, полностью улавливающий фреон.

Шторы греют

Западногерманские специалисты создали ткань, в которую встроены водонепроницаемые микрокапсулки, содержащие глауберову соль. Благодаря этому ткань долго сохраняет тепло.

Почему? Нагреваясь, соль становится жидкой и аккумулирует в себе в 60 раз больше энергии, чем вода. Охлаждаясь, глауберова соль начинает затвердевать и выделять накопившееся тепло. Из такой ткани можно шить не только одежду, но и шторы для окон, которые будут поглощать солнечное тепло и нагревать комнаты.

«Тайные» сигналы слонов

По-видимому, слоны, помимо обычных звуков, издают и звуки в низкочастотной области между 14 и 24 герцами, отчасти не воспринимаемые человеческим ухом. Это открытие сделали американские ученые из Корнеллского университета в Итаке после того, как целый год наблюдали за одним слоновьим стадом. При этом они установили, что каждый раз, когда слоны издают как обычные, слышимые человеком, так и низкочастотные звуки, у них на лбу вибрирует определенное место. Возможно, именно там у слонов находится «передатчик». Между низкочастотными звуками и поведением слонов выявилась тесная связь. Так, например, с их помощью слонихи подзывают к себе пасущихся детенышей. Этими же «тайными» сигналами самки, способные к оплодотворению только два дня в месяц, вероятно, дают о себе знать самцам, находящимся от них иногда на расстоянии в несколько километров. Возможно, низкочастотными звуками координируется и активность рассеянного стада. До сих пор же было непонятно, почему стада слонов как будто без видимых или слышимых сигналов внезапно приходят в движение. Американские ученые надеются, что их открытие, объясняя социальное поведение слонов, внесет ощутимый вклад в дело спасения этих животных, которым в настоящее время угрожает полное истребление.

Цвет и урожай

Урожай зависит и от цвета поверхности почвы — к такому выводу пришли американские ученые. Обычно считают, что основную роль в фотосинтезе играет верхняя поверхность листьев. Однако новые исследования показали, что существенное значение имеет и свет, отраженный от почвы, падающий на нижнюю поверхность листьев.

Экспериментаторы покрывали почву цветной пластиковой пленкой и окрашенной соломой. Оказалось, что выращивание томатов на красном фоне увеличивает урожай на 20 процентов. Белый фон повышает сбор картофеля на 25 процентов, а красный улучшает качество клубней. Урожай перца на белой почве на 20 процентов выше, чем на черной.

Похож на автобус

В австралийском городе Аделаида появился новый вид транспорта под названием О-бан (О — от слова омнибус). Новая транспортная система разработана специалистами фирмы «Даймлер-Бенц». Этот вид транспорта напоминает автобус, но он движется на колесах между двумя бетонными рельсами. Вертикальные ребра рельсов направляют и контролируют движение. Поэтому и нет нужды в руле. Самое большое преимущество этого вида транспорта — то, что его можно использовать и на обычном шоссе.

Светят галогены

И делают это весьма успешно. Новая галогеновая лампа, выпущенная западногерманской фирмой «Осрам», излучает своими парами в шесть раз больше света и горит в шесть раз дольше (около шести тысяч часов) по сравнению с обычными электролампами. Ее недавно демонстрировали на Ганноверской ярмарке, в ФРГ. Еще одно достоинство: она несколько меньше размерами обычных лампочек.

Из справки, подготовленной Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС, Комитетом государственной безопасности СССР, Прокуратурой СССР и Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС для Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов:

«Дело военных» — так назвала мировая печать судебный процесс над военачальниками Красной Армии, проходивший в Москве летом 1937 г.,— имело далеко идущие и трагические последствия. Осуществленные И. В. Сталиным и его ближайшим окружением массовые репрессии в армии накануне второй мировой войны нанесли огромный ущерб Советским Вооруженным Силам, всей обороноспособности Советского государства.

Следует сказать, что репрессии и до этого не раз потрясали Красную Армию, но прежде они не задевали военачальников столь высокого ранга. В середине 20-х гг. была проведена чистка командного состава и политических работников, подозреваемых в сочувствии троцкистской оппозиции. Спустя несколько лет — в конце 20-х — начале 30-х гг.— были осуществлены мероприятия по чистке РККА от бывших офицеров старой армии. Дело не ограничилось только увольнением их из Вооруженных Сил. По фальсифицированным обвинениям были сфабрикованы дела о заговоре бывших офицеров. По ним было осуждено более трех тысяч командиров Красной Армии. А всего за 20-е и первую половину 30-х гг., по словам К. Е. Ворошилова, было уволено из армии 47 тысяч человек, в том числе 5 тысяч бывших оппозиционеров.

...Внутриполитическая обстановка в стране во второй половине 30-х гг., обострение и расширение репрессий вызывали у И. В. Сталина определенные опасения в отношении позиции крупных военачальников, авторитет которых в народе и армии был очень высоким еще со времен гражданской войны. Их глубокий профессионализм, независимость в суждениях, открытая критика выдвиженцев И. В. Сталина — К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, Г. И. Кулика, Е. А. Щаденко и других, не понимавших необходимости создания современной армии,— вызывали раздражение, подозрительность и определенные опасения, что армия может проявить колебания в поддержке проводимого им курса. Отсюда стремление убрать из армии всех колеблющихся, всех, кто вызывал у И. В. Сталина и его ближайшего окружения хоть малейшие сомнения».

Террор, обрушившийся на Красную Армию, дал чудовищные результаты: в 1937 и 1938 годах, за период всего лишь в полтора года, в вооруженных силах было репрессировано более сорока тысяч человек. Такого разгрома командных кадров не знала ни одна армия мира, ни в одной войне, и кто определит, какими тяжелейшими неудачами, какими тысячами жертв отозвались эти репрессии в годы войны? Кто знает, как повернулся бы ход войны, если бы офицерский корпус армии не был бы обескровлен сталинским террором?

Пришлось ли бы, например, нам, напрягая последние силы, давать отчаянное сражение у стен столицы или откатываться летом сорок второго на берега Волги, на границу Европы и Азии?

В публикуемых ниже воспоминаниях генерал-лейтенанта в отставке К. Полищука — живые и неповторимые свидетельства очевидца о трагических событиях лета 1937 года, о начальном этапе Большого террора в Красной Армии.

К. Полищук,
генерал-лейтенант в отставке

Заседание РВС: 1—3 июня 1937 года

Свидетельство очевидца

Из сообщении газет 1 июня 1937 года страна узнала о самоубийстве начальника Политуправления Краснои Армии Гамарника, а 11 июня — об аресте группы высших командиров Красной Армии, в том числе Тухачевского, Уборевича, Якира, Корка и Фельдмана.

Мне довелось быть непосредственным свидетелем событий на совместных заседениях Политбюро ЦК ВКП и Революционного Военного Совета Союза (РВС) в июне 1937 года в Кремле.

Пожалуй, я последний живой участник этих заседаний, и мне хочется рассказать, как все это происходило, и о некоторых участниках тех драматических событии.

Революционный Военный Совет в те времена был высшим командным и руководящим органом Красной Армии и всей системы обороны страны. Под командованием РВС находились все вооруженные силы Союза — сухопутные, морские, воздушные, пограничные,— военные комиссариаты всех рангов, а также многие военно-промышленные предприятия.

В целом вся деятельность в целях обороны была прямо или косвенно подчинена РВС. Возглавлял РВС народный комиссар обороны, в состав Совета входили заместители наркома, представители промышленности, представители Совета Обороны и партии. Генеральный секретарь ВКП Сталин неизменно был членом РВС.

По мере необходимости созывались пленумы РВС, в которых участвовали командующие войсками округов и члены их военных советов, начальники центральных управлений, некоторые командиры корпусов, все начальники военных академий и некоторые военные атташе. Обычно на таких пленумах обсуждались годовые итоги деятельности Красной Армии и разрабатывались планы работы на последующее время.

После пленума, как правило, проводился правительственный прием состава РВС в Кремле или Доме Красной Армии, где с заключительным словом выступал Сталин. На приеме присутствовали все члены Политбюро. Обычно это происходило в декабре.

1934—1937 годы были очень тревожным временем. Особенно усилилась напряженность после убийства Кирова 1 декабря 1934 года. Уже до этого прошли процессы Промпартии и Южного Центра со старой инженерной интеллигенцией на скамьях подсудимых — процессы, где на открытых судебных заседаниях Рамзин и Стечкин признавались в организации контрреволюционных вредительских и диверсионных групп. Они разоблачали себя и товарищей в коварных замыслах восстановления капитализма в России. При этом не было засвидетельствовано ни одного конкретного случая вредительства. Процессы носили явно театральный характер с игрой на широкую публику, на возбуждение кровожадных эмоций. Они достигали своих целей. За ними следовали волны народных демонстраций, митингов с лозунгами «Смерть вредителям и диверсантам!» и истерические статьи в печати, требующие всеобщей бдительности и разоблачения последышей буржуазии и ее вредительских холопов в лице инженеров, профессоров и вообще всех старых спецов.

После убийства Кирова началась полоса арестов. Началась массовая чистка Ленинграда от реальных и воображаемых остатков зиновьевской оппозиции, а также того, что еще сохранялось от старой технической и культурной интеллигенции, дворянских и служилых слоев населения. Стало известно, что пачками идут расстрелы на Шпалерной; да, собственно, на митингах и собраниях объявлялось, что мы будем беспощадно мстить за Кирова. Все эти операции возглавил Жданов, председатель ленинградской тройки по рассмотрению контрреволюционных преступлений.

В парторганизациях шли последовательно чистка рядов, кампания выдачи единых партбилетов и, наконец, полоса критики и самокритики. Все эти кампании имели одну цель: дать карательным органам материалы, позволяющие держать под подозрением возможно больше людей, потенциально подготовленных к аресту и расправе.

Страх, подозрительность, доносы, клевета и разгул агентуры органов стали нормой для первого города революции.

В конце сороковых — начале пятидесятых годов в Московском авиационном институте одним из самых уважаемых студентами профессоров был Константин Ефимович Полищук. Предметом своим он владел в совершенстве, подкупал искренней доброжелательностью и артистичностью.

Поверьте, в юных душах, по крайней мере в некоторых, уже в то ледяное время хватало горьких сомнений, что все советское — непременно лучшее в мире. Наука, техника, искусство, мораль... И что наставники у нас — лучшие под луной, в том числе проросшие из так называемых выдвиженцев и уж подавно — из «красных директоров».

Между тем как раз из них был и К. Е. Полищук. Но мы этого не знали по очень простой причине: недавний «зэк», выпущенный из тюрьмы, однако не реабилитированный, он, естественно, избегал какого-либо внеаудиторного общения с нами, помалкивал обо всем, кроме своей специальности.

Сейчас Константину Ефимовичу 93 года. Родом он из крестьян, до революции окончил землемерное училище. В 1916 году вступил в партию, был пропагандистом, участвовал в гражданской войне. После войны — комиссар знаменитой школы РККА «Выстрел», затем — Высшей электротехнической школы, впоследствии преобразованной в академию (теперь Военная академия связи). Был ее начальником и одновременно комиссаром.

Такова его восходящая карьера. Но было в ней одно существенное понижение: в 1922 году комиссар академии перешел там же в рядовые слушатели — увидел, что со своим землемерным образованием занял чужое место.

Стал инженером, окончил адъюнктуру и вновь поднялся до должности начальника академии.

Арестовали его в 1937 году, отпустили в 1943, «простив». В заключении он работал в секретных конструкторских бюро НКВД с А. Н. Туполевым, В. М. Мясищевым, Р. Л. Бартини, В. М. Петляковым, «прощенный» — с Мясищевым и Туполевым, по совместительству преподавал в МАИ. Автор учебника по оборудованию самолетов и более двадцати изобретений. Генерал-лейтенант в отставке.

О заседании Реввоенсовета СССР в июне 1937 года, о начале разгрома верхушки Красной Армии К. Е. Полищук рассказывает по памяти, без ссылок на архивы, литературу. Не беда. Расхождения получились, насколько можно судить, непринципиальными, лишь в некоторых деталях, а главное — документы и литература не всегда правдивее памяти. Во всяком случае, с ней тоже надо считаться.

И. ЧУТКО

В Электротехнической академии РККА, начальником которой был я, все это можно было наблюдать в натуре: потоки грязных доносов, следующих за ними исключений из партии и, наконец, арестов. Начали один за другим исчезать преподаватели, слушатели и сотрудники. Почему, куда, по каким обвинениям — все оставалось неизвестным, в том числе и мне, и комиссару академии. Конечно, ползли слухи: арестовали шпиона Яковлева (начальник исследовательского отдела, он был в командировке в Америке), арестовали Яворского (начальник факультета), «вредителя», троцкиста и так далее.

Одно за другим шли партсобрания, на которых рассматривались дела об исключении из партии либо тех, над которыми висел меч, либо тех, на которых он уже опустился. В последних случаях парторганизации сообщалось, что такой-то изобличен как враг народа и арестован, следовало единогласное решение об исключении. Все наши частные события шли на фоне громких всенародных процессов «троцкистских блоков», сначала Каменева — Зиновьева, а затем Пятакова — Радека.

Вот в такой обстановке вечером 31 мая 1937 года я получил шифрованный вызов явиться завтра, 1 июня, на заседание РВС. Когда утром 1 июня я вошел в здание РВС (на улице Фрунзе), меня направили в секретариат наркома обороны. В комнатах секретариата и в зале заседаний РВС уже собрались многие высшие начальники Красной Армии: командующие войсками, начальники центральных управлений, начальники академии, некоторые командиры соединений. Все они сидели за столами, на которых лежали стопки отпечатанных на машинке листов бумаги. Все столы, специально поставленные, были покрыты такими материалами; сидящие за столами брали эти листки и прочитывали их, после чего вновь клали их на стол и брали другие. Все были угрюмы и молчаливы.

Когда я подошел к управделами РВС Смородинову и поздоровался, он сказал: «Идите к столам, найдите себе место и читайте разложенные материалы, заседание РВС состоится позже, когда будут прочитаны материалы». Нашел я себе место рядом с Тодорским, моим начальником по Управлению академиями, и Иппо, начальником Политической академии имени Ленина. Оба они были исключительно озабочены и безмолвны. Взял со стола стопку листов и начал читать. Листы оказались протоколами следственных показаний Тухачевского и других арестованных по обвинению в военном заговоре.

Показания были напечатаны под копирку на листках обычной бумаги, некоторые имели нумерацию, другие не имели, и все они не были сброшюрованы. Печать далеко не на всех была достаточно четкой, читать было трудно. Не сразу удавалось также подобрать последовательно страницы показаний. Чтение было торопливым. Между столами постоянно прохаживались сотрудники секретариата — Смородинов, Хмельницкий, Штерн — и просили не задерживать листы. Читать приходилось те листы, которые были свободны, а остальные были на руках у других. В общем, ознакомление было несистематическим, сумбурным.

Мне не удалось прочитать показания Тухачевского и Фельдмана, не полностью Уборевича, совсем я не читал показаний Корка и Якира и, по-видимому, не очень много от этого потерял: все показания были

написаны по одной и той же схеме. Схема эта была примерно такая: какова цель преступного заговора, в котором вы состояли, кто и при каких обстоятельствах завербовал вас в преступный заговор, какие преступные задания вы выполняли, от кого и сколько денег вы получали за шпионские сведения, передаваемые вами иностранной разведке, кого вы завербовали в состав военных заговорщиков и при каких обстоятельствах.

Ответы на эти вопросы были стереотипные, в основном обобщенные, с незначительными нюансами, связанными с различиями в служебном положении обвиняемого и его биографией. Конкретные факты, точные даты, количественные и результативные данные преступлений, как правило, не указывались, но показания были пышно расцвечены стандартными саморазоблачительными фразами типа «Я встал на преступный контрреволюционный путь предательства Родины с целью восстановления капитализма в стране, уничтожения советской власти, физического истребления членов ЦК Коммунистической партии и вождя народов мира Сталина».

Такими были, например, показания Тухачевского. В них указывалось также, что он завербовал в преступный заговор многих высших военачальников, среди них Якира, Уборевича, Корка, Фельдмана, Эйдемана, Примакова. Говорилось и о том, что Тухачевский будто бы передавал фашистской разведке чертежи и другую документацию новых образцов военной техники (самолеты, танки, реактивное оружие и прочее), а также направлял все научные и конструкторские разработки на бесплодный, вредительский путь.

По аналогичной схеме были написаны показания Фельдмана и Уборевича, с той лишь разницей, что Фельдман показывал, что его завербовали в военный заговор Гамарник и Тухачевский, хотя он самостоятельно, будучи в Германии, был завербован шпионом. Он также показывал, что сам завербовал многих генералов для участия в заговоре, в том числе и своего бывшего заместителя, ныне начальника Управления академий Тодорского. (Тодорский в это время сидел за столом рядом со мною и читал эти показания.) Он указал как на завербованного на заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа Гарькавого.

Фельдман показал, что в разное время он получал в небольших суммах деньги за шпионские сведения, а иногда ему передавали ценные подарки (часы, авторучки). Где, когда, как получал деньги, не уточнялось. Главные направления его преступной деятельности — передача шпионских данных о командных кадрах и вредительство в организации частей и соединении Красной Армии и передача мобилизационных планов врагу.

Выражения «преступная», «шпионская», «контрреволюционная», «изменническая» повторялись в протоколах так часто, что составляли, по-видимому, не менее половины текста.

Уборевич также сознался в том, что имел двойную вербовку: сначала его завербовал Тухачевский с постановкой ему задач вредительства, а когда он был в Германии, его напрямую завербовала фашистская разведка. Он неоднократно получал деньги за передачу сведений о состоянии и деятельности частей и соединений Белорусского военного округа, которым он командовал. Вредительская работа Уборевича, по протоколам, включала создание неэффективных укрепленных районов на западной границе, вредительский характер боевой подготовки войск и планы сдачи территории округа врагу. Он завербовал в состав заговорщиков многих генералов штаба и соединений округа, в том числе своего начальника штаба Мерецкова (Мерецков также сидел за столом и читал эти показания).

Надо было видеть состояние духа тех, кто упоминался как завербованный в заговорщики и читал об этом в протоколах обвиняемых, сидя здесь, в зале РВС. Это был убийственный шок.

Всегда бодрый, доброжелательный, общительный Тодорский был смертельно бледен, неподвижен и безмолвен. Ни он, ни кто-нибудь из его друзей не сказали ни слова. Все угрюмо молчали, старались не глядеть друг на друга. Обстановка могильная.

В таком состоянии духа мы покинули здание РВС. Как и все, я безмолвно вышел на улицу Фрунзе и побрел, не замечая ни яркого июньского солнца, ни уличного оживления.

Я не находил никакого объяснения случившемуся. Долго зная многих высших начальников Красной Армии, коммунистов, героев гражданской войны, творцов обновленной, технически совершенной оборонительной системы страны, не мог представить их преступниками, изменниками, врагами народа, заговорщиками против советской власти, партии, ее руководства. Но я только что читал подписанные ими их личные показания...

Все это не укладывалось в голове: сумбур, противоречиво, дико, алогично, предчувствие великой трагедии.

Совместное заседание Политбюро ЦК и РВС Союза. Я у Спасских ворот Кремля. Обычная процедура — опрос в караульном помещении, и мы поодиночке направляемся по асфальтированной дорожке к купольному зданию заседаний ВЦИК СССР. По краям дорожки на известном расстоянии стоят охранники войск НКВД, они направляют идущих к зданию. В здании поднимаемся в круглый зал заседаний (Свердловский зал).

Здесь собрался высший состав Красной Армии — генеральская и адмиральская ее верхушка, военные, политические и технические руководители. Не было только наиболее ценной группы Тухачевского, Уборевича. Они томились совсем недалеко от этого зала, в подвалах внутренней тюрьмы (Лубянка). Все сидят в рядах амфитеатра отчужденно, подавленно. Нет обычных шуток и каких-либо разговоров. Организаторы заседания тихо ходят по ковровым дорожкам и разговаривают между собою шепотом.

Из глубины зала появляются Сталин, Ворошилов, Калинин, Молотов, Жданов, Ежов, Каганович, маршалы Буденный, Блюхер. Зал встает и молча наблюдает, как президиум занимает свои места. За боковыми служебными столами рассаживаются генералы Управления РВС — Смородинов, Хмельницкий, Штерн и другие, а также руководящие работники НКВД и секретари ЦК.

Места в президиуме заняли члены Политбюро — в середине Ворошилов, Молотов, а левее их разместились Калинин, Жданов, Каганович и Ежов. Сталин сел на краю стола справа от Ворошилова. Все в президиуме выглядели очень озабоченно, даже угрюмо, если не считать Ежова. Маленького роста, почти карлик, с квадратной головой, похожий на Квазимодо из «Собора Парижской богоматери»,

он был суетлив, улыбчив и о чем-то перешептывался с сопровождавшими его генералами НКВД. Он победно оглядывал президиум и зал. Сталин в своем привычном френче, в сапогах и брюках навыпуск выглядел постаревшим с тех пор, как я видел его на заседании РВС в декабре 1936 года в Доме Красной Армии. Он тоже не показывал признаков угнетенности, наоборот, имел уверенный, даже веселый вид. Он с заинтересованностью оглядывал зал, искал знакомые лица и останавливал на некоторых продолжительный взгляд. Что касается Ворошилова, то на нем, что называется, лица не было. Казалось, он стал ростом меньше, поседел еще больше, появились морщины, а голос, обычно глуховатый, стал совсем хриплым. Буденный с пышными усами носил, как всегда, благожелательную улыбку, а Блюхер был сверхозабочен, тревога сквозила во всех его движениях. Маршала Егорова в зале не было.

Приглашенные разместились главным образом в передних рядах, прямо перед президиумом. Правда, передний ряд был пуст, его занимать избегали. Общее число собравшихся не превосходило ста человек.

Заседание открыл Ворошилов примерно так: полагаем, что все участвующие ознакомлены с материалами о действиях преступной контрреволюционной группы военных заговорщиков, поставивших своей целью свержение советской власти, уничтожение руководителей партии и советского правительства и реставрацию капитализма в нашей стране. Мы проворонили наличие контрреволюционного и шпионско-вредительского заговора в Красной Армии, и это наша вина. Ума не приложу, как мы могли просмотреть такие преступления, не видеть, что творится на наших глазах в самом сердце Народного Комиссариата обороны. Преступления огромны, нашей обороне нанесен неисчислимый урон. Нам надо разобраться, как это могло случиться, выявить все корни заговора, его распространение в рядах армии и раз и навсегда покончить с любыми проявлениями контрреволюционных преступлений, откуда бы они ни исходили. Надо проявить величайшую бдительность, чтобы обнаружить все следы преступлений, возродить дух преданности Красной Армии нашей партии, правительству, Сталину, восстановить обороноспособность страны.

Мы должны выразить высокую признательность наркомату внутренних дел и особенно Ежову за исключительно важную работу по вскрытию преступной банды Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Фельдмана, Гамарника и других изменников Родины, полностью очистить ряды армии от шпионов, вредителей, террористов, какие бы посты они ни занимали в Красной Армии. Мы должны научиться распознавать преступников в наших рядах, разоблачать и беспощадно уничтожать.

Прошу высказываться по рассматриваемому вопросу. Еще раз заявляю, подчеркнул Ворошилов, что я лично в этом деле проявил недопустимую близорукость и отсутствие должной бдительности, что в дальнейшем я постараюсь исправить свои ошибки.

Все выступавшие держали слово примерно по одной схеме. Они прежде всего рассказывали о своей простоте: как это так они многие годы работали рука об руку с преступниками, дружили с ними и нигде и ни в чем не замечали их преступлений; они глубоко сожалеют о своих промашках, раскаиваются в доверчивости к врагам народа, высказывают презрение к преступникам, требуют для них беспощадной кары, обещают проявлять бдительность во вверенных им соединениях и учреждениях, обещают сделать все, чтобы возместить нанесенные заговорщиками потери и вывести Красную Армию на небывалую высоту боевой готовности и преданности партии, правительству и лично товарищу Сталину.

Те, кто был назван в показаниях как завербованный заговорщиками, клялись, что они никогда ни в помыслах, ни делом не замышляли никаких преступных действий, что они грубо оклеветаны преступной бандой; требовали для изменников смертной кары. Ни один из выступавших не подверг сомнению и критике истинность показаний, их правоту и доказательность, юридическую чистоту и логичность показаний, наличие фактических данных. Никто не обратил внимание на бессодержательность материалов следствия, общие слова и отсутствие конкретных сведений (что, где, когда, чем подтверждается).

Я до сих пор не могу понять, почему такие высокие, многоопытные мужи, герои гражданской войны и революционных действий так слепо пошли на поводу за бестолковыми, необоснованными протоколами, такими чисто хлестаковскими словесными нагромождениями. Тут, по-видимому, приложим только один закон: «если бог хочет наказать, он прежде всего отнимет разум».

Скажу про себя: хотя какие-то инстинктивные сомнения гнездились в душе, но тот факт, что вот сейчас я сам читал личные показания знакомых мне людей, где они страстно признавались, что они преступники, что они имели цели шпионажа, вредительства, что они предавали сознательно, за деньги предавали страну, помогали врагу, ослабляли Красную Армию, заставляли верить — да, это преступники, это лицемеры-изверги, они заслуживают смерти.

Все выступавшие оценивали совершенное участниками заговора как самое отвратительное преступление, мерзкую уголовщину, заслуживающую одной оценки — смерть преступнику.

По этой схеме выступили Дыбенко, Блюхер, Орлов, Кучинский, Алкснис, Осепян, Авиновицкий, Кулик, Городовиков и другие.

Из высших начальников особое впечатление произвело выступление Мерецкова. Он был назван Уборевичем как участник заговора, которого Уборевич завербовал давно и который выполнял шпионские и вредительские задания. Мерецков долгое время был начальником штаба Белорусского военного округа у Уборевича. В 1936 году Мерецков работал главным военным советником Испанской республики и лишь накануне заседания РВС вернулся из Испании. Мерецков говорил, что показания Уборевича, будто он участник военного заговора — неслыханная клевета на него: он никогда ни единой мыслью или действием не повинен в каких-либо преступных намерениях или действиях. Он всегда, на любых постах верой и правдой служил Родине, партии, Сталину. Он поражен такой беззастенчивой клеветой Уборевича. Он на любой работе готов доказать свою преданность Родине. Что касается Уборевича, то он, Мерецков, проклинает преступника и его преступления и требует для него самой беспощадной кары.

В таком же ключе выступил и Кучинский, бывший до этого начальником штаба Украинского военного округа и долго работавший под руководством Якира.

Тодорский, которого тоже назвал в своих показаниях Фельдман как участника военного заговора, завербованного им, совсем не выступал на заседании и, как мне помнится, не являлся на эти заседания ни второго, ни третьего июня.

При всяком выступлении (они происходили с мест, без выхода на трибуну) Сталин внимательно слушал оратора, пристально смотрел на выступавшего, изредка попыхивая трубкой, а иногда вставал и прохаживался возле стола. Никаких бумаг перед ним не было, и я не замечал, чтобы он записывал что-либо. Реплики он давал редко. Замечания его были краткими. Так, во время выступления Мерецкова, когда тот клялся, что он ни в чем не виновен, Сталин сказал: «Это мы проверим», а на его заявление доказать на любой работе преданность Родине, Сталину, заметил: «Посмотрим». Все время заседаний Сталина не покидала уверенность, приподнятость настроения и даже ироничная усмешка.

Молотов, Калинин, Каганович все заседание сидели молча, с сосредоточенным видом, тоже внимательно слушали и изредка о чем-то переговаривались между собой. Ежов, напротив, вел себя очень оживленно, он то и дело вскакивал со своего места, уходил куда-то, потом снова появлялся в проходе, приближался к Сталину, шептал что-то ему на ухо, опять вскакивал и надолго исчезал из поля зрения. На лице его была квазимодовская усмешка и желание показать энергию и смелость действий. Иногда, выходя из зала, он забирал и всю команду своих помощников, которые плотно толпились у входа в зал; через час-полтора все вновь появлялись в зале, а Ежов снова шептался со Сталиным.

В течение двух дней заседаний наблюдались прямо дьявольские происшествия: из зала заседаний наяву исчезал то один, то другой военачальники. Обнаруживалось это обычно после перерывов в заседании. До перерыва рядом с вами сидел кто-нибудь из командиров, а после перерыва вы его уже не могли обнаружить в зале. Все понимали, что это значит: тут же, на наших глазах, агенты НКВД хватали того или иного деятеля и перемещали его из Кремля на Лубянскую площадь. Все мы понимали, что происходит, в кулуарах фамилии исчезнувших шепотом перекатывались волнами, но в зале все молчали, с ужасом ожидая, кто следующий. Особенно крупная утечка начальников произошла между заседаниями, в ночь с первого на второе июня. Состав пленума потерял за это время около половины своих членов — как командных, так и политических руководителей. И опять-таки никто из многоопытных мужей не поднялся в зале и не спросил, что же это такое происходит, куда деваются наши товарищи? Все, как кролики, смотрели на Сталина и Ежова, все наэлектризованно следили за движениями Ежова и его помощников, толпившихся у входа, все следили за перешептываниями Ежова со Сталиным, все думали: «Пронеси, господи!» Над всеми царил дух обреченности, покорности и ожидания.

В общем, из Свердловского зала после двух дней заседания своим ходом вышло меньше половины высших военачальников Красной Армии, а другая половина под охраной ежовской команды оказалась уже на Лубянке.

В конце второго дня выступил Сталин. Он был очень бодр, уверен в себе и, я бы сказал, был весел. Он также утверждал, что в Красной Армии обнаружен военный контрреволюционный заговор, организованный кучкой негодяев и т. д. Эта кучка подонков, «засранцев» (так и было сказано) вздумала пойти против нас, против руководителей ЦК. За это они поплатятся жизнью. Это жестокий урок для всех нас, мы обязаны самым тщательным образом проверить все корни и связи заговорщиков и очистить ряды Красной Армии от всех изменников и их охвостьев. Надеюсь, что НКВД под руководством испытанного большевика товарища Ежова до конца выполнит свою благородную миссию.

Последнее слово на заседании сказал Ворошилов. Общий смысл его выступления был таким же, как и вводное слово. В заключение он сказал: смерть жалким предателям, ублюдкам Тухачевскому, Уборевичу, Якиру, Корку, Фельдману и всем, кто пошел против Сталина.

К концу заседания первого дня, когда слава и гордость Красной Армии, ее высшие командиры выступили с покаянными речами, били себя в грудь, заявляя о верности Сталину, в зале произошло заметное оживление и даже шум. В зал в очередной раз вбежал Ежов, с кипой каких-то бумажек он подошел к Сталину, дал ему две бумажки, пошептался с ним, а затем с остальными бумажками пошел к входу в зал, к толпе своих помощников, которые удовлетворенно переговаривались друг с другом. Ежов передал своим агентам бумажки, и они начали разносить эти бумажки по рядам заседающих военачальников и давали каждому по две бумажки. Получил и я такие две бумажки в пол-листа. Это оказались заявления Бухарина и Рыкова. Они были напечатаны на машинке и имели следующее содержание. Я помню их дословно. Вот они:

«Народному комиссару внутренних дел Н. И. Ежову

Ник. Ив. Бухарина

заявление

Настоящим заявляю, что я готов давать показания о своей контрреволюционной деятельности.

Н. Бухарин, 1 июня 1937, Москва. Внутренняя тюрьма НКВД».

То же — от А. И. Рыкова.

Возбужденный и смеющийся Ежов торжествовал победу своих пыточных мастеров.

Забитыми, жалкими вышли мы, оставшиеся еще на воле командиры Красной Армии. Что происходит? Что ждет нас? Кому верить? С одной стороны, сознание полной собственной невиновности, с другой — записанные в протоколах дознаний заявления арестованных, признающихся в тяжелейших преступлениях против всех святынь. А тут еще хватают и сажают сидящих рядом твоих товарищей, которым ты верил как себе!

Но ведь ни один выступивший на заседании не усомнился в том, что заговор имел место, не усомнился ни Ворошилов, ни те, кого тут же схватили и превратили в заговорщиков. Откуда такая слепота? Если хоть чуть-чуть критически отнестись к протоколам, то «липа» обнаруживается просто блистательно.

Все читавшие эти протоколы были слепые люди, они потеряли остроту зрения до 1937, они были изувечены культом личности, они не хотели думать, критиковать, анализировать. Они верили. И почти всем им пришлось вскоре подписывать такие же липовые собственные показания и идти на плаху.

Несмотря на грубость, невежество и очевидность обмана, постановка Ежовым спектакля военного заговора заворожила «стреляных

воробьев» революционной борьбы и гражданской войны и опытных полемистов во внутрипартийных дискуссиях и оппозиции. Как кролики, они смотрели в змеиные очи великого вождя и смиренно ждали, когда их схватят и проглотят. Иначе, чем массовым обалдением, это состояние не назовешь.

Особого замечания заслуживает поведение на заседаниях Ворошилова и Буденного — они оба работали со Сталиным многие годы, прошли с ним боевые походы, видели его грубость, лицемерие, коварство и не сделали ни одной попытки проверить и сопоставить с действительностью глупейшие нагромождения чуши в показаниях пятерки. Либо они, сидя на высших командных постах, были в самом деле безмозглые идиоты, либо они подыгрывали «великому вождю» сознательно, идейно или боясь за собственную шкуру. Если судить по дальнейшему ходу событий и роли в них того и другого, то первое предположение, может быть, больше характеризует Буденного, а второе — Ворошилова, хотя сам он, бия себя в грудь, о себе говорил: «Я старый дурак».

Восстанавливая в памяти ход всего этого заседания Политбюро и РВС и имея опыт собственного участия в качестве кролика в дальнейшем развитии этой драмы, я убежден теперь, что поведение Сталина на этом заседании явно указывало, что в его лице мы имеем дело с автором сценария и режиссером всей этой постановки. Он ее задумал и разработал давно и ко времени осуществления уже имел полный подбор действующих лиц, подготовил их действия и все мизансцены и рассчитал ожидаемый эффект игрового действия.

Заседания Политбюро и РВС, суд и расстрел Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Фельдмана и других были прологом к дальнейшим многосерийным частям драмы по последовательному, массовому уничтожению командных кадров Красной Армии.

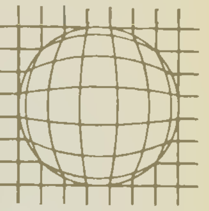
В убийственном состоянии духа покинули зал все оставшиеся на воле высшие командиры Красной Армии, потеряв уверенность в себе, товарищах, руководителях, делах. Мысли, что же это происходит, что же будет дальше, стесняли волю, активность, деятельность.

Вернувшись в Ленинград, в академию, я ощутил полную опустошенность; дни за днями шли слухи, что новые и новые мои руководители и товарищи исчезают в неизвестности. Пропал начальник связи РККА Лонгва, начальник артиллерийской академии Тризна, начальник политуправления округа Славин. В академии исчезли начальник факультета Яворский, начальник научно-исследовательского отдела Яковлев, начальник учебного отдела Ковалев.

Вокруг себя я ощущал пустоту, меня явно избегали некоторые подчиненные, старались не ходить на доклады, в общем, старались держаться отчужденно, начиная с моего помощника по политчасти Саенко. Кстати, мои два бывших помощника по политчасти, Баргер и Чернявский, уже были арестованы. А 10 июля 1937 года, когда в день отдыха я с семьей был на даче под Ленинградом, ночью явились добры молодцы, приехали на моей же машине из города, устроили разгромный обыск, отвезли меня в город и бросили в известную царскую тюрьму «Кресты».

Так началось мое хождение по мукам.

Подготовка текста И. ЧУТКО



Спасаем подводные чудеса

В США опубликован список «семи подводных чудес света». Этой акцией открывается кампания по мобилизации общественности на защиту подводного мира планеты от опасности разрушения и гибели.

Символический список, подготовленный неформальной организацией «Седам интернешнл», включает Большой барьерный риф в Тихом океане, прибрежные воды у Галапагосских островов, Красное море и другие уникальные объекты.

Однако человечество и сейчас не стоит со сложенными руками. В последние годы появилось множество подводных заповедников — в акватории Мексиканского залива, около берегов Австралии, в Красном море... Всего около 3200 охраняемых подводных зон.

Плавающий тоннель

Создать хорошую транспортную связь между южной частью Италии и Сицилией — вековая мечта архитекторов и строителей. Один из самых новых проектов необычен, но абсолютно реален. Это подводный плавающий тоннель, так называемый Архимедов мост. Он представляет собой железобетонную конструкцию из труб шириной 42 метра и высотой 24 метра, которую погрузят в воду на глубину 30 метров. Она будет поддерживаться давлением воды, согласно закону Архимеда, и зафиксирована стальными прутьями, прочно заякоренными на морском дне. Контролировать все это будут компьютеры. В тоннеле будет два трехполосных автомобильных полотна, расположенных один над другим, и две железнодорожных линии по бокам. Строить тоннель будет вдвое дешевле моста. К тому же мост длиной 3300 метров может быть подвержен сильным колебаниям из-за ветров, дующих над проливом, что вызовет частые остановки движения по нему. Специалисты надеются также, что тоннель устоит и при самом сильном землетрясении.

Вода отныне не страшна

Канадская фирма «Ксипекс кемикл корпорейшн» разработала оригинальное химическое соединение, предотвращающее проникновение воды в бетон. Органические вещества в этом соединении вызывают рост нерастворимых в воде кристаллов, которые заполняют поры в бетоне и перекрывают таким образом доступ воде.

Секрет краски

Время практически не повлияло на яркость красок, которые использовали древние египтяне. И сейчас, спустя четыре тысячелетия, сохранилась их первоначальная свежесть. Каковы же чудодейственные рецепты этих красок?

Этим вопросом заинтересовалась группа французских специалистов. Из саркофага, хранящегося в одном из музеев Гренобля, они извлекли кусочек синей краски и исследовали его с помощью лазерного спектрометра.

Оказалось, что древние египтяне использовали белый песок, известь и малахит. При этом они отлично знали, в каких пропорциях смешивать компоненты и при каких температурах идет процесс окисления.

Лифт застрял между этажами

Событие довольно неприятное, но не столь уж редкое. В Париже ежегодно происходит 30 тысяч подобных случаев. В половине из них, чтобы вызволить пассажиров, приходилось вызывать специальные бригады, особенно если пропадал ток. Поэтому французская фирма «Инсталясьон Секюрите Асансэр» разработала своего рода «палочку-выручалочку». Это устройство монтируется на крыше кабины лифта и связано с подъемным канатом и системой электропитания. Если пропал ток и лифт остановился между этажами, вступает в действие сугубо механическое приспособление. Под его действием кабина опускается вниз на ближайший этаж и надежно останавливается прямо против двери, которую легко открыть.

В помощь геологам

Вести поиск полезных ископаемых под морским дном сложнее, чем на суше. Но тут возможны свои специфические методы. Канадская компания «Би-Би-Ти Лимитед» разработала для этой цели новую систему. Корабль буксирует цепочку буев с интервалами десять метров между ними. Каждый буй снабжен электродом, излучающим поляризованные электромагнитные волны, и датчиками для измерения электрической емкости и сопротивления среды. Показания датчиков поступают на корабельный компьютер. Он связан также с навигационным устройством, которое определяет местоположение корабля с точностью до одного метра. Сопоставляя полученные данные с результатами сейсмического зондирования, привязанными к тем же точкам, компьютер «выдает» весьма ценную геологическую информацию.

Консервы по-индийски

В Индии проходят эксперименты по нетрадиционному способу консервирования рыбы. Вместо металлических банок используют многослойные пакетики. Они состоят из трех слоев — полиэстерного для прочности, алюминиевого, предохраняющего от света, и полипропиленового, который не пропускает кислород. Первоначальные исследования показали, что сардины, например, сохраняются в этой упаковке более двух лет. Многослойные мешочки не только дешевле консервных банок, но и легче уничтожаются после использования.

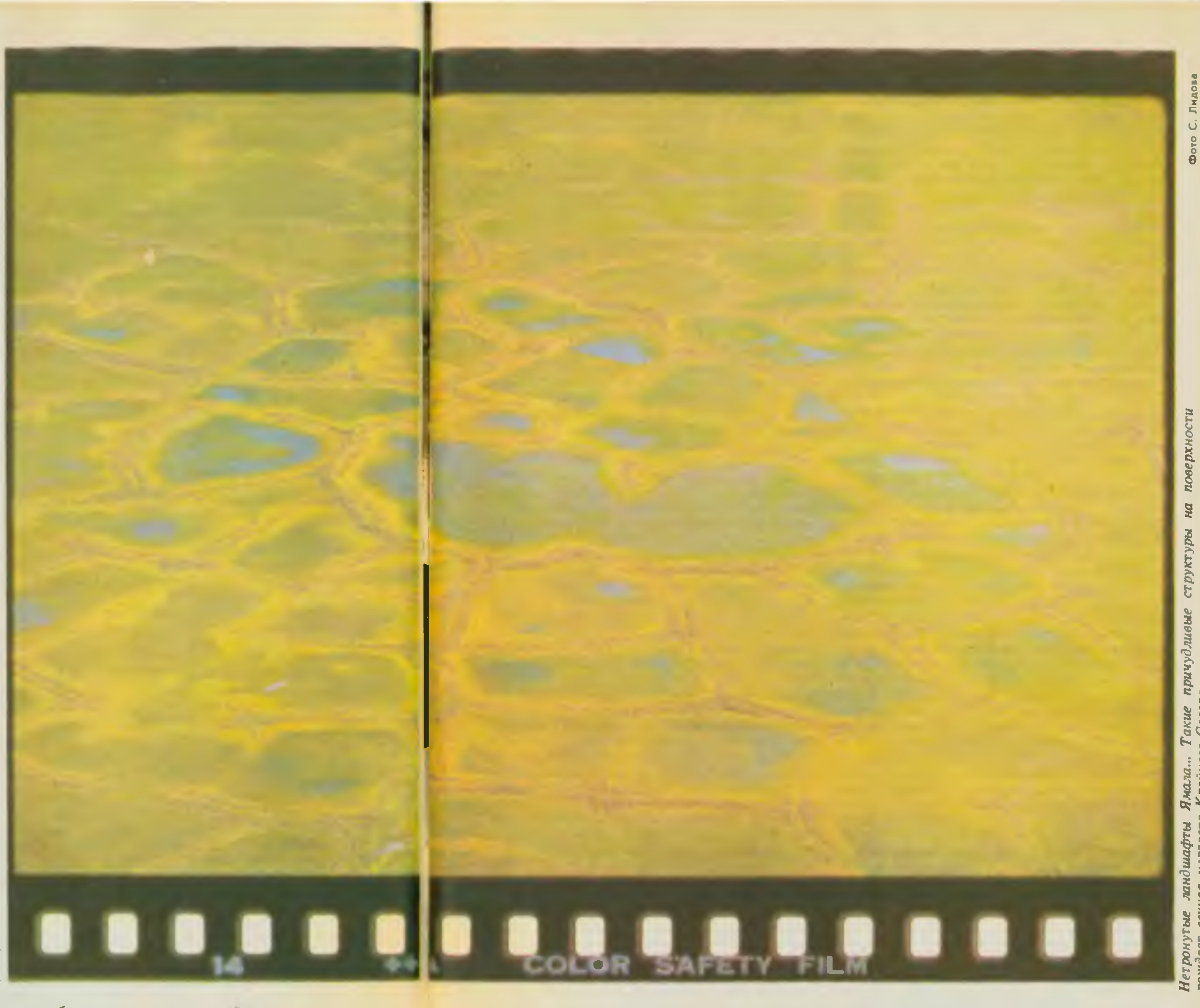
Почему белек белый?

Кто такой белек, многие, наверное, знают. Напомним: так называют новорожденного детеныша тюленя. Шкурка его совершенно белая, без единого пятнышка. Как известно, первые три недели молодняк тюленей в воду не сходит, а лежит на льду. Раньше предполагали, что белая шкурка необходима малышам лишь для маскировки. Действительно, на снимках, полученных с самолета, они совершенно не видны. Но, оказывается, дело не только в этом. Норвежский физиолог Ниле Оритоланд установил, что волосяной покров новорожденного гренландского тюленя вовсе не белый, а прозрачный, то есть бесцветный, и служит хорошим проводником солнечного тепла к коже зверька. А так как у только что родившегося тюленя отсутствует толстый жировой слой (позднее он появится), то это обстоятельство для него чрезвычайно важно. Благодаря бесцветной шерсти малыш хорошо обогревается на солнце, причем шубка действует подобно термосу: тепло из нее не уходит!

Накопив за три недели солидный слой жира, тюлененок линяет, меняя свой белый наряд на темный. Он уже сходит в воду и вполне может обходиться без светлой шубки.

Шесть миллионов гектаров загубленных пастбищ, уничтоженные рыбные водоемы — это потерянные 60 миллиардов рублей... Сейчас трудно сказать, чего больше мы получили в результате освоения — прибыли или потерь.

Из выступления на втором Съезде народных депутатов СССР депутата Р. П. Ругина (Ямало-Ненецкий автономный округ).



Нетронутые ландшафты Ямала... Такие причудливые структуры на поверхности рождает вечная мерзлота Крайнего Севера.

Фото С. Лидова

З. Каневский,
наш специальный корреспондент

Крик о помощи

Ямал плакал обильными слезами, их источали тысячи и тысячи озер, слившихся в одно-единое озеро-болото, ржаво отсвечивающее в холодное небо. И не «остроконечных елей ресницы», а бурые, пропитанные маслами и бензином берега окаймляли эти голубые некогда «глаза». Не берега даже — перешейки между водоемами, в прошлом моховые, ягельные, поросшие кустарничками карликовых деревьев, а ныне — словно пожелтевшие от горя, изрезанные следами гусениц и колес, истерзанные руками и механизмами покорителя-человека.

Вертолет «Ми-8» летал над Ямалом, присаживаясь на час-другой в каком-нибудь особо интересном для людей науки местечке, где по берегам рек обнажались пласты подземного льда или буквально на глазах формировался глубокий овраг. И тогда из вертолета высыпали участники Международного симпозиума по геокриологическим (то бишь мерзлотным) исследованиям в арктических районах, торопясь поскорее пощупать руками ямальскую мерзлоту, лизнуть языком кусочек ямальского льда на очередном обнажении.

Шесть вертолетов, человек по двадцати в каждом, бороздили воздушное пространство над Ямалом и соседним с ним Гыданом, садились, взлетали, снова садились, люди иаслаждались тундрой, ее яркими цветами, пружинящими под ногами изумрудными мхами, великим изобилием голубики и... грибов! Но стоило вновь погрузиться в вертолет, взлететь и уткнуться лицом в иллюминатор, как оживление спадало, уступая место тяжелым раздумьям. Говорить не хотелось, да и невозможно это из-за страшного грохота и тряски,— можно лишь громко кричать. Можно и нужно.

Очень хотелось побывать на Харасавэе, мысе на западном берегу Ямала, где в марте 1977 года мне удалось увидеть собственными глазами разгрузку судов на ледовый причал, величественную работу атомных и прочих ледокольных кораблей, с помощью которых сюда для нужд будущих газодобытчиков Ямала доставлялись десятки тысяч тонн необходимых грузов. Репортаж в журнале «Знание — сила» о делах тех дней назывался «Разбуженная Арктика»*, в нем воспевался труд человека, пришедшего осваивать ту «далекую, но нашенскую» арктическую землю. Теперь мысли у автора давнего репортажа были совсем иные, в пору было просить прощения у самого мыса Харасавэй, да вот незадача: во-первых, мы до него не долетели, а во-вторых, нет уже на том мысу полярной станции, на которой пришлось пожить в 1977 году. Под влиянием

* «Знание — сила», 1977 год, № 10.

термоабразии, теплового и механического воздействия Карского моря, сложенный мерзлыми породами харасавэйский берег стал бурно обрушиваться и полярную зимовку сочли за благо перенести в другой район побережья. И случилось это, заметим, не в результате неправедной деятельности человека (хотя и она была), а в основном по воле природы, суровой, гордой, упрямой ямальской природы с ее отчаянно лютым климатом, монолитной мерзлотой, с ее льдами, водами, тундровой растительностью и все еще живущей живностью (двухсоттысячное стадо диких оленей, десятки видов зверей и птиц и даже такая, совсем уж не доступная нашему нынешнему воображению рыба, как нельма, омуль, муксун)...

Лет двадцать пять назад геологи нашли на Ямале подземный газ, такой же метан, как на Уренгое, в Медвежьем и других, ставших знаменитыми тюменских месторождениях, расположенных гораздо южнее Ямала, который на правах Ямало-Ненецкого автономного округа с центром в Салехарде тоже входит в состав Тюменской области. Изыскатели оконтурили Харасавэйскую газоносную площадь, прикинули объемы запасов Малыгинского месторождения (самый север полуострова), но главное внимание сосредоточили на Бованенковском. Его площадь — 1200 квадратных километров, в его недрах, судя по всему, триллионы кубометров метана. И поскольку, как известно, ждать милостей от природы не приходится, было принято решение взять их у нее, в кратчайшие сроки освоить Бованенковское месторождение, пробурить здесь необходимое количество скважин, проложить вдоль Ямала полотно железной дороги и, самое главное, трубопровод о девяти — одиннадцати «нитках», чтобы уже в 1991 году по нему пошел на юг, а затем и на запад, к нашим границам и за их пределы, драгоценный дар ямальских недр.

Денег не пожалели, ассигновав «на Ямал» десятки миллиардов рублей, отрядив армию,— точнее, несколько дивизий — рабочих, развернув очередную бурную комсомольскую стройку железной дороги Обская (близ Салехарда) — Бованенково, наметив трассу будущего газопровода. Отпустили средства на выплату компенсаций за крупномасштабную порчу окружающей среды и двинулись на «полуостров сокровищ».

Двинулись решительно и бесповоротно. Одновременно — без всесторонне продуманного технико-экономического обоснования, святая святых любого современного начинания, без авторитетной экономической экспертизы, без строительства хотя бы игрушечного опытного участка той же железной дороги либо трубопровода, не посчитавшись ни с хором самых разных специалистов, ни с мнением законного (единственного!) владельца Ямала и всего, что над ним и под ним,— местной ямало-ненецкой власти.

Но, может быть, наиболее серьезным просчетом тех, кто организовал ямальский поход, стало игнорирование мнения специалистов-мерзлотоведов, чей голос по праву должен быть решающим. Влиятельные нефтегазовые ведомства никогда не раскошеливались на финансирование «опережающих» научных исследований, в первую очередь — мерзлотных, которых, очевидно, не коснулся даже пресловутый остаточный принцип...

В оформлении статьи использованы фото А. Ахломова, Б. Бабанова, Н. Зайцева, Д. Коробейникова, А. Куранова, А. Курбатова, М. Начинкина, Е. Миранского, В. Рындина, С. Субботина.

«Вечная», «многолетняя», «ледяной сфинкс», «криолитозона» — как только не называют это удивительное природное явление! Мерзлота охватывает около половины территории СССР, четверть площади всего земного шара. Ее пристально изучают, на ней научились неплохо строить (естественно, когда соблюдают незыблемые законы жизни мерзлой толщи). В Воркуте, Норильске, Магадане, Якутске еще в предвоенные и в военные годы решением непростых мерзлотных проблем занимались, в частности, лишенные всяких надежд люди, репрессированные ученые и инженеры, герои-мученики, оставшиеся безымянными. Они научились сами и научили других, главным образом строителей, сооружать на мерзлоте — и рыхлой, и скальной, и сухой, и льдистой — здания и мосты, дороги и аэродромы. Строить на мерзлоте — это значит принимать в расчет местные мерзлотные, экологические, климатические, гидрогеологические и прочие природные особенности. Строить в арктических районах — это значит следовать первейшему принципу: не позволить мерзлоте «раскиснуть», протаять, обеспечить «субстрату», то есть вечномерзлой толще, максимальную постоянную прочность. Помимо просадок (неизбежных при оттаивании мерзлоты), устойчивости здании и других сооружений могут угрожать такие мерзлотные процессы, как пучение, солифлюкция, образование наледей, морозобойное растрескивание, рост подземных льдов. Вот почему необходимо изучать динамику криогенных процессов, и природных, и спровоцированных человеком.

А с динамикой этой, похоже, ни одно из ведомств посчитаться не соизволило. Ямальская же мерзлота, по глубочайшему убеждению геокриологов, по многим своим характеристикам не имеет равной в мире и необычайно трудна для какого бы то ни было хозяйственного освоения.

Начать с того, что ее мощность превышает 450 метров, а мерзлотоведам-геологам по-настоящему известно строение лишь верхних горизонтов, до 40—50 метров, вскрытых исследовательскими скважинами. Все остальное — воистину загадочный сфинкс! Современные геофизические методы и приборы, к сожалению, не позволяют заглянуть в глубинные слои, четко показать, чем сложена мерзлая толща. А непосредственные наблюдения, возможные там, где ведется глубокое бурение, нередко приносят неожиданности. Выяснилось, например, что толщина пластов подземного льда может составить и десять, и двадцать, и сорок метров, а такие пласты тянутся под землей на сотни и даже, вероятно, тысячи метров, в какой-то момент внезапно выклиниваясь. Необходимо выяснить генезис этих льдов, их связь с трещиноватостью пород, с древними и современными тектоническими разломами. Нужно познать происхождение и законы существования так называемых криопэгов, незамерзающих, но имеющих отрицательную температуру растворов в толще вечной мерзлоты.

80—85 процентов площади того же Бованенковского месторождения приходится на заливаемые поймы бесчисленных ямальских рек, речек, ручьев. Заболоченность территории, плохое качество местного мерзлого грунта — большая пылеватость, высокая льдистость, засоленность, отсутствие щебня — невероятно затрудняют любое строительство в этом районе, особенно строительство дорог.

При прокладке магистрали Обская — Бованенково землю возили сначала откуда-то с юга, из областей, лежащих вне зоны мерзлоты, затем стали наспех сушить мерзлый грунт, добываемый на месте: сдирали верхний слой, на какой-то срок «подставляли» его под скупые лучи летнего северного солнца, давали ему перезимовать под открытым небом и пускали в дело, под насыпь, на которую торопились настелить и шпалы, и рельсы. Так были проложены первые сто семьдесят или сто девяносто километров ямальской железнодорожной трассы...

А мы по-прежнему летим по направлению к Бованенкову, и нетрудно прочитать по лицам всех сидящих на железных скамейках вертолета, что ждут они этой встречи с волнением и тревогой. Еще бы! Только вчера в Ямбурге, где проходит симпозиум, после окончания очередного дня заседаний нам продемонстрировали полулюбительский фильм, снятый «командой» одного из самых ярых защитников Ямала, кандидата географических наук Вячеслава Федоровича Лукичева, возглавляющего экологическую службу в Ямало-Ненецком окружном исполкоме. Тогда, во время сеанса, мне показалось, что иностранцы отнеслись к этой ленте как к тенденциозно смонтированному фильму ужасов. Интересно, какова будет их реакция на увиденное собственными глазами?

«Ми-8» плывет над Центральным Ямалом, и пока в поле зрения — исключительно его красоты. Доктор Марианна Стэнбек из Монреаля то и дело откидывает стекло иллюминатора, чтобы нащелкать побольше снимков. (Да не упрекнут меня в незнании строгого запрета на съемку с вертолета — так было!) Она и не подозревает, как понадобится ей пленка через каких-нибудь пятнадцать минут, как лихорадочно будет она перезаряжать аппарат, досадливо хмуриться и просить пилотов заложить еще один виражик над этим самым... Бё-ва-нэнь-коф!

Доктор Стэнбек — не мерзлотовед, она социолог, психолог, общественный деятель. Вместе с коллегой из США, молодой дамой по имени Гэйл и по фамилии Овчаренко, канадка сделала на симпозиуме доклад на тему «Влияние промышленного освоения на жизнь коренных народностей Аляски, Канады и Гренландии». Они рассказали о трудной жизни американских, канадских и датских эскимосов, об их борьбе за свои законные права со всесильными нефтяными и прочими монополиями, о роли общественного мнения, радио и телевидения в этих спорах, о намечаемом создании советско-американо-канадского Арктического агентства новостей, которое будет освещать проблемы, допустим, их Аляски и нашего, скажем, Ямала.

По жестам геологов, много лет работающих здесь, мы поняли, что подлетаем, а еще через минуту увидели Бованенково. Как назвать его — поселком, объектом, просто территорией? В центре бескрайнего болота, в которое впадают, кажется, все реки Ямала, лежат и стоят всевозможные разнокалиберные строения и «единицы техники» — буровые вышки, железные домики-бочки, похожие на железнодорожные цистерны (в них живут люди, такие бочки украшают кое-где и вполне благоустроенный Ямбург), останки некогда могучей дорожной техники, просто куски металла. Все это ржавое, полузахлебнувшееся в тундровых водах хозяйство являет собою воплощенный ужас, превосходящий даже мертвенность Зоны в «Сталкере» Тарковского, потому что с воздуха не видно ни единой души, хотя нам точно известно, что души здесь имеют место, души буровиков, строителей, водителей. То ли они привыкли к вертолетам и не устраивают ликования по поводу появления очередной машины (как это всегда водилось у таежных и тундровых жителей заброшенных глухих поселений), то ли притаились, словно им совестно показываться на́ люди — ведь не могут же они не понимать, какой рукотворный памятник эпохе ставят они сейчас на Ямале!

Все подходы-подъезды к сердцевине территории изуродованы, их, строго говоря, нет, черные следы машин сливаются в единую широченную колею, и это понятно: дважды проехать по одному и тому же маршруту в тундре невозможно, все трассы — «разовые», и чтобы не застрять в мгновенно формирующемся болоте, нужно брать правее-левее. Да, теперь по летней тундре гусеничным машинам ходить категорически запрещено, летом можно «ездить» только на вертолетах, и производственники гордятся тем, что выполняют закон. А зимой, значит, можно?

Разумеется, отвечают производственники. И ошибаются. Они не знают — как знают это географы, экологи, мерзлотоведы,— что из-за сильнейших зимних ветров обширные территории ямальской тундры остаются бесснежными, голыми. И даже зимой гусеницы могучих машин глубоко врезаются в мерзлый грунт, который летом именно на этих участках начинает интенсивно протаивать, трассы заплывают жидкой грязью. И хотя говорят, что сняши голову по волосам не плачут, но как не плакать по обреченному на гибель кустарнику! Здесь, за семидесятой параллелью, он и без того чахл, а тут еще его сминают колеса и гусеницы

машин, идущих уже без всяких дорог, напролом. Зимой вся полярная тундра становится сплошной трассой без ограничителей.

Бованенковское месторождение обустраивается, выражаясь языком производственников, всего лишь два с половиной — три года (до того здесь работали только изыскатели), а по данным аэрофотосъемки, на сегодня полностью уничтожено 38 тысяч гектаров, или четверть площади всего месторождения! И это до начала главных работ, до прокладки траншей будущего трубопровода, до подведения сюда, в Бованенково, железной дороги, до бурения необходимого количества скважин. На Ямале уже загублены миллионы гектаров оленьих пастбищ, места гнездования птиц, обиталища рыбы и зверя. Словом, уничтожается регион человеческого обитания, потому что десять (или около того) тысяч местного ненецкого и русского населения жили и живут именно оленем, дичью, рыбой. Все это будет безвозвратно отнято, как только полным ходом пойдет освоение полуострова.

Пока же это освоение временно прекращено. Формально все работы приостановлены после нескольких высоких распоряжений (правда, достаточно противоречивых и оставляющих ведомствам, при желании, немалые лазейки для хозяйственной самостоятельности). Тем не менее примерно десять тысяч буровиков и строителей с Ямала никуда не ушли. Они просто ждут сигнала к возобновлению «газовой атаки».

Мы кружим над этой ямальской «Зоной», и невольно приходит в голову: неужели все это реальность — и сама «Зона», и то, что мы над нею летаем, и, главное, как сюда попали иноземцы, можно ли было хотя бы два года назад представить себе эту диковинную картину? Сидит себе у иллюминатора доктор Джерри Браун из Национального научного фонда США и собственными глазами видит то, что творится на нашем с вами Ямале?! А потом в Ямбурге сделает великолепный доклад на тему «Нарушение и восстановление массивов вечной мерзлоты в арктической части Аляски». И не было в его выступлении ни самодовольства, ни тона превосходства, ни даже легкой критики увиденного на Ямале. А было много интересного и поучительного.

Докладчик показывал слайды, а комментарий к ним лишь подчеркивал значительность демонстрируемого. Смотрите внимательно, предлагал доктор Браун, как похожа наша аляскинская мерзлота на вашу! Она и холодная, и льдистая, и процессы вытаивания с последующими деформациями идут здесь столь же интенсивно. Вот вам образчик ландшафта, получившегося в результате разведочного бурения,— чем не ваш Ямал: сплошной термокарст, озера, образовавшиеся из-за протаивания мерзлых пород? Нет-нет, сегодня, разумеется, такого на Аляске не встретишь, это снимок — дайте взглянуть, я запамятовал,— а, это снимок 1945 года, мы тогда очень мало знали о мерзлоте, о способах освоения холодных регионов. Посмотрите еще на один снимок, он тоже сделан во время второй мировой войны, на нем — искореженная процессами вспучивания взлетно-посадочная полоса. Ныне ничего похожего не происходит, мы научились строить вполне прилично.

Дальше пошел рассказ-показ Джерри Брауна, связанный со знаменитым Трансаляскинским нефтепроводом, который протянулся на 1280 километров от залива Прюдо (Прадхо) до порта Валдис. Трубы диаметром 1200 миллиметров прокладывали семь компаний. В отличие от предполагаемого ямальского аляскинский трубопровод тщательнейшим образом проектировали, и на это ушли пять лет, а на саму стройку — два года! По требованию американских экологов инженеры внесли в проект кучу поправок, отдельные участки нефтепровода оказались передвинуты на двести — триста километров, для беспрепятственного движения огромных стад оленей карибу были сооружены специальные проходы, трубы укладывались под землю, поднимались на высоких опорах.

На Аляске строители трудились всего два холодных сезона, причем даже зимой здесь работали только машины на продолговатых катках, создающих минимальную нагрузку на грунт. Американцы начали с того, что проложили в аляскинской тундре дороги, по которым стали доставлять людей и оборудование к месту будущего строительства, строжайшим образом следя, чтобы ни машина, ни человек не делали в «открытую тундру» ни шагу! И в дальнейшем с дорог не спускали глаз, все время поддерживая полотно, подсыпая гравий, которого, слава богу, на Аляске хватает. А вот там, где его нет, сразу возникают проблемы, отметил докладчик.

Тут аудитория сразу оживилась: нам бы ваши проблемы! Ведь собственными глазами видели на Ямале, что нет там ни гравия, ни щебня, ни надежного сухого грунта, а вы нам тут нахваливаете свою «стройку века».

Однако доктор Браун невозмутимо продолжал. Он говорил о том, что в США научились, кажется, бороться с отходами. Взгляните на этот слайд, пожалуйста, видите мусор в районе строительства? Верно, не видите, поскольку его нет, все утилизовано, но если бы вы знали, коллеги, сколько это стоит! А еще дороже обходятся штрафы, их взимают за малейшее несанкционированное хозяйственное нашествие на территорию, принадлежащую другим — белым ли, черным ли, краснокожим ли, эскимосам ли... Неужели у вас не штрафуют? А почему? Это, по-моему, странно. На том же Ямале, мне кажется, можно было бы... Впрочем, увольте, увольте, это ваше, внутреннее дело, я ни в коей мере не хочу вмешиваться. Так вот, продолжаю свой рассказ о нашем нефтепроводе.

Его общая стоимость 9 миллиардов долларов, из них примерно 25 процентов выделено на нужды экологии, и получилось в общем неплохо, олени не перепугались, отнеслись к выросшему на их пути препятствию совершенно спокойно, в последние годы их поголовье даже несколько увеличилось. А что касается рекультивации территории, тут есть некоторые тонкости. Во-первых, мы стремимся избежать самой необходимости будущей рекультивации, заранее применяем уже хорошо разработанные агрометоды, способы защиты от эрозии, от солифлюкции. Во-вторых, рекультивация, на наш взгляд, нужна далеко не во всех случаях. Надо ли всегда и везде добиваться непременного возрождения былого ландшафта? Не проще ли, не выгоднее ли кое-когда спокойно смириться с формированием совершенно новой экосистемы. В основе такого подхода лежат все те же здравый смысл, экологическая необходимость и, естественно, скрупулезный расчет реальных затрат и выгод.

Было множество вопросов, но хотя речь шла об Аляске, в атмосфере симпозиума явственно витала своя, «родная» мерзлота. Ямбургские организаторы повезли нас по местным объектам. Все показывали открыто, откровенно, не пытаясь «подсунуть» липу. Мы побывали на УКПГ (установка комплексной подготовки газа), на одном из «кустов» газовых скважин, а также непосредственно на буровой — в районе Ямбурга их около 800, посетили участок железной дороги, площадку будущего аэродрома, речной порт на берегу Обской губы.

Многое расстроило. Поселок из «жилых бочек» в порту, изобилие заболоченных пространств с бурыми от масел и нефти берегами-перешейками, целые озера ядовитых стоков, образовавшихся при бурении скважин,— так называемые амбары, истинный экологический бич нефтегазовых промыслов. «Амбары» эти давным давно подлежат полной ликвидации: в той же Тюмени, по словам эксперта Госкомприроды Елены Николаевны Суминой, разработана и кое-где даже внедрена «безамбарная» технология, но в Ямбург она еще не пришла.

Железная дорога Ямбург — Надым длиною около 300 километров в основном построена. Тот ее участок, который нам показали, выглядит, на первый взгляд, вполне пристойно — аккуратная насыпь с рельсами и шпалами, кругом разбросаны рулоны геотекстиля (синтетический теплоизолирующий материал), что свидетельствует о непременном учете строителями здешней вечной мерзлоты. Однако стоит чуть наклониться, внимательнее вглядеться в убегающее к горизонту полотно, и взору предстанет эдакий волнистый рельеф, словно рельсы проложены по слегка штормящему коричневато-зеленому морю.

— В точности, как на БАМе! — бесхитростно воскликнула одна из участниц симпозиума, мерзлотовед, долго работавшая нв Дальнем Востоке, где строители откровенно пренебрегли советами и требованиями специалистов. Причем БАМ располагается в условиях не такой лютой мерзлоты, как здешняя. И уж если ту магистраль все время корежит и рвет, то что же ожидает ямбургскую трассу, в которую вложено столько средств — 500 миллионов рублей! — и труда?

Зато ямбургский аэропорт пока (трижды не сглазить!) получается приличным. Стоит финский домик, будущий аэровокзал, ровно и аккуратно уложена бетонная взлетно-посадочная полоса, способная принимать и «Ту-134», и даже как будто «Ил-86». Строительство предполагают завершить чуть ли не в 1990 году. И уж совсем повеселели участники экскурсии по Ямбургу, когда, миновав впадающую в Обскую губу речушку с незатейливым ненецким названием Нюдя-Монгото-Епоко-яха, они оказались возле карьера, на котором недавно начались рекультивационные работы.

Добыча грунта из этого карьера прекращена. На относительно пологих его откосах заложены опытные площадки, где изучаются всевозможные методы рекультивации. Тут и своеобразный нефтяной клей, и полосы, покрытые торфом, и ботанические посадки. Лучше всего повели себя высаженные в грунт лишь за месяц до нашего появления в Ямбурге черенки одного из местных видов ивы. Они не только прижились в этом, прямо скажем, не слишком «оборудованном для жизни» грунте, но и окрепли, вытянулись. По словам одного из энтузиаста-ботаника из Надыма, через сезон-другой кустики могут окончательно закрепиться на склонах и предотвратят их оползание, в противном случае — неизбежное. Вот только цифры не могут придать оптимизма: подобный карьер в Ямбурге единственный, лечения же ожидает не менее полусотни таких объектов.

Доктора геолого-минералогических наук Николай Никитич Романовский из МГУ, Станислав Евгеньевич Гречищев и Евгений Сергеевич Мельников из ВСЕГИНГЕО (Всесоюзный институт гидрогеологии и инженерной геологии), Владимир Петрович Царев из тюменского Института проблем освоения Севера СО АН СССР, доктор технических наук Игорь Константинович Растегаев из Норильска — все они, не сговариваясь, сошлись на том, что и сегодня, и в ближайшем будущем на Ямал идти нельзя ни по мерзлотно-экологическим или техническим причинам, ни по причинам нравственным, в том числе и социально-политическим, если иметь в виду интересы жителей полуострова и всего автономного округа.

На Ямале, по сути, еще даже не приступили к газодобыче, а сколько уже натворили! Стоит там начать прокладку траншей для десятка ниток трубопровода — и мы можем со стопроцентной уверенностью предсказать: на следующий сезон каждая траншея превратится в глубокий ров, а вскорости и в овраг (мы такие овраги видели и на Ямале, и на Гыдане). А пресловутые «амбары» — да разве строители сумеют справиться с ними там, если не в силах

сделать этого здесь, в «южном» Ямбурге?!

Удивительно, что в наши дни, при наличии хороших умов, добротной быстродействующей аппаратуры, никто не желает заняться элементарной арифметикой, прикинуть, например, надо ли вкладывать миллиарды рублей в железную дорогу Обская — Бованенково? Не дешевле, не надежнее ли соорудить обычные грунтовые дороги, зимники (на Севере есть хороший опыт) и непременно аэродромы, без которых все равно не обойтись? Нет, судя по всему, ни одно ведомство подобные задачи не волнуют, легче ворочать миллиардами, легче выбивать их из правительства на «большие дела», чем ассигновать на неспешные, но капитальные предварительные изыскания.

Бесспорно, заполярный газ необходим стране. Ситуация во всей топливно-энергетической отрасли складывается так, что именно газодобыча призвана гасить сбои и выправлять перекосы остальных составляющих — нефти, угля, гидро- и атомной энергетики. А из общей добычи метана в стране две трети приходится на долю Надым-Пур-Тазовского междуречья с его Уренгоем, Медвежьим, Заполярным... Богатства тех недр громадны, но, увы, исчерпаемы, нужно уже сейчас позаботиться о резерве. Главнейшим таким резервом многим почему-то видится Ямал.

Почему же? Ответ самый элементарный: там много газа, глубина залегания не слишком велика, опыт добычи есть. Нас обвиняют в варварском обращении с природой. Не спорим, в прошлом, даже совсем недавнем, такое было, грех отрицать. Однако сегодня, в обстановке, можно сказать, экологического бума, мы не хуже ученых понимаем, что нужно хозяйничать аккуратно. Летом в тундру — ни-ни! Рекультивация? Ради бога, отпустим на это любые средства, заплатим за невольно изуродованные гектары. Сколько, вы говорите, мы задолжали местным жителям за причиненные неудобства? Сто миллионов? Двести? Да возьмите все триста — и порядок! Договорились?

Нет, ни за какие триста миллионов договориться уже не удается, цифра эта поистине смехотворная — перечитайте хотя бы эпиграф к репортажу!

Всего же по ямальскому проекту, на объекты охраны природы выделяется чуть больше 2 миллиардов рублей, что равняется лишь 5 процентам от всей предполагаемой суммы капиталовложений (для Аляскинского нефтепровода, как мы помним, отчисление на экологию составило 25 процентов, и не в рублях, а во вполне конвертируемых долларах...)

На вопрос «что же делать?» специалисты отвечают предельно убедительно. Необходимо, не теряя времени, усилить разведку на газ в Надым-Пур-Тазовском междуречье, возможности которого еще далеко не исчерпаны. Огромный плюс такого варианта — уже сложившаяся зрелая инфраструктура региона: тут и благоустроенные поселки, и дороги, и великолепный аэродром в Надыме, и прочие коммуникации. Затраты на обустройство новых месторождений окажутся куда более скромными, чем в ямальском варианте. Немаловажно и то, что там, помимо метана, имеется еще и конденсат, как бы готовый бензин из недр, а еще глубже, скорее всего, залегает и нефть. Ну а уж коли очень тянет в новые районы, то на Гыдане с его более благоприятной, чем на Ямале, мерзлотой обнаружено месторождение газа объемом более двух триллионов кубометров. Сравнительно близко Ямбург с его худо-бедно развитой инфраструктурой, опять же с аэродромом, который вот-вот начнет действовать.

А Ямал, резюмировали мерзлотоведы с явственно прозвучавшим металлом в голосе, не просто труднодоступен, не только раним и может погибнуть — он еще грозен и способен постоять за себя. Возможное потепление атмосферы (обещанное климатологами) неизбежно приведет к ослаблению мерзлоты, а отсюда — к повышению угрозы аварийности скважин и трубопроводов. Вспомните о сорокаметровых пластах льда в мерзлой ямальской толще, сквозь которые с больших глубин пойдет сравнительно теплый газ, вспомните о деформациях труб и магистралей, о просадках и пучении — и вряд ли кто-либо осмелится гарантировать сегодня надежную безаварийность трубопровода, проектируемого на Ямале.

Монолитная мерзлая порода способна долгое время сопротивляться силовому напору человека и техники, чтобы потом с удесятеренной яростью ответить обидчику. Но ведь та же самая мерзлота — наше национальное достояние, и ожидаемое глобальное потепление только стократ увеличивает ценность этого природного феномена. Льды Арктики (и Антарктики) — морские, наземные, подземные вкупе с промороженным грунтом толщиной во многие сотни метров — естественный природный холодильник, позволяющий до поры до времени нейтрализовать эффект повышения температуры атмосферы. Имеем ли мы право по собственной воле широко распахнуть дверцу этого холодильника и принудительно дать ему оттаять?!

Еще одна мысль, вовсе не моя. Надо попробовать сжижать добытый из недр газ прямо на месте, чтобы не думать ни о каких трубах. В Ямбурге об этом говорилось бегло и в целом скептически. Нужна, дескать, совершенно новая технология, для сжижения метана требуется температура минус 90, сжиженный газ надо возить на специальных судах, которых, естественно, нет, да и морские подходы к Ямалу мелководны. Едва мы вернулись в Москву, «Правда» опубликовала заметку «Солярка из газа», где рассказывалось о том, что норвежцы создали в Тронхейме оригинальный химический реактор, позволяющий превращать газ в дизельное топливо. Разумеется, процесс этот пока дорог, но зато такое топливо практически избавлено от серы и не дает копоти — так ли уж мало для начала?

А вот следующее предложение — мое: необходимо развивать арктический иностранный туризм. Стоит только кинуть клич — и сюда устремятся толпы алчущих экзотики, восторженных и благодарных людей. Прошедший симпозиум служит отличным доказательством справедливости этой мысли, ибо иностранные специалисты выложили за право поездки по Тазовскому, Ямальскому и Гыданскому полуостровам кругленькую сумму и были в итоге счастливы! Наверное, всех убытков от недобытого и непроданного на Запад ямальского газа туризм не покроет, однако сбрасывать его со счетов в наше время было бы экономическим (и политическим) невежеством.

Об экономике уже в Москве пошел серьезный разговор с доктором географических наук Григорием Абрамовичем Агранатом, видным знатоком нашего и зарубежного Севера. По его

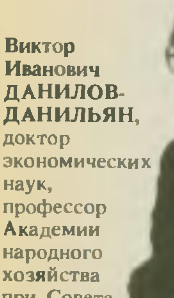
Окончание на стр. 62.

Наши лауреаты

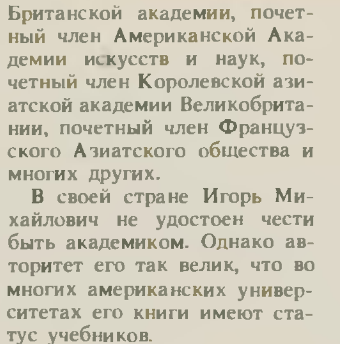
БИБИХИН В. В.— «Хайдеггер», № 10.
ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН В. И.— «О чудесах инерции и экономических структурах», № 5.
ДЬЯКОНОВ И. М.— «Все мы — люди», № 4, «Киркенесская этика», № 6.
ПОМЕРАНЦ Г. С.— «Никакая культура не одинока», № 6, «Россия на перекрестке культур», № 7.
СМИРНОВ И. В.— «История с историей», № 6.
ФРУМКИНА Р. М.— «Владимир Николаевич Сидоров», № 5.

Владимир Вениаминович БИБИХИН — филолог и философ.

Очерк о «фрейбургском мыслителе» Мартине Хайдеггере — его первая публикация в нашем журнале. Сейчас Владимир Вениаминович работает для «Знание — сила» над очерком, посвященным соотношению национального и вненационального в мироощущении личности.



Виктор Иванович ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН, доктор экономических наук, профессор Академии народного хозяйства при Совете министров СССР. По исходному образованию — математик, что наложило отпечаток на способ его осмысления экономических проблем. Впервые появился в «Клубе «Знание — сила» в 1986 году: его доклад о смысле и степени достоверности цифр в нашей экономике произвел сильное впечатление на собравшихся, а потом и на читателей. Склонен к парадоксам; трезв и осторожен в оценке возможностей быстрых и радикальных преобразований, но отстаивает свою позицию страстно и темпераментно. Все эти качества проявились в его последнем выступлении в «Клубе», которое названо в числе лучших материалов года; проявляются они и в других ближайших его публикациях, которые, как мы надеемся, понравятся нашим читателям.



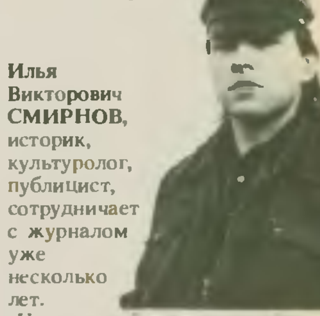
Игорь Михайлович ДЬЯКОНОВ — ученый всемирно известный. Он почетный член Британской академии, почетный член Американской Академии искусств и наук, почетный член Королевской азиатской академии Великобритании, почетный член Французского Азиатского общества и многих других.

В своей стране Игорь Михайлович не удостоен чести быть академиком. Однако авторитет его так велик, что во многих американских университетах его книги имеют статус учебников.

Редакция давно и плодотворно сотрудничает с И. М. Дьяконовым.

Григорий Соломонович ПОМЕРАНЦ — известный культуролог, философ. Окончил ИФЛИ, воевал, потом был арестован. Дважды защитивший диссертацию в период «расцвета» застоя, вечный младший научный сотрудник, он много работал над проблемами философии и культуры стран Востока, всегда связывая это с моральными и интеллектуальными исканиями российской интеллигенции XX века. Долгие годы практически не печатавшийся в нашей стране (хотя на его лекциях собиралась, как говорится, «вся Москва»), он выпустил несколько сборников статей в Европе и в Америке.

В этом номере читателю предложено первоначальное выступление Г. Померанца на его поприще диссидента в застойные времена.



Илья Викторович СМИРНОВ, историк, культуролог, публицист, сотрудничает с журналом уже несколько лет.

«Нет никакой «административно-командной системы»,— говорит он,— есть обычные, отнюдь не новые для мировой истории докапиталистические отношения — рабовладельческие, феодальные, государственно-крепостнические,— основанные на принудительном труде, привилегиях и монополиях. Пока мы не осознаем этого, мы не разберемся ни в характере нынешней революции, ни в природе противостоящего нам «нерушимого блока» сталинистов с нацистами».

Ревекка Марковна ФРУМКИНА — доктор филологических наук. «Свободомыслие — имманентное свойство науки. Ее нельзя уничтожить даже идеологическим утюгом». Эти слова из предисловия к одному «очень научному» сборнику можно поставить эпиграфом ко всем опубликованным в журнале ее воспоминаниям о своих учителях.

Л. Вишняцкий

От пользы — к выгоде

От первого грубо оббитого камня, служившего для самых разных трудовых операций, до первого жатвенного ножа с каменным лезвием прогресс полз улиткой. Понадобилось около трех миллионов лет, чтобы пройти этот путь. Но улитка передает эстафету гепарду: всего 15 тысяч лет отделяет первый серп от первых спутников, электронных компьютеров и атомных электростанций. Интересная арифметика. Констатация этого факта давно уже общее место, но дальше дело не идет. Сам факт воспринимается как что-то должное и нечто само собой разумеющееся. Однако это не так. Ведь даже если мы будем рассматривать всех без исключения гоминидных предшественников людей современного физического типа как существа ущербные, умственно и физически примитивные и потому не способные к каким-то серьезным техническим, социальным и духовным достижениям, то и тогда все равно придется найти причины в столь неравномерном развитии. Попробуем поискать эти причины.

Ум — двигатель прогресса?

> *Каждый новый шаг в усовершенствовании орудий труда требует новых усилий человеческого ума... Значит, ум есть главный двигатель исторического прогресса...*
> *Нет ничего естественнее такого замечания, но это не мешает ему быть неосновательным.*
>
> Г. Плеханов,
> «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»

Первый ответ, который приходит в голову, — это удивительно медленное накопление знаний в первобытности, информации об окружающем мире и о способах наилучшего приспособления.

Так, кажется, подсказывает сам здравый смысл. Кроме того, за этим объяснением стоит солидная традиция, восходящая, по крайней мере, к античности. В прошлом веке так примерно думали теоретики эволюционизма Л. Морган, Э. Тейлор и другие. Они полагали, что развитие ума, интеллекта — главная и все объясняющая причина развития культуры. Сейчас достаточно популярна несколько модернизированная версия этой гипотезы, согласно которой в качестве перводвигателя прогресса предполагается не само по себе развитие ума как способности мыслить, изобретать новое, а увеличение количества знаний, постепенное постижение природы и освоение все новых и новых способов воздействия на нее в своих целях. Переход к производящему хозяйству, например, иногда рассматривают просто как следствие «открытия» земледелия и скотоводства, изобретения способов культивации полезных растений и разведения в неволе полезных животных. Попробуем разобраться, однако, можно ли считать накопление знаний фактором определяющим и, более того, движущим культурное развитие первобытного общества.

Никто не сомневается в том, что в своей деятельности люди должны обладать соответствующими знаниями. Знание — необходимое условие прогресса. Но можно ли считать его, кроме того, еще и достаточным условием? Вот вопрос.

Известно, что члены групп, живущих охотой и собирательством, великолепно знают природные условия своего местообитания. Они прекрасно ориентируются в привычном ландшафте, без труда находят нужные для изготовления тех или иных вещей материалы, сохраняют в памяти и передают из поколения в поколение огромное количество информации о повадках обитающих на их территории животных и о свойствах произрастающих там же трав, кустарников и деревьев. Можно считать вполне установленным тот факт, что многие группы охотников-собирателей, живя бок о бок с земледельцами и скотоводами, были хорошо знакомы и с земледелием и скотоводством. Однако это вовсе не повлекло за собой немедленного перехода от охоты к скотоводству, от собирательства — к земледелию.

Исследователи, которые занимаются изучением жизни групп охотников-собирателей, сохранившихся до нашего времени, подтверждают это. Заимствование, считают они, носит сугубо избирательный характер — перенимается лишь то, что легко вписывается в традиционный образ жизни, не нарушает его и не требует коренной перестройки. Скажем, заимствуются орудия, делающие более эффективной охоту.

Например, в Южной Африке, судя по археологическим данным, бушмены соседствовали со скотоводами-готтентотами уже, по крайней мере, с начала нашей эры и, следовательно, не менее двух тысячелетий имели под боком «наглядное пособие» по изучению производящего хозяйства. И что же? Лишь в нашем столетии стали они переходить от привычного существования за счет охоты и собирательства к новым для них формам жизнеобеспечения. И делают это лишь под давлением суровой необходимости — в условиях быстро скудеющей природы. Точно так же — в условиях экологического кризиса присваивающего хозяйства — вынуждены были перейти (или переходят сейчас) к новым формам ведения хозяйства и многие другие охотничье-собирательские общества, жившие до того в весьма долгом соседстве и в контакте с земледельцами и скотоводами (добо в Восточной Африке, аэта на Филиппинах, амаумака в Южной Америке и т. д.).

Есть основания полагать, что охотники-собиратели знали о возможности и конкретных приемах культивации растений и разведения животных в неволе в глубокой древности, когда присваивающее хозяйство еще безраздельно господствовало на всех континентах. Когда именно человек стал осваивать и накапливать соответствующую информацию, точно сказать невозможно, но один тот факт, что становление производящего хозяйства совершилось независимо по меньшей мере в четырех — Западная Азия, Юго-Восточная Азия, Мексика, Перуанские Анды, — а скорее, в шести-семи регионах, говорит о том, что необходимые для этого знания были распространены в охотничье-собирательских обществах, но до поры до времени не находили применения.

В предыдущей статье* я мельком упоминал о своего рода «забегании вперед», о феномене, который случался в развитии культуры, когда, например, в недрах весьма архаичных и консервативных традиций вдруг резко, без какой бы то ни было видимой связи с предшествовавшей эволюцией орудий появлялись элементы, которые, просуществовав какое-то время, затем также быстро и бесследно исчезали, чтобы появиться вновь уже через тысячи и даже десятки тысяч лет. Например, в палеолите средиземноморской зоны археологи выделили такое явление и назвали его «преориньяк».

Сходная, но, пожалуй, еще более яркая картина предстает перед исследователями Южной Африки. Так же, как и в Средиземноморье, ранние культурные новации здесь не закрепились прочно и надолго, но через несколько десятков тысяч лет после их исчезновения вновь возникли и лишь тогда распространились на значительной части Африканского континента.

Само существование такого феномена свидетельствует о том, что при необходимости набор средств жизнеобеспечения мог быть существенно изменен в короткий срок. Иными словами, культурный потенциал — потенциал знания и умения первобытных людей — был гораздо больше, чем это следовало из его реализации. Может быть, благодаря этому общества обладали бо́льшим запасом прочности?

Вот и получается, что перед лицом этнографических и археологических фактов приходится отвергнуть идею, что знания и развитие интеллекта являются движущей силой развития культуры. Это, безусловно, необходимое условие, но явно недостаточное. Первобытные люди, оказывается, вовсе не стремились к реализации всех своих возможностей. Для развития культуры, по меткому замечанию американского археолога М. Коуина, человек нуждается не столько в знаниях, сколько в мотивации и стимуле претворения в жизнь культурного потенциала.

Но разве сама жизнь первобытных людей, полная, как мы привыкли думать, тягот, лишений и опасностей, не давала им ежедневно и ежечасно такой стимул?

* «Знание — сила», 1990 год, № 3.

Золотой век и политэкономия

Для цивилизованных людей предшественники олицетворяли собой либо недостижимые идеалы, либо преодоленные несовершенства

Л. Клейн.
«История до истории» (рукопись)

Следуя расхожим представлениям о жалком, полуголодном существовании первобытных людей, действительно, можно думать, что само это существование подталкивало людей к культурным и социальным новациям. Так и считают, в частности, авторы ряда учебников по политэкономии и многие их коллеги. Однако доисторическое прошлое далеко не всегда и не всеми мыслилось как время лишений и бедствий.

В прежнее время людей племена
на земле обитали,
горестей тяжких не зная, не зная
ни трудной работы,
ни вредоносных болезней, погибель
несущих для смертных... —

пишет Гесиод в «Работах и днях» (перевод В. В. Вересаева) о беззаботном существовании в далеком прошлом. Это прошлое предстает в мифах как золотой век. Представления древних греков о сменяющих друг друга и все более удаляющихся от идеала веках, в том числе и об исходном, золотом, находят аналогии в индийской мифологии (Крита-юга — золотой век), в Ветхом завете («Книга пророка Даниила», 2, 31—45), в шумерских текстах, в вавилонской космогонии, в зороастризме и т. д. Даже эсхатологические доктрины, обещающие спасение в будущем, часто рисуют это будущее как обретение некогда утерянного блаженства, возвращение из земной юдоли в рай, откуда за грехи были изгнаны прародители.

Идеализировали первобытное прошлое и в средние века (чего стоит один только монолог Дон Кихота, который он произносит перед пастухами после того, как «предложенные ему желуди навели его на мысль о золотом веке»), и в новое время (вспомним, например, образ «благородного дикаря», который живописали в своих трудах просветители Руссо, Дидро, Гердер...). И все-таки начинает преобладать иная тенденция. Утопии перемещаются сначала из недостижимого прошлого в настоящее («Утопия», «Новая Атлантида», «Город Солнца» и т. д.), а затем — в будущее, достижение которого осознается как цель. Пессимизм и фатализм древнего и средневекового мира уступают место оптимизму эпохи ранних буржуазных революций, а он сменяется безоглядной самоуверенностью социалистических учений, порождаемых модным капитализмом. По мере же того как перспективы рисуются все более радужными, первобытность тускнеет и становится все менее и менее привлекательной.

В постоянной борьбе с угрозой голода и голодной смерти, с хищными животными и со множеством других напастей первобытному человеку, согласно распространившейся точке зрения, не остается ничего иного, как совершенствовать свои орудия, изобретать все более надежные средства защиты от холода и зверей, словом, развивать культуру. Таким образом, стимулом прогресса в доклассовом обществе мыслится, говоря языком учебника политэкономии, необходимость разрешения противоречия между жизненными потребностями и низким уровнем развития производительных сил. Именно такое понимание вопроса — назовем его политэкономическим — и можно считать преобладающим. Логично. Однако есть одно обстоятельство, которое мешает полностью с этим согласиться. Это обстоятельство — факты.

И этнография, и археология накопили к настоящему времени массу данных, из которых следует, что присваивающее хозяйство — охота, собирательство и рыболовство — часто обеспечивают даже более стабильное существование, чем ранние формы земледелия.

Об этом пишут путешественники прошлого века, например, наблюдавшие жизнь австралийских аборигенов. Застав общества, еще не затронутые цивилизацией, существующие в своей привычной, естественной среде, такие исследователи, как Э. Эйр, Дж. Грэй и другие, свидетельствовали об изобилии, царящем «в хижинах туземцев». К похожим выводам склонялись и авторы, описывавшие в конце прошлого века жизнь охотников-собирателей Малакки (Р. Мартэн), Южной Африки (Г. Стоу), Андаманских островов (Э. Ман) и т. д. Обобщение такого рода фактов уже в начале нашего столетия привело польского этнографа Л. Кшивицкого к заключению, что «при нормальных условиях в распоряжении первобытного человека пищи более чем достаточно». Исследования последних десятилетий не только подтверждают это положение, но и конкретизируют его с помощью сравнений, статистики, измерений.

Балансирование на грани голодной смерти тех, кто вел присваивающее хозяйство, — не характерная, а, напротив, довольно редкая ситуация. Голод для них не норма, а исключение. Это во-первых. Во-вторых, качество питания членов таких групп, как правило, удовлетворяет требованиям самых строгих современных диетологов. Идет ли речь о бушменах пустыни Калахари, о пигмеях из джунглей Центральной Африки или об эскимосах арктических побережий, их традиционная пища, как показывают специальные исследования, высококалорийна и содержит все необходимые для организма компоненты (на Севере, где рацион ограничен в основном рыбой и мясом, а зелени почти нет, этот недостаток «ассортимента» компенсируется благодаря особому приготовлению пищи). Наконец, в-третьих, присваивающая экономика эффективна не только в том смысле, что она вполне обеспечивает первобытных людей всем необходимым для жизни, но также и в том, что достигается это за счет весьма скромных физических усилий. Подсчитано, что в среднем «рабочий день» охотников-собирателей составляет от трех до пяти часов, и этого, оказывается, вполне достаточно. Притом, как правило, дети не принимают непосредственного участия в хозяйственной деятельности, да и взрослые, особенно мужчины, могут себе позволить отвлечься на день-другой от «прозы будней» и заняться делами более «возвышенными».

По сравнению с ранними земледельцами, с людьми, осваивающими азы производящего хозяйства, охотники-собиратели во всех отношениях находятся в гораздо более выигрышном положении. Земледельцы больше зависят от капризов природы, так как их экономика не столь гибка, они, по сути, привязаны к одному месту и к весьма ограниченному кругу ресурсов. Рацион их однообразней и в целом беднее. И, конечно, по сравнению с охотой и собирательством хозяйство земледельцев более трудоемко — поля требуют постоянной заботы и ухода. Кроме того, по мнению большинства ученых, земледельческо-скотоводческие поселения, многолюдные и скученные, были в гораздо большей степени, чем стойбища охотников, живших обычно небольшими группами по двадцать пять — пятьдесят человек, подвержены инфекциям. Понятно теперь, почему охотники-собиратели совсем не торопились начать жизнь по образу и подобию своих соседей земледельцев. Видимо, плату за прогресс они находили слишком высокой, да и сам прогресс сомнительным.

И вот оказывается, что политэкономическое объяснение развития культуры и общества в первобытности пребывает в некотором отрыве от реальности. Схема, «спущенная сверху», то есть из исторической эпохи в доисторическую, не срабатывает.

Нельзя использовать и Марксову политэкономию как универсальную отмычку, ибо она предназначена для исследования вполне определенных фаз общественного развития. И получится, что невозможно выйти за пределы банальной тавтологии: культура развивалась потому, что росли потребности, а потребности росли потому, что развивалась культура. Я думаю, что мы просто обречены на это до тех пор, пока не отважимся признать, что побудительные причины прогресса в первобытности могли лежать вне общества, вне культуры, что одними внутренними противоречиями ничего не объяснишь, ибо нуждается в объяснении прежде всего появление самих этих противоречий.

Под знаком пользы

Когда в процессе развития мира возникла жизнь, вместе с нею возникли как новые качества категории пользы и вреда. В мире неорганическом ни пользы, ни вреда нет...

А. Серебровский.
«Некоторые проблемы органической эволюции»

Культура возникла как средство адаптации к природе. Культурная адаптация в отличие от биологической происходит путем искусственного (намеренного), а не естественного отбора, за счет осознанных действий, однако направляется этот отбор с самого начала факторами естественными, природными. Элементарные формы культурной адаптации появляются уже в животном мире, но лишь для человека культура становится второй средой обитания, к которой, как и к естественной среде, приходится приспосабливаться.

До тех пор, пока культура существует лишь в том качестве, в каком она возникла, то есть как средство сознательной адаптации к среде, она развивается лишь постольку и лишь настолько, поскольку и насколько этого требует среда, не меньше, но и не больше. Подобно тому как в генофонде каждого вида пребывает до поры до времени в скрытом, рецессивном состоянии огромный запас нереализуемых признаков, образуя резерв прочности на случай возможных изменений биологической конъюнктуры, так и в культуре претворяется в жизнь не все то, что могло бы быть претворено потенциально, а лишь то, что необходимо в данный момент. Изменяются условия существования — изменится и направление отбора: естественный вызовет к жизни потаенную доселе часть генофонда, а искусственный выберет из культурного потенциала элементы, полезные в новой ситуации, а ранее пребывавшие втуне.

Таким образом, будучи по сути небиологическим, как бы надприродным явлением, культура тем не менее развивается длительное время сначала именно по природным, естественным законам, так, как будто это процесс биологический. Пока же культура развивалась по законам органического мира, то есть под знаком пользы, как и весь этот мир, то, несмотря на сознательность отбора, неосознанной целью носителей культуры было сохранение status quo, а изменения происходили лишь под давлением жестокой необходимости. И потому можно сказать, что первобытность была просто обречена на за-

стой, ибо культура еще не имела, не выработала) собственного внутреннего механизма движения, то есть была не способна к саморазвитию.

Пока культура существовала лишь как средство адаптации к природе, изменения в ней могли быть вызваны только нарушением состояния равновесия между обществом и средой его обитания, то есть либо независимыми от человека изменениями этой среды, либо ростом населения, когда людей становилось больше, чем при данном способе хозяйствования можно прокормить в этих природных условиях. Такие кризисные ситуации разрешить можно было, или избавившись от лишнего, или изменив способ ведения хозяйства. Например, судя по археологическим данным, резкие изменения в культуре людей каменного века в Южной Африке совпадают по времени с изменением климата в этом регионе, повлекшим перемены в растительном и животном мире. Но большинство археологических примеров такого рода можно поставить под сомнение, так как на ископаемых материалах очень трудно доказать синхронность событий, для которых предполагается причинная связь. Однако существует и масса этнографических данных, подтверждающих зависимость культурных новаций в первобытных обществах от нарушений экологического равновесия между человеком и природой.

Таким образом, прогресс в первобытности немыслим вне кризисных ситуаций, но при этом следует иметь в виду, что и в таких ситуациях новации являлись лишь средством восстановления пошатнувшегося равновесия между человеком и природой, а то, что мы называем прогрессом (то есть усложнение культуры и общества, обогащение их новыми элементами), было не более чем побочным эффектом адаптации к изменившимся условиям существования. Иными словами, изменяя и обогащая свою культуру, первобытное общество стремилось не приобрести новое, а лишь вернуть утраченное или отвратить угрозу утрат — сохранить свое положение в биоценозе.

Рост населения и природные катаклизмы в равной мере были «поставщиками» кризисных ситуаций в доисторическом прошлом, но при низкой плотности заселения выход из кризиса был возможен даже благодаря одной лишь миграции. Напротив, при отсутствии свободной территории оставалось одно — интенсивнее хозяйничать. Поскольку изменения климатических и природных условий происходят непостоянно, время от времени, а рост населения — процесс направленный, постоянный, то именно его можно рассматривать как основную побудительную причину развития культуры в первобытности. Такой подход иногда квалифицируют как демографический детерминизм, но я думаю, что правильней было бы называть его демографическим или демографо-экологическим деизмом, поскольку подразумевается, что рост населения и природные изменения давали лишь исходный толчок, импульс для развития культуры и общества, сообщая процессам адаптации начальную энергию.

Идея об определяющей роли роста населения в развитии культуры далеко не нова. Уже в XVIII — XIX веках она высказывалась такими учеными, как Аделунг, Вико, Кондорсе, Мальтус, и другими. Но и сейчас этнографы, прекрасно знающие фактический материал и прямо отвергающие политэкономические объяснения прогресса в первобытности, не решаются все же признать, что только внешние, природно-демографические импульсы могли вызывать сколько-нибудь серьезные сдвиги в культуре первобытного общества. Возможно, в нашем сознании живет ярлык «мальтузианства» — теории, как утверждается в философских словарях, антинаучной и чуть ли не человеконенавистнической,— но, право же, не так страшен Мальтус, как его у нас малюют, и теория его по крайней мере в применении к доклассовому обществу, заслуживает реабилитации. Думаю, что ничего равноценного демографо-экологическому объяснению прогресса в первобытности предложено пока не было, как не была, кстати, доказана и ущербность этого объяснения теми, кого оно не удовлетворяет. Но если эту идею принять за ответ на первую часть занимающего нас вопроса, то остается еще вторая: почему с определенного момента развитие культуры резко ускорилось?

Под знаком выгоды

Если такое естественное состояние человеческого общества возможно и оно в основе своей оказывается счастливым, хотя и примитивным... то какие же силы побуждают людей оставить его и вступить на трудный путь прогресса?

И. Кант,
«Идея всеобщей истории во всемирно гражданском плане»

Низкая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня; богатство, еще раз богатство и трижды богатство... было ее единственной определяющей целью

Ф. Энгельс,
«Происхождение семьи, частной собственности и государства»

Крупные изменения природной среды, происходившие на рубеже плейстоцена (ледниковья) и голоцена (современного межледниковья), примерно десять — пятнадцать тысяч лет назад, застали человечество в принципиально новой для него ситуации. Во-первых, к этому времени границы ойкумены уже приобрели практически свои нынешние очертания, то есть весь земной шар был освоен и заселен. Во-вторых, присваивающее хозяйство достигло своего максимального уровня, и на пути его дальнейшего развития встала естественная ограниченность ресурсов дикой природы. Таким образом, очевидно, в какой-то очередной раз нарушенное в ряде регионов состояние экологического равновесия уже не могло быть восстановлено традиционным путем — путем миграций или совершенствования присваивающего хозяйства. Из такой кризисной ситуации требовался новый выход. Им стал переход к производящему хозяйству.

Как уже говорилось, производящее хозяйство вовсе не обеспечивало людям более сытное и спокойное существование по сравнению с присваивающим, и в этом смысле говорить о прогрессе вряд ли приходится. Пожалуй, единственным его преимуществом была возможность иметь гораздо более высокую плотность населения.

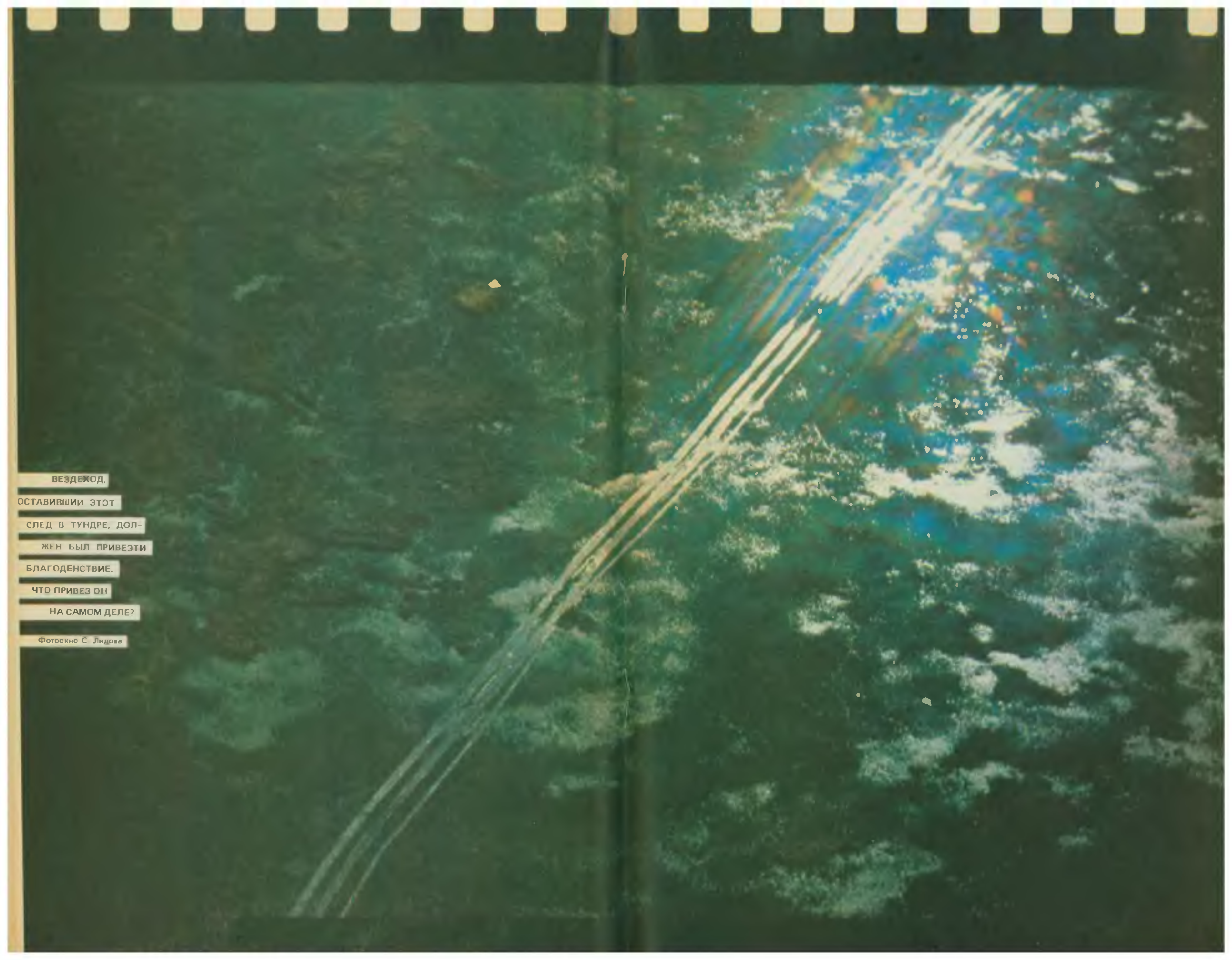
В условиях, все время усложняющихся — отсутствия свободных, не занятых соседями-конкурентами земель, с одной стороны, и истощающейся естественной среды обитания — с другой,— лишь производящее хозяйство давало гарантию выживания в будущем. Требовался не потенциальный (в виде знания и т. д.) запас прочности, как раньше, а сугубо материальный, необходимы становились излишки продуктов, которые можно было бы хранить и использовать в случае, скажем, неурожая, засухи, падежа скота. Так сложились предпосылки для возникновения того, что через много тысяч лет назовут «прибавочным продуктом» и что, в корне изменив психологию и саму природу человека, откроет дорогу «истории», отделив ее от «доистории».

Известно, что при некоторых условиях создание прибавочного продукта возможно и при присваивающей экономике. Например, известны общества охотников на морского зверя и рыболовов, которые вынуждены копить излишки продукции, составлять запасы. И они это делают. Это фиксируется и этнографами, и археологами как имущественное неравенство, социальное расслоение, иногда — элементы эксплуатации. Однако ясно, что при присваивающем хозяйстве прибавочный продукт и порождаемые им социальные явления ограничены даже при самой щедрой природе. Именно поэтому, по словам К. Маркса, «народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством, находятся вне того пункта, откуда начинается действительное развитие».

Пункт, откуда начинается «действительное развитие»,— это возникновение производящего хозяйства, поскольку оно в значительной мере снимает природные ограничения с роста производства и ведет к наращиванию прибавочного продукта. Изменяются «идеалы», жизненные устремления людей. На смену «пользе» как принципу существования приходит «выгода». «Отнимите у австралийца его бумеранг, сделайте его земледельцем, и он по необходимости изменит весь свой образ жизни, все свои привычки, весь свой образ мыслей, всю свою «природу»,— говорил Плеханов.

Именно с того времени, когда начинается намеренное производство прибавочного продукта и как неизбежное следствие этого — его перераспределение, когда соображения выгоды становятся доминирующими в деятельности людей, именно с этого времени возникает стимул, меняющий принципиально культуру и ее носителей. Она, культура, перестает теперь быть только средством адаптации к природе, приобретая самодовлеющую ценность. Она становится для человека, конкретного, отдельно взятого, не просто второй, но главной, определяющей всю его деятельность средой обитания, а ее развитие превращается в саморазвитие. Вырабатывается механизм самодвижения культуры и общества. И вступают в силу политэкономические законы. Скорость развития резко возрастает.

Конечно, и в историческую эпоху, в том числе в современном мире, случалось, когда по тем или иным причинам действие основного стимула развития — выгоды — вытеснялось из жизни общества или же оказывалось сильно ограниченным. В таких случаях в обществе брали верх консервативные, то есть направленные к сохранению status quo, тенденции, оно утрачивало динамизм, и имеющиеся возможности, сколь бы ни были они богаты, не реализовывались. Примеров таких рецидивов немало, но не стоит преувеличивать их значение. Они — не более чем исключения. Это не самые неизбежные отклонения и зигзаги, через которые в конечном счете прокладывает себе дорогу историческая закономерность. Закономерность эту трудно выявить, отменить же — невозможно вообще ●



ВЕЗДЕХОД,
ОСТАВИВШИЙ ЭТОТ
СЛЕД В ТУНДРЕ, ДОЛ-
ЖЕН БЫЛ ПРИВЕЗТИ
БЛАГОДЕНСТВИЕ.
ЧТО ПРИВЕЗ ОН
НА САМОМ ДЕЛЕ?

Фотоокно С. Лидова

В. Эбенстайн

Демократический социализм

В опубликованном в предыдущем номере отрывке из книги В. Эбенстайна фашизм определяется как реальный итог и теоретическая неизбежность тоталитарной концепции государства. «Но там, где демократия сильна, не труслива и готова принять перемены, фашизм не очень опасен», — замечает автор. О демократическом социализме как альтернативе тоталитаризма — публикация этого номера.

Капитализм во всех сторонах жизни создал свой собственный образ: развитие науки, прагматизм в философии, индивидуализм в политике, умаление военных перед штатскими, космополитизм, пересмотр прежних обычаев. Но создал и новые проблемы. Вследствие перемен в технологии, финансах и управлении появилась экономическая система, где огромные предприятия поглощают прежнего владельца, труженика и организатора в одном лице. Труд стал коллективным, а собственность осталась частной.

Дух риска, свойственный индивидуальному предпринимателю, вытесняется бюрократической рутиной и стремлением к безопасности, характерным для любой крупной организации, частной или общественной. Независимые хозяева заменяются чиновниками и исполнителями.

Идея частной собственности теряет первоначальный импульс. Крестьянин мог драться и умирать за свой клочок земли, ремесленник — за свою мастерскую, но владелец нескольких акций крупной компании вряд ли проявит такой энтузиазм. Связь его с компанией лишь в том, что он периодически получает дивиденды. Недаром решения здесь принимаются большинством до 99 процентов. Это больше походит на голосование в авторитарных странах, чем в свободных, где большинство обычно 55—60 процентов.

Преуспевая, капитализм все больше разрушает свой первоначальный характер, «социализируя» общество. Первыми коллективистами были не критики капитала, а самые удачливые предприниматели — Карнеги, Рокфеллер, Форд — создатели индустриальных империй. Любая империя склонна сглаживать различия, следовать рутине, пренебрегать индивидуальными особенностями ради генеральных правил и, прежде всего, вводить стандартизированное безличное администрирование. Психологически крупное капиталистическое предприятие меньше отличается от крупного социалистического, чем от мелкого капиталистического. Вдобавок капитализм создал идеологическое оружие против себя же. Рационализм и прагматизм помогли ему победить, но тот же дух критического рационализма не смирился с идеей частной собственности. Безработица же уничтожила веру в то, что капитализм обеспечит всеобщее благоденствие.*

В XVIII—XIX веках политическая свобода и экономическая независимость находились в равновесии. Но всеобщее избирательное право, отмена ограничений, связанных с полом, возрастом, религией, расой и классом, подчеркивают все растущее противоречие между политической свободой и экономической зависимостью.

Дело в том, что демократическое правительство подотчетно народу. Народ — «босс», правительство — агент. А в экономической сфере догма «laisser fair» — невмешательство государства в экономику — привела к нарушению демократии. Капиталист обладает огромной властью над своими служащими и прочим народом и ни перед кем не отвечает, хотя жизнь народа зависит от принимаемых им экономических решений.

Современная индустриальная организация иерархична, зиждется на дисциплине, организационно она ближе к армии, чем к парламенту. (Впрочем, недавно благодаря коллективным договорам и силе рабочего движения это положение стало меняться.)

За подобный «индустриальный абсолютизм» в рамках политической свободы капитализм и критикуют, стремясь восстановить равновесие между политической и экономической свободой, чтобы первая не погибла.

Несоциалисты верят в законы против монополий, социалисты — в необходимость более радикальных перемен, в обобществление хотя бы основных отраслей промышленности.

Социализм не вторгается в цитадель капитализма извне. Он — дитя самого капитала. Их борьба — семейное дело. Социализм не отделим от промышленной революции. Без передовой индустрии и городских рабочих социализма бы не было. Промышленная революция отделила человека от орудий труда: во-первых, независимого ремесленника заменил собственник, дающий работу тысячам неимущих; во-вторых, по мере прогресса количество таких собственников уменьшается; в-третьих, все больше первоначального капитала требуется для того, чтоб организовать производство; в-четвертых, концентрации капитала сопутствует концентрация контроля над капиталом — все меньшее число людей контролирует все большие богатства. В сравнительно отсталых странах социализм означает не столько национализацию средств производства, сколько строительство индустрии на основе коллективной собственности, так как это строительство по силам только государству. (Даже в Англии в 1945 году национализировали промышленность не ради догмы о превосходстве социализма, а потому что полагали, что послевоенное восстановление частному капиталу не удастся. То же произошло и в США с развитием атомной энергии.)

Марксизм-коммунизм стремится опрокинуть капитализм путем революции и диктатуры пролетариата. Эволюционный, демократический социализм хочет прийти к власти на выборах, не нарушая конституции, сохранить демократию и подчинить себя воле народа. Революционный коммунизм предполагает внезапный и полный переход к общественной собственности, без выкупа, ибо частная собственность считается уворованной у народа в результате эксплуатации. Демократический социализм не торопится, не желает унижать побежденных, доводя их до крайности. Диктатура ликвидирует противников, демократия стремится перетянуть их на свою сторону.

Демократический социализм не следует догмам ради догм, но пытается на практике доказать свое право на национализацию, от которой общество выиграет. Он также считает, что права граждан нельзя нарушать, и частную собственность следует выкупить (как ни важна общественная собственность, но уважение прав, включая право собственности, — основа демократии).

Если уподобить экономику корзине с яйцами, то коммунизм сжигает корзину и делает яичницу из всех яиц сразу, а демократический социализм сохраняет корзинку и жарит яйца понемножку, памятуя совет Аристотеля: «Об угощении лучше судить гостю, а не повару».

Цель одна — общественная собственность на средства производства. Но есть два основных различия:

1. Коммунизм догматически настаивает на обобществлении всех форм собственности, кроме сугубо личной, а социалисты не признают прирожденного превосходства общественной собственности над частной. В одном случае причиной для обобществления может быть естественная монополия (газ, вода, телефон), в другом — трудное положение важной отрасли хозяйства, в третьем — то, что крайне важную отрасль рискованно оставлять в частных руках.

2. Для социалистов свобода личности дороже всего. Они готовы подождать с обобществлением, пока не убедят сограждан в том, что капитализм неэффективен и несправедлив.

Коммунисты считают, что ждать и убеждать бесполезно, ибо средства информации в руках капиталистов, свобода печати нереальна, так как, чтобы основать газету, нужны миллионы. Любое капиталистическое государство — диктатура буржуазии, будь то демократия или открытая диктатура. Демократические социалисты проводят резкую грань: фашистскую диктатуру нельзя изменить мирным путем, а демократию можно. Они надеются на то, что капиталист-демократ тоже ценит свободу выше всего.

Там, где демократия не укрепилась, коммунистический путь более естествен и переход России от автократии царизма к диктатуре пролетариата столь же понятен, как переход в Англии от либерального капитализма к либеральному социализму.

Но большинство стран находится посреди двух крайностей — не созрели полностью для демократии, но и не являются совершенно неподготовленными. И стремление к всемирной революции противоречит доктрине Маркса. Он учил, что бытие определяет сознание, и, следовательно, социальные перемены зависят от условий общества. И если эти условия допускают мирный переход к

* В. Эбенстайн подразумевает «классический» капитализм. (*Примечание переводчика*)

социализму, то насилие и революционный переворот не нужны. Подробно Маркс не разбирал соотношения политического сознания с условиями жизни, но мимоходом заметил о возможности мирного пути для Англии и США. Однако последователи Маркса оказались догматиками, провозгласив революцию, независимо от исторических, культурных, экономических и политических условий.

Впрочем, сторонники частного предпринимательства, желающие распространить его на весь мир, тоже нарушают здравый смысл и исторический опыт, ибо формы контролируемой экономики распространяются все больше.

Высшая ценность демократии — свобода, а не собственность. Если свобода гарантирована, экономика — независимо от того, меньше или больше частной собственности в стране,— наладится сама собой, без войн и водородных бомб.

У демократических социалистов нет авторитетной доктрины, принятой всеми ими, нет социалистической Библии, вроде «Манифеста Коммунистической партии», но писали о социализме многие.

Самый видный теоретик демократического социализма — Карл Каутский (1854—1938), уроженец Праги. После смерти Энгельса он стал властителем дум 2-го Интернационала, был противником мировой войны. Революция в России вызвала множество работ Каутского: «Диктатура пролетариата», «От демократии к государственному рабству» и другие. Он всегда был ортодоксальным марксистом, но отверг революцию и диктатуру пролетариата, вызвав горячую ненависть коммунистов.

В книге «Терроризм и коммунизм» (1919) Каутский пишет, что «первородный грех большевизма — подавление демократии диктатурой, которая бессмысленна, если у нее нет безграничной власти одного лица или нескольких. Начать диктатуру не труднее, чем начать войну, если государство у тебя под контролем. Но если подобный шаг сделан, трудно удержаться от дальнейших. Придется выбирать между триумфом и катастрофой». В итоге — или демократия, или гражданская война. «Там, где социализм невозможно установить на демократической основе и где большинство народа его отвергает, время его еще не пришло».

Каутский напоминает, что полная демократия — не форма господства буржуазии, так как буржуазия первоначально была против всеобщего избирательного права и добились его именно рабочие. Рабочим и предстоит это право использовать, «превратить классовую борьбу из рукопашной в битву умов, где обе стороны находятся на одном интеллектуальном и моральном уровне».

Последняя книга Каутского «Социал-демократия против коммунизма» — сборник эссе, написанных в тридцатые годы. Он говорит, что «демократия — кратчайший, вернейший и наименее дорогой путь к социализму». Сравнивает компартии с военными организациями: они не избирают своих лидеров и свои методы, но получают приказы из своего генерального штаба — Москвы. Расколом рабочего движения они парализовали сопротивление демократии и открыли путь фашизму. Но Каутский не учел вдобавок политической отсталости Германии, где социал-демократам пришлось одновременно насаждать демократию и в политике, и в экономике, что оказалось им не по силам. А там, где демократическим социалистам незачем бороться с уже существующей демократией в политике, им остается только перенести ее из политики в экономику — Англия, Скандинавия,— что гораздо легче.

Англия, первой начав промышленную революцию и создав рабочий класс, оказалась первой и в развитии проблем социализма. Основатель английского социализма Роберт Оуэн (1771—1858) построил свою программу не на классовой войне, а на кооперации. Не доверяя в экономике государству, он надеялся на добровольные ассоциации, основанные на взаимопомощи.

В начале XVIII века появились первые кооперативы, затем профсоюзы, и отсюда вышла вера Оуэна.

Английские и французские социалисты с самого начала были против государства. Общество для них — символ свободы, а государство — продукт силы. Теперешние социалисты принимают неизбежность государства, так как структура промышленности изменилась. Профсоюзы не в состоянии управлять огромной корпорацией. Крупный капитализм таким образом уничтожает не только мелких предпринимателей, но и кооперативный социализм.

Учение Маркса не привилось в Англии, хоть он прожил в ней тридцать четыре года. Вскоре после его смерти было основано Фабианское общество (1884), названное в честь Фабия Кунктатора («Медлителя»), римского полководца, который боролся с Ганнибалом, уклоняясь от решительного боя. Девиз фабианцев: «Жди, как Фабий, подходящего момента, но когда он придет, бей с силой, иначе ожидание окажется бесплодным». Не было общества более немарксистского. Под руководством Сиднея и Беатрисы Уэбб, Бернарда Шоу, Герберта Уэллса фабианцы принялись обращать правящие классы (в социализм) в социалистическую веру.

«Фабианские опыты» (1889) вдохновляли английских социалистов. С. Уэбб подчеркнул, что английский социализм — «лишь осознанное объявление принципов, уже большей частью принятых бессознательно». Фабианцы посвятили себя «проникновению» в ряды высших чиновников, специалистов, инженеров, политиков, предоставив пропаганду в массах другим. Старались обосновать социализм не на эмоциях, а на фактах. Для них характерен невероятный практицизм, абстрактной теорией они не занимались, «всегда совали нос в сточные канавы», стараясь немедленно исцелить отдельные язвы общества. Они полагали, что человека можно убедить в необходимости реформ. Число их никогда не превышало нескольких тысяч.

Таким образом, «проникновение» оказалось успешным. Итак, в то время как традиционный капитализм озабочен политической свободой и относительно меньше думает о социальном и экономическом равенстве, а коммунизм стремится к социальному равенству, пренебрегая политической свободой, демократический социализм противится и капитализму, и коммунизму, желая сочетать политическую свободу с экономическим равенством.

Один из видных фабианцев, лорд Линдсей (1879—1952), указывает, что национализация еще не решает проблему демократии в промышленности. Хотя при этом руководство промышленности контролируется народом (в лице парламента), остается вопрос управления внутри самой индустрии, отношения между администрацией и рабочими. Опыт с 1945 года показал, что легче обобществить производство, чем наладить эти отношения. Но в маленьких государствах — Швеция, Дания, Норвегия, Израиль — социализм на кооперативной основе построить легче, тут удается избежать излишней централизации, неизбежной при обобществлении государственном. (Не следует забывать, что национализация — лишь одна из форм социализации хозяйства.)

Путь к социалистической реальности непрост, не случайно демократический социализм победил у политически зрелых народов; и если успех политической демократии зависит от здравого смысла, старания и характера граждан, то общество, которое хочет демократии и в экономике, требует этих качеств в еще большем размере.

Как сказал Платон в «Республике», никакая организация не может быть лучше, чем качества людей, составляющих ее.

Сокращенный перевод
А. ФРИДМАНА

В следующем номере — рассуждения В. Эбенстайна о дилемме демократии — свободе и равенстве.

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СПРАШИВАЕТ, СПОРИТ

Предлагаю...

Н. НАЙДЕНОВА (*д. Афанасово Калужской области*): У меня подрастают четверо детей, на 1990 год пришлось умерить аппетиты по подписке и выбрать из многого желаемого самое необходимое. Я, конечно, остановилась на вашем журнале. Но, отказываясь от «Семьи и школы», «Смены» и некоторых других изданий, я решаюсь просить вас выслушать мои надежды.

В институте небрежно читали «научный атеизм», и я даже не знаю названий многих религий, хотелось бы прочесть об этом серию материалов в исполнении беспристрастного специалиста.

Из всех известных вероисповеданий мне наиболее близко язычество восточных славян. Есть ли ученые, которые задумываются: во что трансформировалось бы славянское язычество, если бы его преждевременно не заменило христианство?

А. ЕФРЕМОВ (*Воронежская обл.*): Включайте в каждый номер журнала как можно больше чисто научных материалов. А особенно на тему бессмертия. Читатели очень этим интересуются.

В. ЩУСЕВ (*г. Первомайск*): В последнее время публикуется масса претендующей на объективность литературы о нашей истории, а также о том, что сегодня действует множество движений за перестройку. Очень хотелось бы, чтобы на страницах журнала «Знание — сила» в этом году появилась, хотя бы кратко, обзорная статья обо всех политических партиях России и их программах начала века и перед революцией 1917 года.

Появляется много сообщений о НЛО, АЯ, гороскопах и хиромантии. Предлагаю напечатать в журнале статьи на эти темы. Если у нас в стране нет уважаемых специалистов в этой области, то не могла бы редакция опубликовать перепечатки из зарубежных изданий. Не кажется ли вам, что долгое замалчивание этих тем только вредит вашему журналу?

Угрожает ли человечеству климатическая катастрофа в следующем веке? Неизбежно ли произойдет такое потепление климата, которое вызовет повышение уровня океана, передвижку климатических поясов, перестройку всей системы сельскохозяйственного производства? Нет, не обязательно,— отвечает автор статьи, известная исследовательница, географ-североед. Особую весомость ее выводу придает то, что он основан на данных уже сделанного и уже оправдывающегося прогноза.

Попытка прогноза

Н. Шполянская,
доктор географических наук

Заказ на прогноз

В конце шестидесятых годов в стране была сделана ставка на очередной промышленный скачок. Главное, что должно было его определить,— это развитие нефте- и газодобывающих отраслей, переброска стока северных рек на юг, строительство гигантских транспортных магистралей, как железнодорожных (БАМ, Тюмень — Уренгой, «мертвая» дорога Салехард — Игарка), так и трубопроводов для транспортировки нефти и газа. Верстались грандиозные планы до конца века, до 2000 года. Новый импульс получало освоение сибирских регионов.

К чему должна была привести реализация этих планов? Прежде всего — к нарушению в больших масштабах естественных природных условий. Поэтому возникла задача — дать прогноз возможных изменений среды, нарушенной такой активной, масштабной деятельностью. Задан был и временной отрезок — 2000 год, казавшийся тогда еще очень далеким.

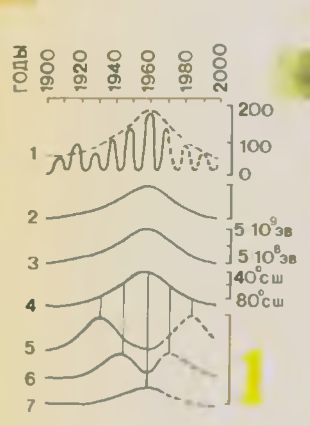
Один из главных компонентов природной среды — климат. Прогноз его изменения для Западной Сибири, района в то время наиболее интенсивно осваиваемого, и был сделан в самом начале семидесятых годов. Сразу же, забегая вперед, надо сказать, что законы изменения климата, выявившиеся в этом обширном регионе, дают представление о возможном характере изменения климата на всей территории страны. Тем самым этот прогноз выходит за рамки регионального.

Как делается прогноз природных явлений? Это всегда трудно. И прежде всего потому, что природа в целом — комплекс тесно связанных между собой элементов, в котором изменение одного неизбежно влечет за собой изменение всех остальных. Связи внутри природного комплекса не только сложны, но еще и малоизвестны. И это, конечно, создает сильные ограничения для прогноза.

Чаще всего поступают так: строят кривую изменения того или иного элемента природы (при этом чем длиннее ряды наблюдений, тем лучше), выявляют определенную направленность изменения и продлевают эту кривую в будущее время. Такая экстраполяция часто себя оправдывает. Даже принято, что кривую следует продлевать не более чем на 15 процентов ее длины, обеспеченной фактическими данными. Так, в 1971 году для двадцати трех метеостанций Западной Сибири, расположенных в разных местах, были построены кривые изменения среднегодовой температуры воздуха за период от начала наблюдений до 1969 года.

Результат скорее удивил, чем обрадовал. На полученных кривых изменение температуры имело очень сложный ход, к тому же неодинаковый в разных частях региона. Во-первых, изменение температуры воздуха имело явно колебательный характер (вместо ожидавшегося направленного изменения). Во-вторых, размах колебаний был неодинаковым на разных широтах и уменьшался по мере движения с севера на юг. В-третьих, максимум температуры наступал не одновременно, а смещался во времени в том же направлении, с севера на юг.

Столь сложная картина простой экстраполяции в будущее не поддается. Требовалось теоретическое объяснение такого изменения температуры, нужна была модель, на основе которой можно предсказать дальнейший ход ее на остававшиеся до 2000 года три десятилетия.



1. Схема изменения в вековом цикле внеземных факторов и приземной температуры воздуха, предложенная Л. Г. Полозовой и Б. И. Сазоновым. Здесь видно, как меняется во времени солнечная активность (выраженная в числах Вольфа) — кривая 1. В соответствии с ней меняется и напряженность магнитных полей на Солнце и в космосе — кривая 2. Тот же ход имеет и энергия протонов в уплотненном потоке — кривая 3. Кривая 4 показывает широту вторжения протонов разных энергий в ходе развития солнечного цикла, а кривые 5, 6 и 7 представляют ход приземной температуры воздуха на разных широтах, соответственно полярных, умеренных и субтропических. Видно, как волна промежуточного потепления смещается во времени по мере продвижения с севера на юг, а амплитута ее уменьшается в том же направлении.

2—5. Ход приземной температуры воздуха в вековом цикле на территории Западной Сибири. Графики отражают температуру, среднюю за каждые десять лет: 1910—1919, 1911—1920, 1912—1921 и т. д., так называемые скользящие десятилетние средние температуры воздуха. Сплошные линии — наблюденные температуры, пунктирные линии — прогнозируемые. Показан прогноз, сделанный в 1971 году, жирной линией отмечена реальная температура воздуха после 1969 года. Расположение зон показано на карте. Хорошо видно, как изменение температуры во времени меняется по мере продвижения с севера на юг — от северной, тундровой, зоны к южной, лесостепной.

Почему меняется климат?

Одна из теоретических моделей изменения климата, особенно популярная в последнее время,— направленное потепление под влиянием «парникового эффекта». И это не случайно. Специалисты обеспокоены бурным, порой бесконтрольным ростом промышленности, особенно энергетики, которое сопровождается сжиганием огромных масс природных углеводородов. Все это ведет к увеличению в атмосфере газов, преимущественно двуокиси углерода, которые активно поглощают тепловое (инфракрасное) излучение Земли, препятствуя ее теплообмену с мировым пространством. Накопление в атмосфере этих газов, как вы уже, наверное, неоднократно читали, может вызвать в некотором будущем потепление климата на планете и изменение его структуры. А это влечет за собой самые пагубные последствия — таяние материковых льдов, повышение уровня Мирового океана, расширение засушливых поясов Земли и многое другое.

Однако в проблеме «парниковый эффект» пока что остается неизвестным один из самых важных моментов — соотношение между ростом количества углекислого газа в атмосфере и величиной потепления. Существующие попытки моделирования показали, что заметное влияние на климат может оказать лишь удвоение и даже, скорее, учетверение содержания углекислого газа в атмосфере по сравнению с прошлым столетием, когда впервые заговорили об этом эффекте. За прошедшие же сто лет оно увеличилось, по разным оценкам, всего на 10—25 процентов.

Другие подсчеты, в свою очередь, показали, что двукратное увеличение углекислого газа в атмосфере по сравнению с уровнем его в XIX веке может произойти тогда, когда в атмосферу после 1980 года будет выброшено дополнительно 500 гигатонн (одна гигатонна равна одному миллиарду тонн) углерода. Тогда общая его масса стала бы равна 1000—1250 гигатоннам. А это в двести раз больше того количества, что в последнее время ежегодно поступает в воздух.

Кроме того, неизвестна связь между ростом выброса промышленностью углекислого газа и накоплением его в атмосфере. На пути этой связи лежит океан, и многие ученые полагают, что почти весь углекислый газ, выбрасываемый с промышленными отходами, будет поглощаться водами океана, а значит — выводиться из атмосферы.

Эти же ученые считают, что сегодня потепление климата не превысило «уровня шума» ежегодных температурных колебаний. Что касается Западной Сибири, то из рисунка видно, что к концу шестидесятых годов на большей части региона явно прослеживается тенденция к похолоданию и только на самом юге его можно говорить о начинающемся небольшом потеплении.

Из-за увлечения «парниковым эффектом» осталась в тени другая модель — та, которая основана на естественных колебаниях климата, реально существующих и отмечаемых и для прошлого, и для сегодняшнего времени. Изучение таких колебаний дает немало оснований предвидеть в ближайшем будущем некоторое похолодание климата.

Природа Земли в течение четвертичного периода, то есть, по крайней мере, за последний миллион лет, развивалась в условиях довольно четко различаемого процесса похолодания — это наиболее распространенное мнение современных палеогеографов. И чем ближе к нашему времени, тем эпохи похолодания и потепления становились все холодней, а длительность их сокращалась.

Последние серии колебаний относятся к историческому времени и хорошо документированы. Так, от середины до конца I тысячелетия до новой эры длилась стадия похолодания, получившая в старинных документах название «века страшных зим». В конце I — начале II тысячелетия новой эры известна «теплая эпоха викингов», когда виноград распространялся в Европе до берегов Балтийского моря, а в Гренландии викинги успешно занимались животноводством. В то время в высоких широтах было на два-три градуса теплее, чем сейчас.

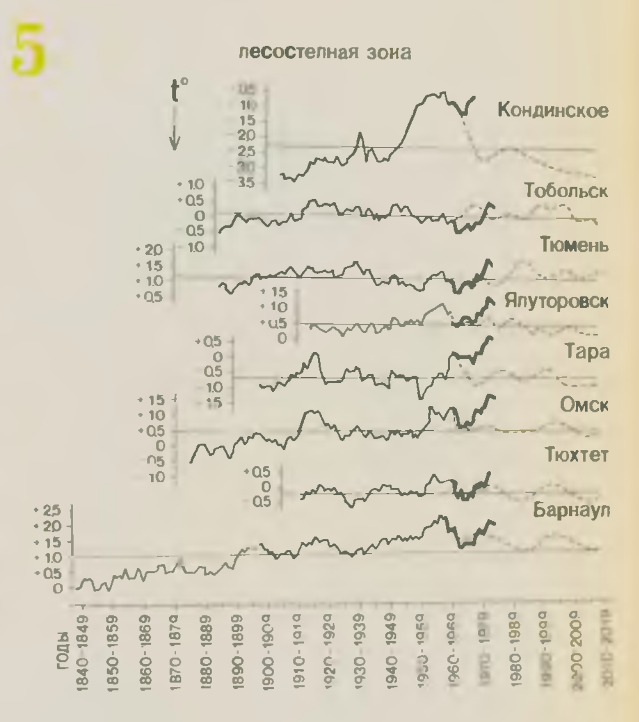
В XIII—XVIII веках наступил так называемый малый ледниковый период — разрастались покровные и горные ледники, увеличилась площадь морских льдов, блокировавших Гренландию.

Поселения викингов в Гренландии были погребены подо льдом, зерноводство в Исландии прекратилось, не говоря уж о виноградарстве — оно отступило на юг Европы. С XVIII века началась новая эпоха потепления, которая с середины века уже фиксируется постоянными наблюдениями за температурой воздуха. Но и эта восходящая ветвь осложнена еще более мелкими и по длительности, и по величине волнами похолодания.

Если посмотреть на Солнце без черных очков

Итак, в колебаниях климата явно прослеживается определенная цикличность. Тем не менее по этому поводу среди специалистов тоже идут споры, столь же бурные, как и по поводу парникового эффекта. Прежде всего неясна природа колебаний климата. Больше того, неясно, существует ли достаточно строгая периодичность в циклической смене климата. В этих спорах можно выделить два направления.

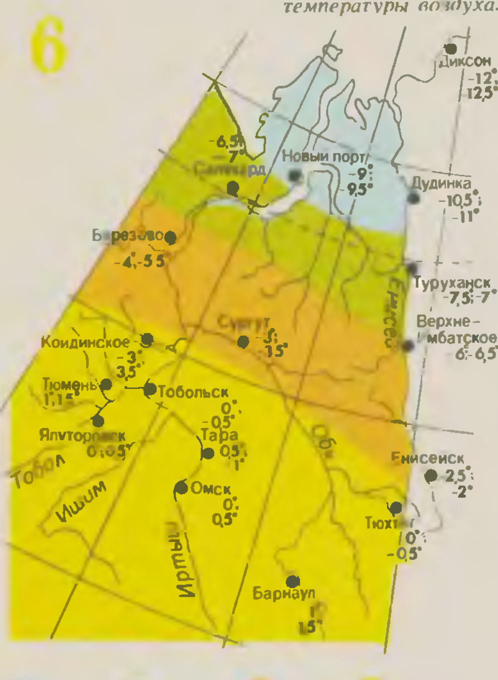
Сторонники одного из них, соответствующего традиционной метеорологии, склонны вообще отрицать наличие какой-либо четкой периодичности в изменении климата. Причину колебаний они видят в чисто «земных» процессах и считают, что атмосферные циклы могут быть результатом автоколебаний либо в самой атмосфере, либо в системе «атмосфера — подстилающая поверхность», включающей в себя океан и полярные льды. Подобные автоколебания (учитывая огромную инерционность системы «атмосфера — океан — полярные льды») лежат, по их мнению, в основе климатических перестроек любой периодичности — от десятков и сотен лет до десятков тысяч лет. Поэтому и в современных короткопериодных, и в длиннопериодных колебаниях в прошлом, включая оледенения, усматривается естественное проявление собственных свойств системы.



В этих рассуждениях есть своя логика, но, к сожалению, это направление климатологии не может пока что объяснить многих сторон изменения климата, а численное моделирование системы «атмосфера — океан» требует еще большой работы.

И другое направление. Его сторонники видят в изменении климата достаточно четкую периодичность и объясняют ее непосредственной связью с изменениями солнечной активности. Это направление родилось в прошлом веке. Оно пробивало себе дорогу нелегко. Насмешливое к нему отношение отражено даже в художественной литературе: «Пятна на Солнце действительно имеют большое значение,— вмешался Швейк.— Однажды появилось на Солнце пятно, и в тот же самый день меня избили в трактире «У Банзетов» в Нуслях. С той поры, перед тем как куда-нибудь пойти, я смотрю в газету — не появилось ли опять какое-нибудь пятно...» Сейчас гелиогеофизика все больше набирает аргументацию и утверждается. Хотя дискуссии и продолжаются, но почти никто уже не подвергает сомнению связь между колебанием солнечной активности, изменением циркуляции атмосферы и климатом.

Схематическая карта Западной Сибири. На ней нанесены четыре зоны, каждая со своим ходом температуры воздуха в вековом цикле, и прогнозируемые на первое десятилетие XXI века температуры воздуха.



Вместе с тем до сих пор не ясно, какими же путями Солнце влияет на земную атмосферу, и это поддерживает определенный скептицизм у многих ученых по отношению к ведущей роли солнечно-земных связей в колебаниях климата.

Механизм передачи возмущений от Солнца к нижней атмосфере очень сложен, кроме того, одновременно на атмосферу влияет множество самых разных факторов. Все это приводит к тому, что трудно выделить проявление внешних сигналов на фоне собственных мощных циркуляционных механизмов в системе «океан — атмосфера».

«Работают» протоны

Сторонниками солнечно-земных связей предложены, конечно, физические механизмы, способные объяснить солнечные воздействия на погоду и климат. Здесь я хочу рассказать об интересной, на мой взгляд, идее ленинградских ученых из Главной геофизической обсерватории имени А. И. Воейкова — Б. И. Сазонова и его последователей. Они видят этот механизм в передаче возмущений от Солнца в атмосферу через протоны высокой энергии 10^{8}—10^{9} электронвольт. Логика их рассуждений такова: подобно тому как атмосферные ветры «сдувают» поверхностные слои моря и так перераспределяют массы океанических вод, «ветры» высокоэнергетических протонов могут «сдувать» и перераспределять массы атмосферного воздуха и тем самым стимулировать развитие циклонов и антициклонов. Определенное подтверждение этому — достаточно четкая связь между вторжением протонов высокой энергии в атмосферу и реальной картиной возникновения и развития циклонов в тропосфере.

Вторжение протонов высоких энергий, по мнению ленинградских исследователей, подчиняется сложной закономерности.

Во-первых, режим облучения Земли космическими частицами определяется напряженностью магнитных полей в околоземном космосе. Протоны сравнительно невысокой энергии «выталкиваются» этими полями. Протоны с более высокой энергией — а именно они обильно генерируются в хромосферных вспышках на Солнце — проникают даже в тропосферу. Энергия прорвавшихся в эти слои атмосферы протонов в большой мере расходуется на перераспределение масс воздуха из одного района в другой.

Во-вторых, проникновение космических частиц в атмосферу контролируется также и магнитным полем планеты. Вторжение протонов происходит легче там, где понижена напряженность горизонтальной составляющей магнитного поля Земли. Это бывает, в частности, около магнитных полюсов. Географически к такому району относится, например, Гренландия. (И недаром, замечу в скобках, область вблизи Гренландии известна как место наибольших колебаний климата.)

В-третьих, чем большей энергией обладают протоны, тем дальше к югу они способны проникать. Протоны с энергией не менее 5×10^{7} электронвольт способны вызывать возмущения в тропосфере даже на широтах 30—35 градусов.

Потоки протонов из космоса вторгаются в атмосферу Земли преимущественно с запада, двигаясь на восток под некоторым зенитным углом. Передавая свою энергию частицам воздуха, они обусловливают перемещение огромных воздушных масс, способных перестроить барическое поле. На отдельных участках широтного круга, вдоль которого движется протонный поток, имеются своеобразные «окна» в магнитном поле — районы с малой напряженностью горизонтальной его составляющей. Врываясь в эти «окна», протоны вызывают здесь возмущения атмосферы и порождают циркуляционные пары «циклон — антициклон».

Когда выстроилась нарисованная выше картина, Б. И. Сазонов и Л. Г. Полозова попробовали проанализировать современный вековой климатический цикл. Результаты этого анализа позволили им создать модель воздействия солнечной активности на приземную температуру воздуха.

От века к веку

Начало современного векового цикла климатологи относят к первому десятилетию нашего столетия, окончание его ожидают примерно в конце этого — начале следующего века. Большинство сторонников солнечно-земных связей (из советских это преимущественно ленинградская школа) полагают, что к концу современного векового цикла, то есть примерно к 2000 году, следует ожидать похолодания по сравнению с сегодняшним днем. Похолодания, по величине сравнимого с первыми годами XX века (иначе — с началом векового цикла).

Л. Г. Полозова и Б. И. Сазонов проследили изменения температуры воздуха в Северном полушарии за первую половину векового цикла в полярных, умеренных и субтропических широтах.

Самым заметным потепление было в двадцатые — тридцатые годы (десятилетие 1927—1936 годов) в Гренландии. После этого температура воздуха там стала понижаться. С удалением от Гренландии — центра потепления — к югу и востоку степень потепления уменьшается, а пик его сдвигается на более поздние годы, так что, например, в Туруханске пик потепления отмечался на десять лет позже, в десятилетие 1936—1945 годов. В умеренных и низких широтах Северного полушария потепление климата во многих районах еще продолжается. Все это хорошо видно на рисунке.

Почему же потепление не наступает одновременно в разных районах? И почему с различной силой проявляет себя?

Л. Г. Полозова и Б. И. Сазонов дают этому объяснение. Как уже говорилось, космические частицы проникают в атмосферу легче всего в высоких широтах, расположенных вблизи геомагнитного полюса (северный магнитный полюс планеты ныне расположен в районе Гренландии). Сюда в самом начале солнечного цикла вторгаются протоны с менее высокой энергией, и это сразу вызывает усиление циклонической деятельности и повышение температуры приземного слоя воздуха. По мере роста солнечной активности протоны все больших энергий вторгаются в атмосферу Земли в более южных районах, имеющих более плотное магнитное поле, вызывая уже там активизацию циклонической деятельности и повышение температуры воздуха, хотя и несколько меньшие.

Так волна изменения температуры воздуха, постепенно затухая, движется во времени и пространстве от Арктики вплоть до субтропических широт. При спаде энергии протонов во второй половине солнечного цикла волна изменения температуры воздуха должна пойти, по мнению авторов, в обратном направлении — от низких широт к высоким.

Эта модель хорошо объясняет характер хода реальной температуры воздуха во времени на разных широтах в первой половине цикла и, что самое главное, позволяет сделать прогноз: обратная волна космических частиц высоких энергий, вызвав еще один пик потепления, должна привести к похолоданию в начале следующего века.

Ожидается, что оно будет более заметным в высоких широтах, несколько меньшим в умеренных и небольшим в низких широтах. Таково мнение почти всех сторонников солнечно-земных связей. Полярный бассейн, большая часть Европы и Северной Америки будут, по их мнению, охвачены отрицательными аномалиями температуры января. Говоря проще, январь в начале следующего века на этих территориях будет куда как холоднее.

Глобальный прогноз в отдельных районах сбывается?

Посмотрим теперь новыми глазами на кривые температуры воздуха, построенные для Западной Сибири. Картина становится предельно ясной. Из этих графиков видно, что в Западной Сибири четко прослеживается выявленная Л. Г. Полозовой и Б. И. Сазоновым глобальная закономерность: при движении с севера на юг уменьшается размах изменений температуры и смещается во времени наступление максимума.

Выделяются четыре зоны, сменяющие друг друга с севера на юг. В самой северной из них, тундровой, разница между температурой самого теплого десятилетия и десятилетия 1910—1919 годов (начало волны векового цикла) составляет два градуса. Наиболее теплое десятилетие 1935—1944 годов. Здесь одно из самых ранних на территории нашей страны потеплений. В литературе оно получило название «эпоха потепления Арктики». Южная граница этой зоны проходит примерно по 68—70 градусам северной широты.

Несколько южнее расположена вторая зона, лесотундровая, она ограничена с юга широтой 64—65 градусов. Амплитуда изменения температуры воздуха составляет здесь уже 1,5 градуса, а максимум относится к десятилетию 1937—1946 годов, то есть наступает несколько позже, чем в тундровой зоне.

Следующая, лесная, зона расположена еще южнее и протягивается до 60 градуса. Амплитуда колебания температуры в ней не превышает одного градуса, а максимум несколько размыт.

Самая южная, лесостепная, зона отличается принципиально иным характером динамики температуры. Максимум приходится здесь на конец пятидесятых — начало шестидесятых годов; амплитуда, если не считать кратковременного максимума, невелика и в большинстве случаев не превышает половины градуса.

Итак, модель работает. Истинный ход температуры совпадает с первоначальной моделью. Стало быть, можно предположить для Западной Сибири обратное движение температурной волны во втором периоде солнечного цикла. На рисунках пунктиром показано предполагаемое изменение температуры воздуха вплоть до начала следующего столетия (2010—2019 годы).

Прогноз был сделан в 1971 году. Теперь мы дополнили ряды наблюдений новыми данными — вплоть до 1987 года. На рисунках можно их увидеть.

И что же? Пожалуй, следует признать, что в целом прогноз оправдывается. Прежде всего, во всех четырех зонах прослеживается предполагавшаяся обратная волна температурного хода. Практически полностью совпал ход температуры с прогнозируемой в лесной зоне. О близком совпадении можно говорить для самой южной, лесостепной, зоны. В двух северных зонах — тундровой и лесотундровой — наблюдается некоторое смещение во времени ожидавшегося минимума температуры или большая по сравнению с предполагавшейся его продолжительность. В связи в этим второй максимум температуры, по-видимому, тоже сдвинется во времени.

Вот, пожалуй, и все. Но прежде чем поставить точку, надо сказать, что современный подъем температуры воздуха, казалось бы, льет воду на мельницу сторонников «парникового эффекта». Многие из них именно этим объясняют нынешнее потепление. И все-таки... Солнечно-земная модель, по-видимому, более правильна. Иначе как объяснить то, что в северных районах Западной Сибири, где почти полностью отсутствует промышленность, а следовательно, невелики выбросы разного рода углеродов, подъем температуры довольно большой, а в южных и центральных районах, с более развитой промышленностью, температура практически не меняется или меняется едва заметно?

Следует, по-видимому, заключить: в ближайшие десятилетия не «парниковый эффект» будет руководить климатом, а по-прежнему Солнце. Оно же, судя по всему, должно привести климат к похолоданию. Не сильному в большинстве обжитых районов, но все-таки похолоданию (в сравнении с сегодняшним днем). На самом севере такое похолодание будет более заметным, и это для нашей страны, обращенной своим лицом к северу, создаст достаточно неблагоприятную ситуацию: будет осложнено использование Северного морского пути, затруднена навигация в низовьях сибирских рек, трудности не минуют и самые северные месторождения, освоение которых намечается. Важно об этом знать. А зная — готовиться.

Всем откликнувшимся на анкету «Экологическая карта» в номере 1 нашего журнала — огромное спасибо! Никогда за годы работы в редакции я не получала такой большой, интереснейшей и, признаюсь, горестной почты.

Письма все идут, и отвечать всем, к сожалению, не успеваю, тем более, что уезжаю в длительную командировку. Так что, прошу, не обижайтесь на меня. По возвращении начну готовить публикации по письмам — они требуют глубокого и вдумчивого изучения. Еще раз — спасибо всем!

М. ЧЕРКАСОВА,
ведущая рубрику
«Карта тревоги нашей»

МОЗАИКА

Кандидат из зоопарка

Шимпанзе Типо, любимец детей и взрослых из зоопарка Рио-де-Жанейро, был выдвинут кандидатом в депутаты муниципалитета города. Его кандидатуру предложили какие-то шутники-журналисты. Типо, правда, не выбрали, но его популярность резко возросла. За предвыборную неделю зоопарк посетило свыше четырех тысяч человек.

Миражи-то миражи, а попробуй докажи...

Японский приморский городок Уоцу известен миражами. Весной и осенью в теплые дни многие здания сказочным образом начинают парить над заливом Тояма. Ученые объясняют феномен волной холодного воздуха над морем, которая возникает при таянии снега в окрестных горах. В 1975 году миражи появлялись десять раз, в 1988 году — пять раз, а в прошлом году всего три раза — загрязнение воздуха, по-видимому, затуманивает фата-моргану. Городские власти опасаются, что миражи, которые привлекают массу туристов, прекратятся совсем. Поэтому они поручили одной химической фирме создать искусственную фата-моргану. Специалисты построили небольшой павильон с куполами из стекла, которые заполнили смесью воздуха и ксенона, благородного газа тяжелее воздуха. При прохождении через смесь лучей света возникает призрачное явление.

По законам Хаммурапи

У вавилонского царя Хаммурапи вместо массы постановлений, инструкций и приказов, как строить здания и сооружения — а строили тогда много и не менее крупные здания, чем сейчас,— была одна-единственная инструкция о том, как строить дом: «Если построенный дом рухнет и задавит кого-нибудь из поселившихся в нем, то строитель должен быть казнен путем усекновения головы».

Дома лучше

На индонезийском острове Калимантан в семействе Тоу живет огромный питон, длина его более шести метров. Он вылупился из яйца, найденного в джунглях шесть лет назад. С тех пор питон постоянный член этой семьи и даже имеет собственной имя — Си Беланг.

Трехлетний Карим Тоу без страха купает его два раза в день. Ночью питон спит в постели вместе со своими «братьями» и «сестрами».

Недавно семейство решило выпустить пресмыкающееся на свободу. Чтобы отнести шестидесятикилограммового питона в джунгли, потребовались усилия пяти человек. Но, ко всеобщему удивлению, животное вскоре вернулось обратно. Сейчас питон продолжает жить в своем доме.

Ворон-сквернослов

Под крышей торгового центра в канадском городе Колборне, что на озере Онтарио, поселился ворон, шокирующий покупателей непристойными выражениями, которые он громко выкрикивал на чистейшем английском языке. Через три недели сквернослов исчез, и жители города облегченно вздохнули. Однако вскоре в редакцию местной газеты пришел Дейн Дьюн, учитель средней школы города Баркер, расположенного неподалеку от Колборна, но уже с американской стороны озера. Оказывается, что известный всей округе ворон перебрался во двор школы и теперь дурно влияет на детей. Журналистам удалось выяснить, что ворон сбежал из одной канадской семьи, глава которой научил птицу нехорошим словам и дурно с ней обращался. Поймать ворона пока не удалось.

Слоны и браконьеры

По свидетельству американского биолога Синтии Мосс, дикие африканские слоны очень умны и наблюдательны. Они отлично знают не только точные границы заповедника, в котором живут, но и то, что в заповеднике они находятся в полной безопасности. А главное — эти животные точно знают, за чем охотятся браконьеры — за их бивнями.

Мосс не раз была очевидицей таких случаев, когда браконьеры убивали слонов ядовитыми стрелами и оставляли их гнить, чтобы легче было отделить бивни. И что же? Другие слоны, найдя трупы своих сородичей, выламывали у убитых бивни, а затем либо прятали их в укромном месте так, чтобы охотники не могли их разыскать, либо разбивали их о камни в щепы и таким образом лишали браконьеров добычи.

Мы ждем вас, инопланетяне!

Американец Том Вебер из города Элууд в штате Висконсин решил построить космодром для НЛО. По его мнению, именно в этом городе должны быть построены площадка для взлета и приземления межпланетных кораблей, комплекс для связи с НЛО и центр по их изучению.

Почему именно в Элууде? Потому что из этого города и его окрестностей за последние пятнадцать лет чаще всего поступают сообщения о появлении НЛО. Для жителей Элууда это излюбленная тема разговора. Вебер предполагает, что капитаны НЛО не прочь установить с нами контакт, но скромность и воспитанность гуманоидов вынуждает их ожидать приглашения с нашей стороны. Таким приглашением станет будущий космодром. Для осуществления проекта необходимо 50 миллионов долларов, и Вебер надеется собрать эту сумму.

Библия на ладони

Американская компания «Тийм Кардс» предлагает действительно карманное издание Библии. С помощью лазерной техники вся эта «Книга книг» отпечатана микроскопическими буквами на специальной пластмассовой карте. А она, как вы видите на снимке, умещается на ладони.

Необычная Библия недорога. Она стоит всего около пяти долларов. Однако, чтобы прочесть ее, нужен микроскоп стоимостью 45 долларов. Работает он на батарейках и дает стократное увеличение.

А так — дальше

Как-то раз японский тренер Оно Такэси, аспирант университета Цукуба, просматривая в поисках материала для диссертации иностранную литературу, обнаружил в одной из книг, изданной в США, описание оригинального приема выбрасывания мяча из-за боковой линии.

Мяч вводился в игру с помощью сальто! Месяц Оно тренировал игроков футбольной команды университета. Игрок ставил мяч на землю, держась за него обеими руками, а затем делал сальто вперед, выбрасывая при этом мяч. И тот летел на десять метров дальше, чем при обычном броске! Разумеется, противники протестовали, но тренеру удалось доказать, что правила броска не нарушаются.

Цветное фото С. Лидова

Продолжение. Начало на стр. 34

словам, нам нелишне познакомиться с американским и канадским опытом разработки арктических месторождений с довольно неожиданной стороны. В этих странах все больше берет верх точка зрения на Арктику как на регион, подлежащий консервации. Север — по существу, последний на земном шаре территориально-ресурсный и территориально-экологический резерв, значение которого с годами только возрастает. На Аляске, например, свыше 30 процентов площади штата отведено под природоохранительные территории самых разных классов и режимов. Ямал прямо-таки просится в список подобных прогрессивных резерваций!

Тесно примыкает к этому сюжету и вопрос о так называемом вахтовом методе. По мнению Г. А. Аграната, этот способ освоения дальних территорий таит в себе немалые опасности и, может быть, главную: он неизбежно формирует психологию временщиков, а это означает и наплевательское отношение ко всему, что «после нас»,— к делу, к природе, к человеческим взаимоотношениям. И в США, и в Канаде это, судя по всему, осознали. Там все больше склоняются к тому, чтобы люди на дальних, уединенных стройках (месторождениях, приисках и т. п.) жили и работали в условиях, максимально приближенных к привычным, к современному комфорту.

Удивительное признание сделал совсем недавно один из самых именитых людей Тюмени, бывший начальник Уренгойгаздобычи Иван Спиридонович Никоненко (ныне — первый заместитель директора Всесоюзного НПО «Союзгазавтоматика»). В брошюре, изданной в Свердловске в 1988 году, он пишет: «Для уренгойских котельных мы получаем газогорелочные устройства на уровне — в лучшем случае — девятнадцатого века! Процентов тридцать тепла вылетает просто в длинную трубу. Это значит, что из девятнадцати действующих на Уренгое мощнейших установок комплексной подготовки газа практически шесть работают впустую! Это значит, что магистральные системы трубопроводов на треть гонят газ зря, зря работают компрессорные станции»...

Невозможно читать подобное. Компетентнейший хозяйственник, кровно болеющий за производство, говорит, что на треть (минимум) оно работает вхолостую и, разумеется, не только в Уренгое, и не только в системе «Нефтегаза». Г. А. Агранат и здесь сумел найти подходящий комментарий, основанный на зарубежном опыте. Когда в конце семидесятых годов канадцы проектировали газопровод вдоль реки Маккензи, стоимость его определили (вместе со стоимостью месторождения и его эксплуатации) в 13—15 миллиардов долларов. И тут же прикинули, что 6—8 миллиардов, затраченных на коренное усовершенствование теплофикационных сетей и теплоизоляции стен (дверей, окон) в крупных городах Канады сэкономят объем газа, который должен поступать из Арктики! После чего отказались от прокладки газопровода.

И. С. Никоненко вряд ли знал о расчетах канадцев, однако написал по сути о том же. Разве что масштабы потерь несопоставимы. Так, может, начать с теплоизоляции? С установки примитивных краников-регуляторов на каждой домашней батарее отопления, как это научились делать в Ямбурге, но никак не научатся в Москве? С изготовления копеечных прокладок, фильтров, изоляторов, которые неизбежно сэкономят огромное количество тепла, а следовательно, и нефти, и газа, и любого белого, черного, желтого, атомного «золота»? Вот только кто возьмется единым росчерком пера отреагировать на такое «простое, как мычание» предложение?..

Десять августовских дней 1989 года продолжался ямбургский симпозиум. Мы летели в вертолете в Надым, чтобы оттуда на самолете вернуться в Москву. Под нами было знаменитое Надым-Пур-Тазовское междуречье. Чуть восточнее нашего воздушного маршрута лежала древняя Мангазея, былая столица Сибирского Севера. «Златокипящая» Мангазея, поселение на правом берегу Таза, «мекка» русских промысловиков-торговцев XVI—XVII столетий — добытчиков, продавцов и покупателей «мягкой рухляди», пушнины.

И я, размышляя о Ямале, внезапно вспомнил исторический прецедент: опасаясь проникновения в Мангазею иностранных конкурентов, правительство издало в начале XVII века «заказ крепкий, дабы немецкие люди в Мангазею дороги не узнали», то есть запретило русским промысловикам ходить морем из Архангельска в Мангазею через Ямал и Междуречье! «Заказ» был строжайший, миновало 250 лет, прежде чем вновь возник разговор о связях Поморья и Центральной России с обь-енисейским краем.

Если говорить о нынешнем Ямале, необходим немедленный «царев указ». Верховный Совет может как нельзя лучше осуществить его издание!

Примечание редакции

Когда текст этого репортажа находился в наборе, Верховный Совет СССР принял Закон о местном самоуправлении, который призван сыграть очень важную роль в хозяйственной жизни страны, в том числе районов Крайнего Севера. В конце марта 1990 года в Москве состоялся Съезд малочисленных народов Севера. Он уделил особое внимание праву каждой народности распоряжаться природными ресурсами своего региона. Большая озабоченность экологией арктических территорий также была одной из ведущих тем съезда. Все это вселяет надежду.

ДОЛГ ПАМЯТИ

Норильлаг

«В 1945 году Норильский лагерь состоял из двадцати шести лагпунктов, в каждом лагпункте находилось четыре-пять тысяч человек... Шесть лагпунктов были объединены в Горлаг, предназначенный для обслуживания строящегося горнообогатительного комбината...» — сообщает Б. П. Дубицкий, бывший заключенный, автор воспоминаний о норильском восстании (1953 год).

В будущей истории репрессий против науки место Норильлага должно быть правильно понято. Здесь шло массовое истребление людей. Одновременно решалась уникальная научно-техническая задача — строительство города и горнообогатительного комбината в условиях вечной мерзлоты.

В списках общества «Мемориал» сегодня около ста двадцати фамилий ученых и инженеров, чей высококвалифицированный труд во многом обеспечил успех строительства. Сведения о большинстве из них отрывочны.

Примечательна судьба Николая Николаевича Урванцева — геолога, географа, топографа, геодезиста, астронома. Этот человек был исключительно одаренным геологом-поисковиком, автором мирового класса открытий на Таймыре, сделанных им еще в начале двадцатых годов (одно из них — Норильское медно-никелевое месторождение). Много раз зимовал на Крайнем Севере, первым начал внедрять в полярный быт вездеходы. С начала сороковых годов — узник Норильлага. Реабилитирован после XX съезда.

Железнодорожное движение к Норильску стало возможным, благодаря снегозащитным устройствам, «щитам Потапова». Их создатель — заключенный, инженер Михаил Иванович Потапов.

Задача постановки фундаментов на вечномерзлом грунте была решена группой инженеров, где работали Максимов Георгий Николаевич (в лагерь попал восемнадцати лет, как сын репрессированного, в заключении был с 1935 по 1939 год) и Павлов Борис Семенович (выпускник МГРИ).

Гидрологические работы, давшие возможность обеспечить Норильский комбинат водой, провели инженеры Попов Евгений Александрович и Кочеджан Мкртыч Абрамович (в лагерь попал студентом).

Прокладкой подземных коммуникаций в условиях вечной мерзлоты занималась группа под руководством заключенного Борисова Георгия Александровича.

В проектировании Норильска участвовал архитектор заключенный Лаптев Николай Михайлович.

Узником Норильлага был блестящий советский астроном Николай Александрович Козырев (арестован в 1936 году по «Пулковскому делу»), в лагере был сначала на общих работах, затем работал геодезистом.

В 1949 году был арестован и заключен в Норильлаг доктор геологических наук, профессор Лихарев Борис Константинович (1887—1973 годы). В Норильлаге Лихарев категорически отказался работать по специальности. Один из заключенных вспоминал, что Борис Константинович держался с чисто дворянским достоинством...

Родственники погибших и общество «Мемориал» разыскивают сведения о:

Мараканове Владимире Порфирьевиче, научном сотруднике Нарымской сельскохозяйственной опытной станции Томской области (арестован в августе 1937 года);

Бекееве Александре Петровиче, профессоре математики Дальневосточного педагогического института (репрессирован летом 1938 года);

Ручко, академике (?), директоре Института микробиологии АН УССР имени Заболотного;

Анисимове Михаиле Сергеевиче, директоре Всесоюзного института кормов (арестован 3 декабря 1937 года);

Занде Исааке Абрамовиче, философе, доценте Коммунистического университета в Москве (расстрелян после 1 декабря 1939 года);

Герасимове Дмитрии Александровиче, геоботанике, заместителе директора Московского торфяного института (погиб в лагере в 1942 году);

Векслине Нансон-Бер Залмановиче, бывшем ректоре Казанского университета (умер в Норильлаге в 1943 (?) году).

Адрес общества «Мемориал»: Москва, 125319, абонентный ящик № 2, «Мемориал».

З. ЭЙДЕЛЬМАН (*г. Харьков*): Я прочла в вашем журнале слова памяти о моем муже, Георгии Евгеньевиче Спангенберге-Спангорове. Великая вам благодарность за рубрику «Долг памяти», столь необходимую нам — родным наших великомучеников.

Я хочу коротко рассказать вам о моих «хождениях по мукам» с 1938 года.

Муж был арестован в марте 1938 года на Кубанской опытной станции ВИРа. Я сразу же поехала в Краснодар, добилась приема у начальника НКВД. Рассказала ему о революционной и научной деятельности мужа, назвала фамилию клеветника-доносчика. Я тогда еще не понимала, что происходит в стране. Этот начальник не пожалел своего времени и начал уговаривать меня отказаться от «изменника Родины» и устраивать свою молодую жизнь.

Из Краснодара я поехала в Москву и обратилась к А. И. Микояну, который хорошо знал Г. Е. по бакинскому подполью. В 1918 году они сидели в одной камере в тюрьме. Бакинская компартия организовала их побег. Однако А. И. Микоян не откликнулся на мои просьбы, заявления и телеграммы. Я обращалась и к видным ученым-биологам, которые хорошо знали Г. Е., и просила прислать отзывы о его работах. Я вскоре получила прекрасные, правдивые отзывы из Ленинграда, Харькова, Днепропетровска. Обратилась я и к академику Н. И. Вавилову, с которым Г. Е. работал в тесном контакте в последние пять лет. Я пришла на его московскую квартиру 27 июля 1939 года. Николай Иванович принял меня очень тепло, написал прекрасные слова о муже, ни минуты не раздумывая над тем, чем может для него обернуться хороший отзыв о человеке, уже находившемся за решеткой. А ведь Н. И. тогда уже знал, что сам он «под колпаком» Лысенко — Берии. Пошла я на прием и к Лысенко, который стал президентом ВАСХНИЛ. Лысенко еле выслушал меня и дал ответ: обратитесь в НКВД.

Все годы до войны я ездила в Москву, подавала заявления и копии отзывов в НКВД и в Главную прокуратуру. В 1941 году в кабинете сотрудников Московского НКВД меня «оглушили» словами: Г. Е. расстрелян по приговору «тройки». И после этих слов «утешили» — эти приговоры проверили, признали их неправильными и «тройку» расстреляли. Не помню, как женщины из очереди в приемной довели меня до дома, где жила моя сестра...

Уже сейчас, в период гласности, я обратилась в Краснодарский НКВД с просьбой ознакомить меня с материалами ведения следствия. В ответе приговор они подтвердили, но как велось следствие, не рассказали. Мне и моим детям надо это знать!

Т. КОРЕНЕВА (*с. Сагурамо, Грузинская ССР*): Благодарю вас, а также все редакции периодических изданий за публикации материалов, относящихся к ужасающим репрессиям тридцатых — сороковых и других прошедших лет.

Мой отец, Коренев Дмитрий Алексеевич, 1889 года рождения, врач-терапевт-невропатолог работал директором межрайонной малярийной станции, по совместительству заведывал инфекционным отделением городской больницы в Ставрополе (по административному делению 1937 года Ворошиловск Орджоникидзевского края). Был арестован 23 октября 1937 года. Находясь под следствием, умер через две недели, 6 ноября. За отсутствием состава преступления дело было прекращено. Маму мою, домохозяйку, Кореневу Антонину Ивановну, 1897 года рождения, через месяц после смерти неосужденного отца, 16 декабря 1937 года судила тройка. В 1944 году она умерла в лагере. Мне не сообщили больше ничего. Посмертно полностью реабилитирована.

Сколько еще подобных моим родителям людей было уничтожено? Кто и когда отважится сказать об этом всю правду?

Во всех сферах нашего несчастного государства были невосполнимые потери. По-моему, нужно, чтобы было опубликовано обращение к нам, оставшимся в живых потомкам людей, уничтоженных в те кошмарные годы, с просьбой сообщить имеющиеся данные о них. Если откликнется хотя бы половина оставшихся в живых членов семей погибших в лагерях НКВД и КГБ, цифры будут такие громадные, что официальные органы побоятся их публиковать. Пожалуй, Колыма, Воркута и Соловки смело могут «соревноваться» по количеству и «качеству» убийств со всеми нам известными лагерями Освенцим, Бухенвальд, Майданек с той только разницей, что там уничтожали людей-врагов, а в наших лагерях — своих сограждан. Вот уж где был истинный геноцид!

Чтобы правительству быть до конца честным перед народом, необходимо опубликовать число жертв всей системы уничтожения, которая начала работать с момента коллективизации и раскулачивания, за все годы — с окончания гражданской войны. Только не верю я, что кто-нибудь на такое отважится.

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СПРАШИВАЕТ, СПОРИТ

Калейдоскоп мнений

А. БОРОВЫХ (*Ленинград*): — Считаю ваш журнал одним из лучших. Большинство статей очень информативны, дают пищу для размышлений. Я, например, прочитав статью «На грани — и за ней», понял некоторые нюансы сталинизма, а также корни армейской «дедовщины». В противоположность тому, что пишут некоторые читатели, я бы выписывал ваш журнал, даже если бы в нем совсем не было фантастики.

А. ЗАБОЛОТНИКОВ (*Москва*): Что журнал «Знание — сила» год от года становится все менее интересным, все дальше уходит от острых современных проблем, доказывать не нужно. Популярность пала так низко, что редкую статью хочется дать почитать знакомым.

Во времена свободной подписки большинство изданий увеличило свои тиражи, а вы снизили. Я сам и мои знакомые продолжаем подписываться по инерции. Ждем, может, вы задумаетесь над своей работой. Но вот получаю двенадцатый номер, и что же вижу? Это уже падение, дальше некуда. Начинаете трясти старые сундуки. «Дошли до ручки».

Вам срочно нужно что-то делать.

Думаю, целесообразно повернуться лицом к современным, острым проблемам — социальным, этическим, политическим, философским, педагогическим. Статьи должны быть остро полемическими.

Д. ПЕТРЯКОВ (*г. Ярославль*): Я — рабочий, наукой не увлекаюсь, но «Знание — сила» выписываю для сына. Я очень благодарен вам за журнал, за его направление, а главное — умение пробудить у молодежи интерес к науке, знаниям, понимание природы. Мне кажется, что только благодаря вашему журналу сын увлекся биологией и философской мыслью. Он пошел учиться в пединститут на биологический факультет. Низкий вам поклон, благодарю за ваше издание.

Ю. ВАРАКСИН (*Москва*): Подписываясь на журнал, я как читатель рассчитываю получить знание, а не личные, во многом спорные гипотезы авторов. Я не против публикации различных мнений, но с тем непременным условием, чтобы рядом помещалась оценка оппонента. А читатель сам сделает выводы.

О. ТОЛМАЧЕВ (*г. Андижан*): Вашему журналу не хватает полета воображения, масштабности мысли, новых открытий, смелых гипотез.

Д. СОЛОНЧЕНКО (*г. Игарка*): Выписываю «Знание — сила» около двадцати лет. Не возражал и в связи с изменением формата. Но содержание... Уж очень он стал «политизированным», ну прямо не научно-популярный журнал, а «Агитатор» или «Коммунист».

Если меньше будете помещать научно-популярного материала, то в будущем году вы потеряете еще одного подписчика.

В. ПРИЩЕПА (*г. Киев*): Уже много лет я выписываю «Знание — сила», всегда с интересом читаю и с нетерпением жду следующего номера. А в последнее время ваш журнал стал для меня прямо-таки источником хорошего настроения, ожиданием маленького чуда и радости познания всего того, что до сих пор еще было «под замком».

Общество подчас впадает в удивительные заблуждения. Мы хотим попробовать развеять одно из них. Об этом статья.

Фото А. Подосинова

Диагноз или приговор?

Б. Шведин,
кандидат психологических наук

...Человек осужден быть свободным.
Ж.-П. Сартр

Есть, как известно, такая наука — психодиагностика. Принято понимать ее в качестве «дисциплины о методах классификации и ранжирования людей по психологическому и психофизиологическим признакам» («Психологическая диагностика»).

Классифицируют, ранжируют и отсеивают по психологическим особенностям непригодных сегодня в системе образования, в спорте, в производственных коллективах и в вооруженных силах. Психологические тесты служат и для профессионального отбора в его самых различных вариантах, и для аттестации кадров, и для формирования резерва на выдвижение, их используют многоликие службы семьи. В общественном мнении даже утвердилось убеждение,

что уже сам факт применения психодиагностических методов — показатель прогрессивности и новаторства, и — как следствие — необходимость психологического тестирования кажется самоочевидной. Это можно, на мой взгляд, объяснить распространенным бытовым стереотипом: раз люди разные, то их можно и нужно ранжировать. В результате — удивительная покорность и готовность подвергаться такому ранжированию, в принципе унизительному для любой личности. Мне кажется, что это не просто дань непрожитому у нас естественным образом периоду активного развития психометрики.

Бурный старт методики психологического тестирования в нашей стране в двадцатые — тридцатые годы был прерван волевым решением «сверху». В 1936 году вышло постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов», которое осуждало практику применения тестов. Тем самым, по-видимому, общественная реакция на них так и не сформировалась (во всяком случае, сегодня практически не приходится располагать какой-либо информацией, позволяющей судить о такой реакции), а длительное время господствовавший в отечественной психологии логико-позитивистский подход, не ограниченный никакими альтернативами, привел к тому, что из психологии тихо и незаметно «ушел» человек. Остались социально послушные, приученные к анкетированию «клиенты» и «респонденты», с одной стороны, и с другой «маги» и «волшебники», ловко формулирующие гипотезы о поведении и развитии личности и умело переходящие к их практическому применению. Есть выражение: «С водой выплеснули и ребенка». Но сегодня достигнут новый уровень: ребенка «выплеснули», вода осталась.

Инструментально-позитивистская ориентация, «строгие» объективные методы стали тем строительным материалом, из которого постепенно и незаметно выросло изящное строение, своего рода «китайская стена», отделяющая мир психодиагностики от человеческого бытия. И какие бы благородные цели перед собой при этом ни ставил психолог (помочь в выборе профессии, например), но коль он сознательно ранжирует людей по психологическим основаниям с применением специальных методов и использует полученные результаты в решении судьбы человека, независимо от его желания возникает нравственная коллизия: тот, кто оценивает, это своего рода «судья», а тот, кого оценивают, — «подсудимый». Не случайно в лексиконе психологов появились такие выражения, как «отслеживать», «психологическое сопровождение», «прогонять» (имеется в виду через тесты), «срезать» и т. д. Иными словами, в подобной ситуации — и они пострадавшие: можно смело говорить о том, что с психологом происходит нравственная деформация, если он смело подходит к испытуемым как к «человеческому материалу».

Социолог Г. С. Батыгин отмечает: если исследователь «вдруг ощутит в себе некую интеллектуальную «харизму» — приобщенность к высшим тайнам бытия,— тогда происходит метаморфоза: такие же, как и он, люди превращаются в «мирян», обреченных на незавидную роль респондентов».

Однако думается, что это избыточно деликатная оценка ситуации. На самом деле «приобщенность к высшим тайнам бытия» — это, по всей видимости, только повод (очень «серьезный», «научный»), который позволяет «психологу» выписать себе нравственную индульгенцию, а иначе говоря, просто разрешить себе именно так подходить к людям. Поэтому уже не приходится удивляться, когда на страницах солидного издания («Общая психодиагностика», Москва, 1987) читаешь: «...психолог не несет ответственности ни за диагноз, ни за то, какое лечение будет проведено больному врачом. По той же схеме происходит использование психодиагностических данных при... психодиагностике профессиональной компетентности работника или профпригодности по запросу администрации».

От этой фундаментальной работы под редакцией уважаемых ученых веет такой мироотстраненностью и леденящим душу холодом «высокой науки», что, честно говоря, становится даже как-то не по себе. Да, сегодня благодаря широко распространенной «инструментальной» традиции психологического мышления дело дошло до того, что подобные нравственные индульгенции позволяет выписывать себе каждый, кто только имеет на руках тесты и хотя бы мало-мальски знаком с их применением. При этом все объясняется очень просто: «если метод научно обоснован, то и я, пользуясь им, действую так же».

Но позволительно ли нам, психологам, не думать о том, что наша работа может существовать благодаря и за счет нравственного ущемления кого-то другого? Причем зная, что система отношений, которая складывается между специалистами в области профессионального отбора и теми, кто выступает в роли социального заказчика, весьма оригинальна: сами заказчики преимущественно психологическому тестированию не подвергаются. (Впрочем, как и психологи. В процессе общения со многими специалистами в области разработки и применения личностных опросников удалось выяснить, что практически мало кто из них использует этот инструментарий для решения разнообразных вопросов, возникающих в собственной жизни.)

Так что в целом ситуация с психодиагностикой в нашей стране приобретает, прямо скажем, некоторый трагедийный оттенок. Такой вывод невольно напрашивается, когда обнаруживаешь, что среди работ и публикаций в этой области не находится места даже робкой попытке критического осмысления создавшегося положения, за исключением, быть может, двух-трех работ самого последнего времени. И в этом нетрудно убедиться. «Противников тестирования,— пишет, например, А. Юревич в «Психологическом журнале»,— беспокоит, что по его результатам куда-нибудь, например в вуз, может не попасть талантливый ребенок, плохо справляющийся с тестами. Может, конечно. Любая практика целенаправленного отбора в отдельных случаях дает сбои, однако потенциальный ущерб от них следует оценивать не сам по себе, а в соотнесении с потенциальным ущербом от отсутствия этой практики. Борцов с тестированием не беспокоит то, что в министры может попасть человек, по своим интеллектуальным качествам неспособный управлять бригадой».

Подход, как видим, привычный: «лес рубят — щепки летят». Один человек не в счет, если речь идет о благополучии многих. Это неново, это уже было... Непонятно только, какая связь между министрами и психологическими тестами? Во всем мире министров стараются назначать с помощью открытых демократических процедур. (Кажется, такая же практика начинается и у нас.) Когда же сторонникам тестологической дискриминации становится особенно жарко, в дело вступает последний довод: «А ведь они-то, на Западе, применяют!» Да, новичок тут невольно может прийти в полное замешательство.

Но будем последовательны. Как же сейчас «у них», на Западе, с психологическим тестированием?

«Процедуры традиционного тестирования мало пригодны для оценки перспективной продуктивности кандидатов на различные должности — гораздо более подходит для этой цели проверка кандидата в реальных производственных ситуациях, требующих проявления необходимых для будущей работы качеств»,— это из американского пособия «по подбору кадров».

В целом же тенденция такова. Пик увлечения тестами приходился приблизительно на начало и середину семидесятых годов.

Одними из первых массированному воздействию психологических тестов подверглись граждане США. И тут же началась их борьба против тестирования, которое рассматривалось как попытка вторжения в личную жизнь и нарушение конституционных свобод. В дело включились пресса и суды. В Конгрессе США в конце семидесятых годов прошла волна специальных слушаний, посвященных практике отбора персонала. Сейчас преобладает критическое отношение к психологическому тестированию как со стороны самих психологов, так и широких слоев общественности. Причем очень часто это отношение выражается в юридической форме. Итог: в ряде штатов США приняты законы, запрещающие применение интеллектуальных групповых тестов в школах, а также вынесены судебные решения, запрещающие или ограничивающие использование различных видов тестов с целью отбора, сортировки или проверки людей. Отмеченная тенденция доминирует, хотя и встречаются отдельные сообщения о применении в практических целях личностных опросников, например Р. Кэттела.

Думается, что и у «наших» и у «не наших» тестологов проблемы возникали как раз из-за невнимания к нравственной цене психологической селекции людей. Но, как мы видим, Запад уже успел покаяться и начал перестраиваться. Поставлен диагноз болезни, начато лечение. Во всяком случае, об этом свидетельствуют и работы самих ученых, и факт создания Ассоциации гуманистической психологии, и широкое, всестороннее обсуждение острых вопросов психодиагностики.

При таком подходе меняется точка приложения усилий практических психологов. И если традиционно главное внимание «во имя человека» было сосредоточено на самом человеке (его и измеряли, и ранжировали), то теперь начинает доминировать мнение: измерять и изменять во имя человека и совместно с ним нужно его «среду», то есть самое жизнь. При этом нам очень важно обязательно расстаться с весьма, прямо скажем, непривлекательным и нравственно дискомфортным статусом «демиурга-благодетеля», который автоматически приобретался ученым вместе с комплектом психодиагностического вооружения. Мы должны вернуться к «мирянам».

Б. Шведин.
Диагноз или приговор!

При нормальном, гуманном, отношении психолога к респонденту испытующий ни в коем случае не должен выступать в роли судьи только потому, что у него есть для этого соответствующие методы или диплом профессионала. Отношения должны быть равными, а деление на роли принципиально иным. «Респондент» — это **тот, кто идет** за советом и помощью. «Психолог» — **тот, к кому идут**. Но даже помощь во благо не стоит навязывать.

Думается, что положение дел может измениться в лучшую сторону, прежде всего если фундаментально гуманизируются позиции отечественной психологии, а соответственно, и подготовка психологов. Благо, для этого есть богатые и философские, и собственно психологические традиции. Сегодня же важно выяснить, как нам относиться в связи с поднятыми вопросами к психодиагностике в целом и тем прикладным направлениям, которые она породила — в частности.

Становится очевидно, что оценивать можно только конкретные действия, поступки, деятельность человека, а не его самого в чистом виде, оставив наедине с абстрактными вопросами личностного теста. Иными словами, оценивать допустимо человека лишь как субъекта деятельности, а не личность, и то лишь в определенных случаях. Например, при устройстве на работу, требующую определенных личностных качеств. Причем сама процедура и методы оценки в таком случае должны, как нам кажется, удовлетворять ряду требований.

Во-первых, добровольное согласие. Испытание и характер выводов должны быть при этом нравственно приемлемыми. Получать результаты должен сам испытуемый, имеющий к тому же право на юридическую защиту своего нежелания быть тестируемым. Психолог обязан постоянно подвергать собственные действия нравственной экспертизе, следуя знаменитому девизу клятвы Гиппократа: «Не повреди!»

Не выполнение данного требования позволяет нам рассматривать любые существующие процедуры оценки человека как своеобразную форму очень тонкого, «научно» обеспеченного насилия над личностью.

Во-вторых, открытость. Никто ни от кого не прячется. Критерии и методы оценки жизнесообразны, то есть максимально естественны. Они не выходят за пределы профессиональной деятельности, раз речь идет об оценке не личности как таковой, а работника.

В-третьих, обязательная последующая проверка данных психодиагностики косвенной оценкой работника через результат его работы. Мы живем в мире, где наша деятельность оценивается, как правило, косвенно и чаще всего отсроченно. Иногда и за пределами жизни конкретного человека. А нас что-то постоянно подталкивает к быстрой, сиюминутной оценке, а следовательно, и к очень вероятной ошибке.

Наверное, пришло время подумать, стоит ли вообще выводить психодиагностику за рамки психиатрии, которые определил, собственно говоря, автор самого термина «психодиагностика» Роршах в 1921 году. Не в расширительном ли ее применении таится одна из причин тех нравственных проблем, которые возникли? И если это так, то можно утверждать, что экспансия психодиагностики в прикладную психологию как бы усилила действие целого ряда причин, приведших к драматическим для личности и общества последствиям: когда люди не очень хотят пробовать свои силы, делегируют право оценки себя «профессионалам», а затем начинают жить по «рассчитанной траектории».. Кем-то рассчитанной.

А. Н. Винер утверждал, что «человек, никогда не пробовавший выйти за пределы своих явных возможностей и гордящийся тем, что в списке его достижений нет ни одной ошибки, так и не испытал, вероятно, своих сил до конца. Такой человек заслуживает скорее не похвалы, а порицания за то, что предпочел душевное спокойствие выполнению духовного долга». При этом важно подчеркнуть, что во многом само общество ответственно за появление людей подобного образа действия.

Я уверен, между прочим, что, выявив соотношение людей с пассивным и активным типом жизненной ориентации, можно было бы даже вычислить некий гипотетический коэффициент как один из критериев нравственного здоровья общества.

Поток проблем, поставленных жизнью, бьет через край. Сделать нашу жизнедеятельность более человекообразной невозможно без ее основательного психологического анализа. Однако это не только не одно и то же, а во многом прямо противоположно тому, чем занимается сегодня психодиагностика.

Если человек не верит в себя, тем более что для этого ему предоставляются многочисленные возможности, то он вынужден верить в идеологические догмы, авторитет, обстоятельства, в социальные мифы, мудрость государственных учреждений, потусторонние силы. И в психодиагностику.

Это не социальная неизбежность, а социальный недуг, поражающее действие которого мы испытываем все более явно и отчетливо. Не отсюда ли наша избыточная готовность положительно реагировать на любые команды «сверху», «снизу», «сбоку»? И не здесь ли источник тех состояний интеллектуальной и нравственной невесомости, в которых мы оказываемся? Не слишком ли велика плата за житейский покой и комфорт? И так ли уж необходимо к ним стремиться?

Мы одиноки в этом мире, и нет нам извне ний — так, кажется, изречено в Библии. То есть за все, что с нами происходит, отвечаем только мы сами. Никто и ничто больше.

Мы все равны в этой жизни — и психолог, и респонденты. Жизнь постоянно тестирует нас и похлеще самых изощренных опросников и личностных тестов. Выполняя свой нравственный долг «быть человеком», каждый преодолевает сонм препятствий и, эволюционируя сам, влияет на развитие других.

«Для того, чтобы понимать жизнь, — пишет Батыгин, — мало изобретать особые средства познания. Надо жить в этом мире, страдать, любить, радоваться доброму, ненавидеть злое и уметь высказать все, что пережито. Не в этом ли подлинная социология?»

Не пора ли и нам, психологам, спросить себя об этом?

Папоротник наступает

Смертельная угроза нависла над английскими лужайками, газонами и скверами, склонами холмов и пастбищами. Им угрожает ничем не примечательное на вид растение — папоротник орляк.

Каждый год, как указывает ботаник Джим Тейлор из университетского колледжа Уэльса, папоротник орляк захватывает новые 126 квадратных миль сельскохозяйственных угодий, и на сегодня заросли этого растения занимают уже 4200 квадратных миль английских земель. Папоротник закрывает другим растениям доступ к солнечному свету, он высасывает из почвы влагу и питательные вещества и таким образом медленно и неуклонно захватывает экосистему, тогда как соседствующие с ним растения погибают. Чтобы уничтожить другие растения, папоротник использует запрещенные методы ведения войны — отравляющие вещества, которые он выделяет в ходе наступления. Своими ядовитыми химическими соединениями он отпугивает вредных насекомых, причем яд действует и на крупных животных, правда медленно, но довольно эффективно.

Англия — не единственная страна, где папоротник орляк стал угрозой. Это неприхотливое растение распространено повсюду. Орляк — упорный противник, и, раз начав наступать, он не поддается уничтожению ни огнем (выжиганием), ни мечом (распахиванием плугом). Единственное, чего он боится, это южноафриканская моль, которая любит поедать это растение. Английские ученые намереваются провести испытание этого насекомого на одном из отдаленных островов Англии, однако английский Комитет защиты природы категорически против этого, ибо считает, и вполне обоснованно, что один неверный шаг может вызвать новую не поддающуюся учету угрозу.

Секрет медвежьей шкуры

Природа снабдила полярных медведей белым мехом. С одной стороны, это очень хорошо: позволяет им маскироваться во льдах и снегах. С другой — очень неудобно: в полярных областях солнце еле-еле греет; чтобы полнее использовать солнечное тепло, медведю следовало бы иметь черную шкуру, которая наилучшим образом поглощает солнечные лучи. Белый мех, напротив, отражает солнечные лучи, что должно негативно сказываться на энергетическом обмене животных.

Точные исследования медвежьего меха, проведенные учеными Канады и других стран, показали, что это противоречие природа разрешила весьма изобретательно и элегантно. Волоски меха — пустотелые, причем внутренняя поверхность их шероховатая. Видимый свет хорошо отражается неровностями внутри волосков, именно поэтому медвежья шкура кажется глазу наблюдателей белой. В то же время невидимые ультрафиолетовые лучи проходят через пустотелые волоски почти без потерь. (Подобные эффекты наблюдаются и в световодах.) Под белыми волосками шкура имеет совершенно черный цвет и воспринимает солнечные лучи, подведенные к ней пустотелыми волосками, весьма интенсивно. Таким образом, полярный медведь в светлый, солнечный период полярного лета «из воздуха» покрывает четверть своей потребности в энергии. Это помогает ему создавать резервы подкожного жира для полярной ночи.

И еще одно удивительное свойство медвежьей шкуры: мех расположен по всему телу одинаково, что обеспечивает равномерное восприятие ультрафиолетового излучения отовсюду. В Арктике солнечные лучи сильно отражаются снегом и льдом, так что организм животного прогревается со всех сторон, даже снизу. Отлично «продуманная» природой структура медвежьей шкуры обеспечивает ее владельцу надежную тепловую изоляцию. Если температура кожи животного равна примерно температуре человеческой кожи, то на поверхности меха она не выше температуры окружающей среды. Так что медведю не приходится «отапливать» воздух.

Идеи рождаются, живут, развиваются, принимая новый облик, порой далекий от первоначального, становятся основой для концепции, позиции. Но всегда важно помнить о точке отсчета развития идеи, о первоисточнике. Таким первоисточником одной из концепций об истоках событий, связанных с революцией в России, является статья Н. Бердяева «Духи русской революции», написанная в 1918 году, как и весь, впрочем, сборник «Из глубины», в который она вошла. Среди других программных сборников русской интеллигенции, таких, как «Вехи» (1909) или «Из-под глыб» (1974), этот имеет, быть может, наиболее трагичную судьбу и такое же содержание. Статьи, собранные в нем, написаны в разгар гражданской войны, и все противоречия революции отразились в пафосе горестных замет, представляющих собой моментальный снимок восприятия происходящего и объединенных в тонкой книжице. С наибольшей же силой — в бердяевских «Духах». Именно поэтому мы выбрали эту его статью, кстати, вовсе не характерную для позднейшего Н. Бердяева, зато чрезвычайно характерную для общего мироощущения авторов «Из глубины». В наши дни вариации этого мироощущения высказываются во многих дискуссиях, и иногда их участники склонны занять позицию наших сторонних судей. Нам кажется, было бы полезно сопоставить эти вариации с первоисточником, статьей Н. Бердяева, у которого нет и быть не могло отстраненности от своего народа. В «Духах русской революции», как и в других работах, он предельно искренен, честен, его оценки, выводы, доведенные здесь до логического конца, обнажают противоречивость позиции. Отрывок из статьи Н. Бердяева комментирует Р. Гальцева, известный исследователь философии XX века, в том числе и творчества Бердяева. Этой публикацией журнал продолжает разговор о судьбах и путях русской революции, о роли и месте в ней интеллигенции, разговор, начатый статьей М. Арапова (1990 год, № 2) и дискуссией между Б. Цейтлиным и И. Яковенко (1990 год, №№ 3 и 4). Редакция предполагает и далее знакомить читателей с различными точками зрения на эту проблему

Н. Бердяев

Гоголь в русской революции

Гоголь принадлежит к самым загадочным русским писателям, и еще мало сделано для его познания. Он загадочнее Достоевского. Достоевский много сделал сам для того, чтобы раскрыть все противоположности и все бездны своего духа. Видно, как дьявол с Богом борется в его душе и в его творчестве. Гоголь же скрывал себя и унес с собой в могилу какую-то неразгаданную тайну. Поистине есть в нем что-то жуткое. Гоголь — единственный русский писатель, в котором было чувство магизма, он художественно передает действие темных, злых магических сил. Это, вероятно, пришло к нему с Запада, от католической Польши. «Страшная месть» насыщена таким магизмом. Но в более прикрытых формах есть этот магизм и в «Мертвых душах», и в «Ревизоре». У Гоголя было совершенно исключительное по силе чувство зла. И он не находил тех утешений, которые находил Достоевский в образе Зосимы и в прикосновении к матери-земле. Нет у него всех этих клейких листочков, нет нигде спасения от окружавших его демонических рож. Жуткости гоголевского художества совершенно не чувствовала старая школа русских критиков. Да и где им было почувствовать Гоголя! Их предохраняло от восприятия и от понимания таких жутких явлений рационалистическое просвещение. Наша критика была для этого слишком «прогрессивного» образа мыслей, она не верила в нечисть, она хотела использовать Гоголя лишь для своих утилитарно-общественных целей. Она ведь всегда пользовалась творчеством великих писателей для утилитарно-общественной проповеди. Впервые почувствовал жуткость Гоголя писатель другой школы, других истоков и другого духа — В. В. Розанов. Он не любит Гоголя и пишет о нем со злым чувством, но он понял, что Гоголь был художником зла. Вот что необходимо прежде всего установить — творчество Гоголя есть художественное откровение зла как начала метафизического и внутреннего, а не зла общественного и внешнего, связанного с политической отсталостью и непросвещенностью. Гоголю не дано было увидеть образов добра и художественно передать их. В этом была его трагедия. И он сам испугался своего исключительного видения образов зла и уродства. Но то, что было его духовным калечеством, то породило и всю остроту его художественного зла.

Проблема Гоголя стала лишь перед тем религиозно-философским и художественным течением, которое обозначилось у нас в начале XX века. Гоголя принято было считать основателем реалистического направления в русской литературе. Странности гоголевского творчества объясняли исключительно тем, что он был сатириком и изображал неправду старой крепостнической России. Всю необычайность гоголевских художественных приемов просмотрели. В гоголевском творчестве не видели ничего проблематического, потому что вообще не видели ничего проблематического. Все представлялось русским критикам ясным и легко объяснимым, все было упрощено и сведено к элементарной утилитарной задаче. Поистине можно сказать, что критическая школа Белинского, Чернышевского, Добролюбова и их эпигонов просмотрела внутренний смысл великой русской литературы и не в силах была оценить ее художественные откровения. Должен был произойти духовный кризис, должны были быть потрясены все основы традиционного интеллигентского мировоззрения, чтобы по-новому раскрылось творчество великих русских писателей. Тогда только сделался возможен и подход к Гоголю. Старый взгляд на Гоголя как на реалиста и сатирика требует радикального пересмотра. Теперь уже, после всех усложнений нашей психики и нашего мышления, слишком ясно, что взгляд литературных староверов на Гоголя не стоит на высоте гоголевской проблемы. Нам представляется чудовищным, как могли увидеть реализм в «Мертвых душах», произведении невероятном и небывалом. Странное и загадочное творчество Гоголя не может быть отнесено к разряду общественной сатиры, изобличающей временные и проходящие пороки и грехи дореформенного русского общества. Мертвые души не имеют обязательной и неразрывной связи с крепостным бытом и ревизор — с дореформенным чиновничеством. И сейчас, после всех реформ

и революций, Россия полна мертвыми душами и ревизорами, и гоголевские образы не умерли, не отошли в прошлое, как образы Тургенева или Гончарова. Художественные приемы Гоголя, которые менее всего могут быть названы реалистическими и представляют своеобразный эксперимент, расчленяющий и распластывающий органически целостную действительность, раскрывают что-то очень существенное для России и для русского человека, какие-то духовные болезни, не излечимые никакими внешними общественными реформами и революциями. Гоголевская Россия не есть только дореформенный наш быт, она принадлежит метафизическому характеру русского народа и обнаруживается и в русской революции. То нечеловеческое хамство, которое увидел Гоголь, не есть порождение старого строя, не обусловлено причинами социальными и политическими; наоборот, оно породило все, что было дурного в старом строе, оно отпечаталось на политических и социальных формах.

Гоголь как художник предвосхитил новейшие аналитические течения в искусстве, обнаружившиеся в связи с кризисом искусства. Он предваряет искусство А. Белого и П. Пикассо. В нем были уже те восприятия действительности, которые привели к кубизму. В художестве его есть уже кубистическое расчленение живого бытия. Гоголь видел уже тех чудовищ, которые позже художественно увидел Пикассо. Но Гоголь ввел в обман, так как прикрыл смехом свое демоническое созерцание. Из новых русских художников за Гоголем идет даровитейший из них — Андрей Белый, для которого окончательно померк образ человека и погрузился в космические вихри. А. Белый не видит органической красоты в человеке, как не видит ее Гоголь. Он во многом следует за художественными приемами Гоголя, но делает и совершенно новые завоевания в области формы. Уже Гоголь подверг аналитическому расчленению органически цельный образ человека. У Гоголя нет человеческих образов, а есть лишь морды и рожи, лишь чудовища, подобные складным чудовищам кубизма. В творчестве его есть человекоубийство. И Розанов прямо обвиняет его в человекоубийстве. Гоголь не в силах был дать положительных человеческих образов и очень страдал от этого. Он мучительно искал образ человека и не находил его, со всех сторон обступали его безобразные и нечеловеческие чудовища. В этом была его трагедия. Он верил в человека, искал красоты человека и не находил его в России. В этом было что-то невыразимо мучительное, это могло довести до сумасшествия. В самом Гоголе был какой-то духовный вывих, и он носил в себе какую-то неразгаданную тайну. Но нельзя винить его за то, что вместо образа человека он увидел в России Чичикова, Ноздрева, Собакевича, Хлестакова, Сквозник-Дмухановского и т. п. чудищ. Его великому и неправдоподобному художеству дано было открыть отрицательные стороны русского народа, его темных духов, все то, что в нем было нечеловеческого, искажающего образ и подобие Божие. Его ужаснула и ранила эта нераскрытость в России человеческой личности, это обилие элементарных духов природы вместо людей. Гоголь — инфернальный художник. Гоголевские образы — клочья людей, а не люди, гримасы людей. Не его вина, что в России было так мало образов человеческих, подлинных личностей, так много лжи и лжеобразов, подмен, так много безобра́зности и безо́бразности. Гоголь нестерпимо страдал от этого. Его дар прозрения духов пошлости — несчастный дар, и он пал жертвой этого дара. Он открыл нестерпимое зло пошлости, и это давило его. Нет образа человека и у А. Белого. Но он принадлежит уже другой эпохе, в которой пошатнулась вера в образ человека. Эта вера была еще у Гоголя.

Русские люди, желавшие революции и возлагавшие на нее великие надежды, верили, что чудовищные образы гоголевской России исчезнут, когда революционная гроза очистит нас от всякой скверны. В Хлестакове и Сквозник-Дмухановском, в Чичикове и Ноздреве видели исключительно образы старой России, воспитанной самовластьем и крепостным правом. В этом было заблуждение революционного сознания, не способного проникнуть в глубь жизни. В революции раскрылась все та же старая, вечно гоголевская Россия, нечеловеческая, полузвериная Россия харь и морд. В нестерпимой революционной пошлости есть вечно гоголевское. Тщетны оказались надежды, что революция раскроет в России человеческий образ, что личность человеческая подымется во весь свой рост после того, как падет самовластье. Слишком многое привыкли у нас относить на счет самодержавия, все зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить. Но этим только сбрасывали с себя русские люди бремя ответственности и приучили себя к безответственности. Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались. Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре. Нет уже старого самодержавия, а самовластье по-прежнему царит на Руси, по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам. Нет уже старого самодержавия, нет старого чиновничества, старой полиции, а взятка по-прежнему является устоем русской жизни, ее основной конституцией. Взятка расцвела еще больше, чем когда-либо. Происходит грандиозная нажива на революции. Сцены из Гоголя разыгрываются на каждом шагу в революционной России. Нет уже самодержавия, но по-прежнему Хлестаков разыгрывает из себя важного чиновника, по-прежнему все трепещут перед ним. Нет уже самодержавия, а Россия по-прежнему полна «мертвыми душами», по-прежнему происходит торг ими. Хлестаковская смелость на каждом шагу дает себя чувствовать в русской революции. Но ныне Хлестаков вознесся на самую вершину власти и имеет больше оснований, чем старый, говорить: «министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я» или: «а любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкутся и жужжат там, как шмели». Революционные Хлестаковы с большим правдоподобием могут говорить: «Кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, — нет, мудрено... Нечего делать — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров!» И революционный Иван Александрович берется управлять департаментом. И когда он проходит, «просто землетрясение, все дрожит и трясется, как лист». Революционный Иван Александрович горячится и кричит: «я шутить не люблю, я им задал острастку... Я такой! Я не посмотрю ни на кого... Я везде, везде». Эти хлестаковские речи мы слышим каждый день и на каждом шагу. Все дрожат и трясутся. Но, зная историю старого и вечного Хлестакова, в глубине души ждут, что войдет жандарм и скажет: «Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе». Страх контрреволюции, отравивший русскую революцию, и придает революционным дерзаниям хлестаковский характер. Это постоянное ожидание жандарма изобличает призрачность и лживость революционных достижений. Не будем обманываться внешностью. Революционный Хлестаков является в новом костюме и иначе себя именует. Но сущность остается той же. Тридцать пять тысяч курьеров могут быть представителями «Совета рабочих и солдатских депутатов». Но это не меняет дела. В основе лежит старая русская ложь и обман, давно увиденные Гоголем. Оторванность от глубины делает слишком легкими все движения. В силах ныне господствующих и властвующих так же мало онтологического, подлинно сущего, как и в гоголевском Хлестакове. Ноздрев говорил: «Вот граница! Все, что ни видишь по эту сторону, — все это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синеет, и все, что за лесом, — все мое». В большей части присвоений революции есть что-то ноздревское. Личина подменяет личность. Повсюду маски и двойники, гримасы и клочья человека. Изолгание бытия правит революцией. Все призрачно. Призрачны все партии, призрачны все власти, призрачны все герои революции. Нигде нельзя нащупать твердого бытия, нигде нельзя увидеть ясного человеческого лика. Эта призрачность, эта неонтологичность родилась от лживости. Гоголь раскрыл ее в русской стихии.

По-прежнему Чичиков ездит по русской земле и торгует мертвыми душами. Но ездит он не медленно в кибитке, а мчится в курьерских поездах и повсюду рассылает телеграммы. Та же стихия действует в новом темпе. Революционные Чичиковы скупают и перепродают несуществующие богатства, они оперируют с фикциями, а не с реальностями, они превращают в фикцию всю хозяйственно-экономическую жизнь России. Многие декреты революционной власти совершенно гоголевские по своей природе, и в огромной массе обывателей они встречают гоголевское к себе отношение. В стихии революции обнаруживается колоссальное мошенничество, бесчестность как болезнь русской души. Вся революция наша представляет собой бессовестный торг — торг народной душой и народным достоянием. Вся наша революционная аграрная реформа, эсеровская и большевистская, есть чичиковское предприятие. Она оперирует мертвыми душами, она возводит богатство народное на призрачном, нереальном базисе. В ней есть чичиковская смелость. В нашем летнем герое аграрной революции было поистине что-то гоголевское. Немало было также маниловщины в первом периоде революции и революционном временном правительстве. Но «Мертвые души» имеют и глубокий символический смысл. Все хари и рожи гоголевской эпопеи появились на почве омертвения русских душ. Омертвение душ делает возможными чичиковские похождения и встречи. Это длительное и давнее омертвение душ чувствуется и в русской революции. Потому и возможен в ней этот бесстыдный торг, этот наглый обман. Не революция сама по себе это создала. Революция — великая проявительница, и она проявила лишь то, что таилось в глубине России. Формы старого строя сдерживали проявления многих русских свойств, вводили их в принудительные границы. Падение этих обветшалых форм привело к тому, что русский человек окончательно разнуздался и появился нагишом. Злые духи, которых видел Гоголь в их статике, вырвались на свободу и учиняют оргию. Их гримасы приводят в содрогание тело несчастной России. Для Хлестаковых и Чичиковых ныне еще больший простор, чем во времена самодержавия. И освобождение от них предполагает духовное перерождение народа, внутренний в нем переворот. Революция не является таким переворотом. Истинная духовная революция в России была бы освобождением от той лживости, которую

видел в русских людях Гоголь, и победой над той призрачностью и подменой, которые от лживости рождаются. Во лжи есть легкость безответственности, она не связана ни с чем бытийственным, и на лжи можно построить самые смелые революции. Гоголю открывалось бесчестье как исконное русское свойство. Это бесчестье связано с неразвитостью и нераскрытостью личности в России, с подавленностью образа человека. С этим же связана и нечеловеческая пошлость, которой Гоголь нас подавляет и которой он сам был подавлен. Гоголь глубже славянофилов видел Россию. У него было сильное чувство зла, которого лишены были славянофилы. В вечно гоголевской России переплетается и смешивается трагическое и комическое. Комическое является результатом смешения и подмены. Это смешение и переплетение трагического и комического есть и в русской революции. Она вся основана на смешении и подмене, и потому в ней многое имеет природу комедии. Русская революция есть трагикомедия. Это — финал гоголевской эпопеи. И, быть может, самое мрачное и безнадежное в русской революции — это гоголевское в ней. В том, что в ней есть от Достоевского, больше просветов. России необходимо освободиться от власти гоголевских призраков.

Р. Гальцева

Послесловие

Напечатанный выше текст Н. А. Бердяева — это глава из его статьи «Духи русской революции», входящей в сборник «Из глубины». Созданный группой единомышленников во главе с П. Б. Струве — в сборнике участвуют также С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, П. И. Новгородцев, Вяч. Иванов и другие,— он продолжает серию коллективных трудов: «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909), объединенных не только идейной общностью, но и — с некоторыми вариациями — единым авторским составом. Выстроенные в хронологическом порядке, они, безусловно, демонстрируют интеллектуальное и эмоциональное крещендо. Если участники раннего сборника еще довольно эпически раздумывают о ложности господствующего позитивистского умонастроения с его этическим релятивизмом и взамен утверждают истинность основ философского идеализма, безусловное преимущество нравственных абсолютов и высшего достоинства личности, то следующий труд, «Вехи», открывает второй фронт против еще одного оплота интеллигентского сознания — революционного радикализма, ведет широкое наступление на него с позиций не только философской метафизики, но и религиозной веры, национально-культурных традиций и правового консервативного либерализма. Наследуя «Вехам» как драматическому «призыву и предостережению», рождавшемуся из опыта неудавшейся революции 1905 года, сборник «Из глубины» вышел по горячим следам победившего Октября и содержал трагические раздумья над истоками и последствиями этого события для России. Всех авторов, по словам П. Б. Струве, объединяло переживание «одной муки» и исповедание «одной веры», веры в то, что «положительные начала общественной жизни укоренены в глубинах религиозного сознания», и муки из-за того, что произошел разрыв этой связи, означающий «ни с чем не сравнимое морально-политическое крушение, которое постигло наш народ и наше государство».

Сборник «Из глубины» был в наборе летом 1918 года, но остановлен цензурой; однако в 1921 году самовольно выпущен типографскими рабочими. Большая часть этого тиража была, по-видимому, конфискована. Свет он увидел через полвека после событий, вызвавших его к жизни, то есть в 1967 году, в парижском издательстве «Имка-пресс». Что касается статьи Н. А. Бердяева, то она имела отдельную судьбу: уже в своем майско-июньском номере 1918 года ее опубликовал журнал «Русская мысль»; она — частично и целиком — возникала в зарубежных изданиях в 1959 и 1965 годах.

Публикуемая здесь главка, не случайно выделяемая разными изданиями, и существенна, и симптоматична: из нее можно одновременно извлечь как пример, так и предостережение. Примером может служить продемонстрированная философом позиция национальной самокритики, неоценимая в нашу эпоху борьбы национализмов. Однако сама по себе благородная склонность изобличать дефекты не чужого, а своего рода-племени принимает у Бердяева чрезмерный уклон — философ не хочет выйти за пределы обличения национальных пороков там, где уже требуется «различение духов». На этом опасном акценте, развившемся в популярную ныне концепцию как за рубежом, так и в нашей, отечественной публицистике, мы и остановимся.

Именно предлагаемым выше отрывком Бердяев впервые запустил в мировой интеллектуальный обиход одно из самых пагубных заблуждений насчет характера происшедшей в России Октябрьской революции, а вместе с тем русского характера как творца коммунистического общества XX века. Великая Октябрьская социалистическая революция объявлялась по сути своей порождением старых национальных свойств, которые, довольно неожиданно со стороны Бердяева, сводятся им к сочетанию из хамства, лени, бесчестия, безобразия, пошлости, мошенничества (неожиданно потому, что автор не без гордости всегда различал в своем народе и особо подчеркивал черты духовного максимализма, тяготения к крайностям, чуждого бескрылому «срединному царству» повседневности, что, может быть, и страшно, но уж никак не пошло, низко или ничтожно.

«С Россией произошла страшная катастрофа,— пишет он во «Вступлении», предваряющем главку.— Она ниспала в темную бездну». Из-за чего же, спросим, это вдруг произошло? Из-за лживости, из-за русской лени или, может быть, из-за пошлости? Конечно, грехов у русского человека много. Но разве состояние греховности, с точки зрения христианина Бердяева, не свойственно всему человеческому роду? Почему же только русский народ так ужасно пал? Хорошо, пусть у россиянина грехи, что называется, как на подбор, все равно, они не могут же сами собой распалившись, ввергнуть народ в бездну?! Никакие пороки не в состоянии спонтанно перелиться в революцию и вырваться на простор радикальных преобразований жизни (бунт и то требует инициативной затравки), для этого надо, чтобы кто-то пришел извне, отомкнул замок и выпустил сдерживаемые страсти наружу. Ключом, отпирающим такой замок, служит, конечно, идея.

Бердяев же предлагает нам по сути апорию: у него получается, что революция, родившаяся из одержимого пороками национального характера, вступила в борьбу со старым режимом, который, как мы узнаем, своими корнями уходил в тот же характер, вовсе не являясь только «социальной оболочкой народа», и произведен теми же пороками, что и революционный переворот. Зло раздвоилось и боролось с самим собой; в схватке революционеров с монархией «своя своих не познаша».

Почему же возникло подобное разделение и началась борьба однородных начал? Ответа на этот вопрос у мыслителя нет. Другие народы, рассказывает Бердяев в том же «Вступлении», тоже совершали «национальные» революции, и нации вносили в них «свои грехи и пороки, но также и свою способность к жертве и к энтузиазму», а вот Россия произвела «антинациональную», «несчастную и губительную» революцию, и в этом, по виртуозно диалектическому ходу мысли автора, как раз и сказался ее национальный характер. Да что же это за роковая стезя у народа, спросим мы, что иначе, как на самоистребление, он ни на что другое не способен? (И странно только, как он до сих пор себя не истребил.) Положение, в которое поставлен здесь русский народ, совершенно безвыходно. Беда этой нации с ее «метафизическим характером» не в том, что пороки ее стары и даже не в том, что они закоренелы, а в том, что вечны, что прирождены ей, гнездятся в самых недрах этого этноса, а потому неустранимы, пока существует он сам.

У Бердяева «гоголевские духи» не оставляют надежд. Все, что можно предпринять, исходя из них, это по возможности сократить поле деятельности этого обреченного, но опасного народа. Бердяев, разумеется, не доводит свои утверждения до конечных логических выводов и никогда не согласился бы с ними. Этот народ всегда вызывал — будет вызывать далее — у философа и восхищение, и горечь, но главное — живое волнение за его судьбу, отождествляемую со своей собственной, что совершенно невозможно при фатальном, генетическом взгляде на нацию. Конечно же, Бердяеву абсолютно чужды расовые предубеждения (а к своему народу они были бы прямо-таки противоестественны); он импульсивно и непредумышленно выражает свои впечатления от того вихря разнузданности, анархического аморализма, а вместе с тем организованного беззакония и нового беспорядка вещей, которые внушали ужас и разочарование современникам Н. Бердяева — И. Бунину, М. Волошину, С. Н. Булгакову. Сознание всего «серебряного века», несмотря на свое западничество, растерялось перед взрывом массового озлобления и отпадения от веры в среде «народа-богоносца». В тот момент между двумя обвиняемыми — народом и революцией — Бердяев сделал выбор в пользу последней не из нелюбви к своему народу, а как впечатлительный человек вместе с другими впечатлительными людьми, во-первых, и из-за давления идейной доминанты, во-вторых. Это был и жест отчаяния, и жертвоприношение своему «бумажному ангелу» радикальных перемен. Правда, ему все мечталась другая, предыдущая революция, он переживал срыв рожденных ею либеральных надежд, что можно проследить, например, по циклу статей, появившихся в весенне-летних номерах 1917 года еженедельника «Русская свобода». Бердяев начинал там с приветствия «самой бескровной и безболезненной из всех революций», в которой, кстати, он видел выражение «высших свойств русской души» и ее «особого качественного демократизма», «любви к свободе»,— и кончил насущным вопросом «кто виноват?» в уклонении революции на аморальные, нигилистические пути, причем ответ на него философ искал тогда вовсе не в народном сознании.

В последующем перекладывании вины на народ сказалась, по-видимому, еще и психологическая потребность уравновесить только что вырвавшийся из души пламенный антиреволюционный манифест «Философия неравенства: письма недругам по социальной философии» — Бердяев не терпел, чтобы его относили к определенному движению, партии, тем более — к «правым».

Между тем и в статье «Духи русской революции» и в других, тематически родственных работах нашего автора можно обнаружить нить рассуждений, выводящую нас из лабиринта национального детерминизма. Как понять, к примеру, кому адресовано возмущение Бердяева: «Вся наша революция представляет бессовестный торг... народной душой и народным достоянием»? Ясно, что не народу: народная душа себя себе же продавать не может. И не по причине же лености и пошлости люди вдруг начали торговлю друг другом и этим «приводят в содрогание тело несчастной России»? И к тому же есть еще, значит, такая драгоценность, как народная душа, есть еще кого в России жалеть и о ком плакать, а не только анафемствовать. А главное — на революционной сцене появляется кто-то другой, помимо злосчастного национального характера. Во «Введении», вступая в явное противоречие с мыслью об исключительно почвенном двигателе русской революции, Бердяев и прямо упоминает о некоем анонимном «враге»: «русские духи... использованы врагом нашим на погибель нашу». Да кто же

еще может быть тут врагом и кому, если эти «русские духи» (то есть русская душа) и есть самые главные враги рода человеческого, те самые враги, которые превращают чьи-то благие пожелания в гибельные предприятия?

Так обнаруживается, что в революции участвуют две различные и в то же время противостоящие друг другу силы. И если одну, действительно, можно назвать национальной почвой, то другая — это активно заряженные идеи, которые падают на эту почву как «семена из миров иных»; сама почва не родит их. Во всяком случае, семена тотальной переделки мирового порядка заводятся, а точнее, разводятся, развиваются в голове именно, по выражению американского социолога Д. Белла, «бездомного радикала», критически мыслящего аутсайдера, не отождествляющего себя ни с каким местом в общественной структуре, но глядящего на текущую жизнь извне, или «человека воздуха», чуждого традиционно-почвенному укладу.

Тот же любимый Бердяевым романист Достоевский утверждал в «Дневнике писателя», на сей раз уже непосредственно от своего имени, что «Идеи летают в воздухе... Идеи живут и распространяются по законам, слишком трудно для нас уловимым. Идеи заразительны». Очевидно, есть какая-то таинственная провиденциальность «заражения» ими нашего земного бытия, овладения им. Но если времена и сроки тут нам неизвестны, то пространственные, земные адреса идейных излучений все же установимы, и именно по этим адресам мы должны прежде всего обращаться, желая постичь секреты, возможности и масштабы «заразительности» идеологий. Где зародились христианство ли, марксизм ли?

Дело, конечно, не сводится к географическому месту рождения идеи, но в отрыве от него понять тоже ничего нельзя, а через него — уже многое можно. Ведь не только для ценителей исторического материализма должно быть важно, что Маркс жил и мыслил в сердцевине индустриального западного мира, а не отсталой России. Но еще важнее, что марксизм вызревал в русле долгого процесса западной секуляризации сознания и явился ее итогом (куда подключилось и обмирщенное древнее национальное мессианство в виде идеи, провозглашающей освободительную миссию пролетариата).

Встает естественный вопрос: почему именно наше отечество оказалось пригодным для укоренения марксизма? Подобный вопрос смущал и Бердяева, который отвечал на него в характерном для него двойственном духе. Лейтмотивом оказалось следующее рассуждение. Поскольку Россия принялась осуществлять марксистскую идею вопреки предначертанию ее творца на своих индустриально неразвитых пространствах, то, по сути, она исказила учение, «руссифицировав» марксизм, и восторжествовал не «пролетарский мессианизм», а старый «мессианизм» Русской империи, не Третий Интернационал, а «Третий Рим».

Национальная стихия, таким образом, поглотила интернациональную задачу.

Однако из многочисленных то там, то здесь мелькающих высказываний Бердяева можно извлечь совершенно иную мысль: что Россия оказалась благоприятной почвой для претворения глобальных замыслов как раз по причине патриархальности — не из-за близости к ним, а по неподготовленности к их уяснению. В то же время культурно-психологическим складом — поиском целостной истины, верой в верховную власть и в жизнь «по правде» — Россия оказалась удобной, богатой формами, годными для заполнения их новым содержанием. Так случилось, — о чем пишет Бердяев в «Истоках», — с верой в теократию, которая в народном сознании вытеснялась идеей «диктатуры пролетариата». Буржуазная республика, современное юридическое правовое государство подобных форм предоставить не могут.

Таким образом, вклад старой России в революцию был очень велик, хотя, если можно так выразиться, это был несознательный, пассивный и стихийный вклад. В «Новом средневековье» (Берлин, 1924) Бердяев так инвентаризирует предпосылки победившей революции, перечисляя «вечное» вместе с «временным», сошедшиеся воедино обстоятельства: изнурительная для страны «страшная война... слабое правосознание русского народа и отсутствие в нем настоящей культуры, земельная неустроенность русского крестьянина, зараженность русской интеллигенции ложными идеями...», а в глубине — «аполитическая» духовность народа.

В этом свете русская революция выступает плодом разделения труда между странами света — динамичным Западом и «неподвижным» Востоком, между тотальной реорганизацией мира и удобным для нее полигоном, не имеющим ни психологического, ни политико-правового иммунитета.

Особые роли у идеи и почвы Бердяев, как видно, различал на первых революционных порах, за год до «Духов русской революции», отмечая, что у «идеи международного социалистического царства не может быть русского происхождения». (Учитывая щепетильность сегодняшнего сознания в национальной теме, еще раз подчеркнем, что философ не ищет виновных среди чужого племени. Он, как мы уже убедились, видит таковых среди своего, еще дальше, разумеется, он от поисков какой-либо организации злокозненных инородцев. Бердяев указывает здесь на вненациональный, сверхпочвенный, духовный источник глобальной идеи.)

Несмотря на то, что интернациональная сущность идеологии нисколько не меняется, четкость контуров ее несколько затушевывается, когда, стремясь к воплощению, она спускается на землю, занятую старой и косной жизнью. Как ни хотелось бы идеологии, по выражению французского «нового философа» А. Глюксмана «писать свою весть» на «белой странице девственного будущего», управляя народом, «свободным от всяких традиций», но такого народа она, увы, не находит. С народом же реальным она вступает в антиномичные разрушительно-избирательные отношения. Замысел устремлен к небывалой новизне, но реализация его требует опоры в тылу старого, подлежащего уничтожению мира, требует выбирать — и отбирать в дальнейшем на каждой ступени развертывания революции, а затем и строительства нового мира годные для очередных задач элементы прежней жизни, мобилизовать и поощрять их, заимствуя, таким образом, национальную форму для заданного идейного содержания. «„Большая идеология" тактически не игнорирует сложившуюся до нее расстановку духовных сил, но и не подпадает под ее контроль; она избирает во временные попутчицы то одну, то другую из них. При глубочайшем перелопачивании социально-культурной почвы выборочная преемственность по отношению к дореволюционному прошлому во всех революциях сохраняется, что питает распространенное заблуждение насчет «контрреволюционного торжества старой почвы над взорвавшей ее поначалу, но чужеродной идеей»*. Оно не миновало и мятущейся политической мысли Бердяева. Чересполосица точек зрения — примата идеи над национальной психеей и наоборот — станет характерной для всех высказываний Бердяева. К несчастью, в его сравнительно позднем сочинении «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937, на русском языке 1955), ставшем для Запада путеводителем по коммунизму в России, «национальная» интерпретация мирового феномена имеет все же перевес.

Итак, за год до написания предлагаемого здесь текста, на переходном этапе от февраля к Октябрю Бердяев констатирует, что в стране ускоренным ходом идет процесс не национального самовыражения, как решил автор в 1918 году, а, напротив, «денационализации», и он высказывает опасения не за то, что русский человек извратит идеал, а за то, что «идеал» сотрет «русское национальное лицо». Поднимая тревогу по поводу преднамеренного «разжигания инстинктов своекорыстия и злобы и убаюкивания масс сладкими мечтами о невиданном социальном блаженстве», Бердяев отдавал тогда ясный отчет в том, что народ, тем более со всеми своими национальными грехами, служит удобным объектом для приложения некоей внешней сквозной стратегической воли; и ему представлялось, что «русский национальный характер» всего удобнее революции не столько безобразными «гоголевскими дýхами», к действию которых станет он сводить потом весь революционный процесс, сколько совсем другими своими свойствами: простодушием, доверчивостью, «слабостью характера», а также нереалистическим максимализмом, неискушенной жаждой правды. «У русских людей есть добродетели похуже пороков», «овечьи добродетели», «они составляют благоприятную почву для всякой демагогии», — писал он в тревоге весной 1917 года, ясно очерчивая позиции интернациональной организующей идеи и, с другой стороны, материальной, народной, разумеется жуткой, силы революции.

Бердяев так и не сказал последнего, определенного слова, но любопытно, что в середине двадцатых годов в противовес «гоголевским духам», где он не захотел принять страшную действительность в качестве откровения реализуемой радикальной идеи, мыслитель указал на закон ее осуществления: «Революция именно к этому ведет, а не к тому, о чем мечтали». Эту же мысль и приблизительно в это же время он четко выразил в своей максиме об утопиях, которые страшны тем, что они сбываются.

* *Гальцева Р. А., Роднянская И. Б.* Summa ideologiae (М., ИНИОН, 1987).

Конечно, тема предлагаемой читателю главки — не Гоголь, а революция, но и в этой части обходить стороной воззрения нашего философа, может быть, не стоит, и здесь он оказался влиятельным. Прежде всего, бердяевский взгляд на русского писателя как на открывателя инфернальных бездн в себе и в русской жизни (сразу так много объясняющей для Бердяева в происходящей революции) стал созвучным тем многочисленным, особенно зарубежным, исследователям гоголевского творчества, которых мучила «загадка Гоголя» и которые не знали, в какие же отношения с реальностью поставить созданный писателем художественный паноптикум. То, что в Гоголе Бердяев видит «неразгаданную тайну», некий «духовный вывих», а в гоголевских типах — «клочья людей», «нечеловеческую пошлость», то есть что-то невозможное и невообразимое, совершенно справедливо, если смотреть на писателя как на традиционного реалистического художника, от которого ждут верного «отображения действительности». Но дело в том, что, резонно отказывая Гоголю в верности внешней натуре, философ сразу производит его в ранг визионера глубинного, метафизического зла, втуне используя тут понятие комического. Между тем невозможная, деформированная гоголевская вселенная раскрывается под углом действительно комического зрения, которое придает вещам необычный уклон, но таит в себе — в виде освобождающего смеха — и средство возвращения их в естественное положение. Для Бердяева, воспринимающего гоголевское смещение мира без комического освещения, он предстает, действительно, «как жуть, которая гипнотизирует и парализует нас своим уродством и алогичной безысходностью», потому что только комизм и расковывает воображение и в то же время «не обрывает его связи с реальностью»*. Не понятый, не поставленный в связь с художественно близкими ему явлениями прошлого — средневековоренессансной эпохи — комизм Гоголя и оказывается под пером Бердяева каким-то довременным «кубизмом». А те гоголевские «чудовища», о которых, вслед за Розановым и Мережковским, с мистическим ужасом говорит Бердяев, выглядят, если учесть комическую перспективу, за одним-двумя исключениями, скорее недоразвитыми «байбаками» и «тюрюками», застывшими на стадии животной души, чем духами-соблазнителями из адской бездны.

К сожалению, не только Бердяев, но и создатель «Мертвых душ» и «Ревизора», живя и творя в поле действия старых русских традиций, неблагосклонных к смеху и всякого рода пересмешничеству, сам смотрел на свою гениальную способность зрения как на «несчастный дар». Именно в этой аберрации, а не в приобщенности ко злу «была его трагедия».

* *Бибихин В. В., Гальцева Р. А., Роднянская И. Б.* Литературная мысль Запада перед «загадкой Гоголя» (В книге: Гоголь: история и современность. М., 1985.)

А. Сонин,
доктор физико-математических наук

Тревожные десятилетия советской физики 1947 — 1953

1

Послевоенная философская жизнь началась дискуссией о книге академика Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Это было грандиозное политическое мероприятие. В 1947 году со всех концов страны в Москву съехались ученые и преподаватели философии и естественных наук. Вел заседания сам А. А. Жданов.

Цель дискуссии, конечно, была шире обсуждения ошибок конкретного учебника по истории философии. Необходимо было дать направление развитию советской философской науки вообще.

При такой ситуации, естественно, не был забыт и «физический идеализм». Ему уделил внимание в своем программном выступлении А. А. Жданов. «Современная буржуазная наука,— говорил он,— снабжает поповщину, фидеизм новой аргументацией, которую необходимо беспощадно разоблачать. Взять хотя бы учение английского астронома Эддингтона о физических константах мира, которое прямехонько приводит к пифагорейской мистике чисел и из математических формул выводит такие «существенные константы» мира, как апокалиптическое число 666, и т. д...

В равной мере кантианские выверты современных буржуазных атомных физиков приводят их к выводам о «свободе воли» у электрона, к попыткам изобразить материю только лишь как некоторую совокупность волн и к прочей чертовщине».

Жданову вторил уже знакомый нам физик, профессор МГУ А. К. Тимирязев. Его выводы: «Современная теоретическая физика наводнена сейчас враждебными философскими течениями, тормозящими ее развитие; этим течениям не дается должного отпора. Вот почему отставание нашей философской работы ведет к отставанию физики и других естественных наук».

Последняя фраза по-своему интересна. Тимирязев искренне думал, что стоит разгромить «физический идеализм», как физики станут делать открытия за открытиями. И ему было невдомек, что в эти годы самые что ни на есть «физические идеалисты» с помощью теории относительности и квантовой механики, против которых он боролся всю свою жизнь, делают вполне реальный физический объект — атомную бомбу.

Правда, попытки вмешаться и в эту проблему, оказывается, были. Об этом рассказал на страницах «Известий» академик А. П. Александров: «Вскоре после войны, кажется, в сорок шестом году, меня вызвали в ЦК партии и завели разговор, что квантовая теория, теория относительности — все это ерунда. Какая-то не очень понятная мне компания собралась. Особенно старались два деятеля из МГУ.

Но я им сказал очень просто: «Сама атомная бомба демонстрирует такое превращение вещества и энергии, которое следует из этих новых теорий и ни из чего другого. Поэтому, если от них отказаться, то надо отказаться и от бомбы. Пожалуйста: отказывайтесь от квантовой механики — и делайте бомбу сами, как хотите».

Вернулся. Рассказал Курчатову. Он рассмеялся. Сказал: «Не беспокойтесь». И нас действительно по этому поводу больше не беспокоили. Но притча такая ходила, что физики отбились от своей лысенковщины атомной бомбой».

Да, к счастью, Лысенко среди физиков не оказалось. Но претенденты, несомненно, были. Вот что писал недавно член-корреспондент АН СССР С. М. Рытов: «Уже в 1948 году заседала под председательством Главного ученого секретаря АН СССР специальная полузакрытая Комиссия, готовившая на 1949 год Всесоюзное совещание физиков по образцу «исторической сессии ВАСХНИЛ» 1948 года. Однако это совещание не состоялось. Видимо, от него вынуждены были отказаться потому, что речь шла не о наследственности и каких-то придуманных буржуазной наукой генах и хромосомах, а о куда более жгучих вопросах государственного значения. В подобной ситуации устраивать такой же всенародный разгром советской физики, какой постиг нашу генетику и биологию, было невозможно. Меня вызывали два раза на заседания упомянутой Комиссии, но из того, что там творилось (вплоть до непередаваемых гнусностей, о которых даже не хочется вспоминать), я вынес впечатление лишь о сведении счетов и всяческих дрязгах в МГУ».

По мнению Рытова, большую роль в провале предстоящего совещания сыграл тогдашний президент Академии наук С. И. Вавилов*.

* Комиссия по подготовке Всесоюзного совещания физиков под председательством замминистра высшего образования СССР А. В. Топчиева работала с 28 декабря 1948 года по 16 марта 1949 года. Подробнее о работе комиссии см. журнал «Природа», 1990 год, №№ 3—5.

2

Установки Жданова по борьбе с «физическим идеализмом» были реализованы во время дискуссии 1948 года.

Во втором номере нового журнала «Вопросы философии» («ВФ») за 1947 год была опубликована в порядке обсуждения статья известного физика-теоретика М. А. Маркова «О природе физического знания». Эта статья представляла собой изложение его книги «О микромире». Книга была принята к печати после положительной рецензии известного нам философа А. А. Максимова.

Статье было предпослано небольшое предисловие, написанное академиком С. И. Вавиловым, в котором он указал, что наши философы и специалисты-естественники не всегда хорошо знакомы с особенностями новой физики, но легко критикуют вытекающие из нее методологические выводы. «Очень хотелось бы,— писал в заключение Вавилов,— чтобы статья М. А. Маркова стала исходным пунктом большой, серьезной дискуссии по затронутым автором вопросам и чтобы эта дискуссия не свелась к наклеиванию клеймящих ярлыков со стороны участников дискуссии,— нужен подробный и деловой разбор вопроса по существу». Увы, случилось то, против чего предостерегал Вавилов.

Публикация Маркова была посвящена основным теоретико-познавательным вопросам, которые встали при изучении физикой атомов и элементарных частиц. Это — специфика квантовой теории, принцип дополнительности, роль прибора в исследовании микромира, модельные и немодельные представления, роль математики, проблема объекта и субъекта, понятие физической реальности, полнота нашей картины микромира. Все эти вопросы Марков рассмотрел с позиций диалектического материализма.

Статья вызвала многочисленные отклики философов и физиков. Часть отзывов была помещена в первом номере «ВФ» за 1948 год. В целом и специалисты, и рядовые читатели согласились с основными положениями статьи Маркова как с серьезным анализом основных методологических проблем квантовой механики. Против выступил лишь Максимов, который, вопреки предупреждению Вавилова, пытался перевести научную дискуссию в очередную кампанию по разгрому «физического идеализма». И это ему удалось.

Но расскажем все по порядку. Максимов, который перед этим написал положительный отзыв на книгу Маркова, прислал в «ВФ» резко отрицательный ответ на его статью. Статья Максимова была набрана, но в тот день, 10 апреля 1948 года, когда он подписал верстку, эта же статья под тем же названием — «Об одном философском кентавре» — появилась в «Литературной газете» («ЛГ»). В ней Максимов добавил только несколько «крепких эпитетов» в адрес Маркова. Естественно, что редакция «ВФ» сняла статью.

Статья Максимова в «ЛГ» была написана в духе его наихудших творений тридцатых годов. Манипулируя произвольно вырванными из текста Маркова цитатами, часто тенденциозно их препарируя, Максимов пытался убедить читателей, что человек — не макроскопическое существо, так как он состоит из атомов, а поэтому микромир вполне доступен восприятию человека. Далее Максимов обвинил Маркова в признании непознаваемости микромира потому-де, что физическое состояние частицы зависит от макроскопического прибора. Ссылки на соотношение неопределенностей Максимова не останавливали. «Боровское истолкование соотношения неточностей (неопределенностей.— *А. С.*) квантовой механики есть отход от материализма», а «философские воззрения Н. Бора — типичный продукт идеологической реакции, порождаемой эпохой империализма в буржуазных странах. Философские воззрения Н. Бора — тот самый нежизнеспособный продукт, отброс, который подлежит, по определению Ленина, отправке в помещение для нечистот»,— декларировал Максимов.

Его статья вызвала резкое осуждение участников дискуссии. Физики М. Г. Веселов и М. В. Волькенштейн, а также писатель Д. С. Данин в своих статьях, опубликованных в первом номере «ВФ» за 1948 год, аргументированно и полно показали несостоятельность и тенденциозность критики Максимова.

Спохватилась и «ЛГ». В номере от 19 мая 1948 года она поместила «Обзор писем читателей», откликнувшихся на статью Максимова. Демонстрируя как бы нейтральную и объективную позицию, редакция «ЛГ» привела выдержки из писем читателей, критикующих как статью Максимова, так и статью Маркова. Однако если в поддержку положений статьи Маркова, по мнению «ЛГ», высказался лишь профессор Е. Л. Фейнберг и группа студентов физико-технического факультета МГУ, то его критиков — большинство. Особенно выделила редакция письмо студента Киевского университета, «сообщающего, что студенты философского факультета с большим интересом прочитали статью А. Максимова и принимают ее как конкретное руководство в решении вопроса о познаваемости микромира». Однако это заявление было дезавуировано большой группой студентов этого же факультета, поместивших свое письмо в «ВФ».

Но особенно подробно статья Максимова была проанализирована в редакционной статье, опубликованной в том первом номере «ВФ» за 1948 год. В ней говорилось, что статья Максимова была направлена на «закрытие» начавшейся по инициативе журнала «ВФ» дискуссии, явилась «грубым окриком унтера Пришибеева от философии». Поэтому нельзя ставить на одну доску творческую статью Маркова и пасквиль Максимова. Редакция «ВФ» показала, как Максимов, используя грубую подмену понятий, стремился очернить Маркова в глазах читателей-неспециалистов. Вместе с тем редакция сообщила, что дискуссия по статье Маркова будет продолжена и что в следующем номере она предоставит Максимову возможность «подвергнуть критике не только взгляды Маркова, но и свои собственные, ответив тем самым на ту критику, которую встретило со стороны многих советских ученых и рядовых читателей его выступление против М. А. Маркова».

Действительно, в третьем номере «ВФ» за 1948 год была опубликована статья Максимова, но она содержала лишь еще более ожесточенную и беспардонную критику взглядов Бора и Маркова. Причину такого уверенно разносного стиля своей статьи Максимов разъяснил в первом ее абзаце: «Обсуждение статьи проф. М. А. Маркова «О природе физического знания» вызвало исключительно острую полемику. И это не случайно, так как речь идет о том, сохранить ли и развить далее философские основы марксизма-лени-

низма или отступить от них, как призывали к этому проф. М. А. Марков и его сторонники из прежнего состава редакции журнала «Вопросы философии».

Да, в высших идеологических сферах решили, что прав Максимов, а не Марков, и после выпуска первого номера за 1948 год с материалами дискуссии редколлегия «ВФ» была расформирована. Был смещен главный редактор Б. М. Кедров, специалист по философским вопросам естествознания, вместо него назначен Д. И. Чесноков, специалист по русской философии. В редакцию для ее «усиления» были введены академик М. Б. Митин, ведавший философскими вопросами в «ЛГ», и В. Н. Столетов, известный приспешник Лысенко.

В завершение уже не получившейся дискуссии (никому из оппонентов Максимова слова предоставлено не было) редакция «ВФ» опубликовала еще одно сообщение. В нем говорилось, что, «поместив статью М. А. Маркова «О природе физического знания» и открывая по ней дискуссию, редакция не заняла правильной линии, не повела физиков и философов по пути, указанному тов. А. А. Ждановым при обсуждении книги Г. Ф. Александрова». Статья М. А. Маркова «содержала серьезнейшие ошибки философского характера.. Основной порок статьи М. А. Маркова — отход от основ диалектического материализма в сторону идеализма и агностицизма... Идеи М. А. Маркова о «макроскопической форме человеческого знания микромира», об особом «макроскопическом языке», на котором, по выражению М. А. Маркова, приборы «рассказывают» о микроявлениях, есть разновидность иероглифизма в теории познания. И подобно тому, как давно разгромленный Лениным иероглифизм ведет к агностицизму и идеализму, так и концепция М. А. Маркова прокладывает путь туда же».

«Таковы коренные пороки концепции М. А. Маркова,— говорится в заключении редакционной статьи.— В чем же причины этих пороков?.. Уклон М. А. Маркова в идеализм под влиянием воззрений Н. Бора является проявлением космополитических шатаний некоторой прослойки советских физиков, рупором которой стал М. А. Марков. Не вооружившись великими идеями марксистско-ленинской теории, не опираясь на материалистические традиции русского естествознания и русской философии, М. А. Марков раболепно склонил свою голову перед реакционной идеалистической философией. Отсюда весь вред и опасность настойчивой защиты М. А. Марковым своих ошибочных воззрений».

Эта редакционная статья еще на пять лет задала тон в борьбе против «физического идеализма». Однако в то же время звучали и здравые оценки. В январе 1948 года в Физическом институте АН СССР состоялось обсуждение книги Маркова «О микромире», на основе которой была написана его статья в «ВФ». Профессионалы-физики и среди них такие, как С. З. Беленький, Д. И. Блохинцев, В. Л. Гинзбург, С. Э. Хайкин, а также философы В. П. Егоршин и Б. М. Кедров, высоко оценили попытку Маркова разобраться в гносеологических проблемах, которые ставит квантовая механика.

Конечно, книга Маркова не была издана. Редакция Гостехтеоризд та отказалась ее печатать.

3

Усиленно «прорабатывали» и другого выдающегося физика — академика Л. И. Мандельштама, правда, уже после его смерти.

Поводом послужил пятый том его «Полного собрания трудов». В 1949 году этот том, содержащий лекции по теории относительности, был полностью подготовлен к выходу — отпечатан и переплетен весь тираж. Однако кто-то усмотрел в лекциях Мандельштама «позитивизм, конвенционализм и операционализм» — и кампания началась.

Дело кончилось тем, что весь тираж пятого тома пошел под нож, а его редактора, ученика Мандельштама С. М. Рытова «по собственному желанию» сняли с поста заместителя заведующего лабораторией колебаний и лишили возможности брать аспирантов.

С. И. Вавилову все же удалось спасти пятый том. Вместо Рытова его редактором назначили академика М. А. Леонтовича, а текст снабдили незначительными примечаниями такого типа, что под термином «материя» Мандельштам понимал только вещество, а не поле, и т. п. В 1950 году новое издание вышло из печати.

Однако нападки не прекратились. В сборнике «Философские вопросы современной физики», опубликованном в 1952 году, философ И. В. Кузнецов инкриминировал Мандельштаму «субъективно-идеалистический характер эйнштейнианской трактовки сущности физической теории».

Совершенно удивительную по своей безграмотности и безответственности статью поместил в газете «Красный флот» от 14 июня 1952 года Максимов. Она называлась «Против реакционного эйнштейнианства в физике». В этой статье Максимов объявил, что «теория относительности Эйнштейна, несомненно, пропагандирует антинаучные воззрения по коренным вопросам современной физики и науки вообще. Воззрения Эйнштейна повели физику не вперед, а вспять как в отношении теории познания, так и метода. Уже многие физики сознают, что теория относительности Эйнштейна — это тупик современной физики». Далее его гнев обрушился на «одного из самых видных пропагандистов воззрений Эйнштейна академика Л. И. Мандельштама».

Эти нападки не остались без ответа. Блестяще выступил академик В. А. Фок в первом номере «ВФ» за 1953 год. Его статья называлась «Против невежественной критики современных физических теорий». Фок убедительно показал, что вся критика Максимовым и Кузнецовым теории относительности Эйнштейна и взглядов на нее Мандельштама основана на полном незнании современной физики. Однако в том же номере «ВФ» появилась большая статья Максимова, где он, спекулируя на нерешенных проблемах физики, взялся утверждать, что уже полстолетия в физике существует кризис с соответствующими методологическими выводами. А отсюда, мол, идеологическая борьба с проникающим субъективным идеализмом, «эйнштейнианством» и его сторонниками.

В кампанию незадолго до этого включилась и «Правда». В номере от 17 ноября 1952 года была помещена статья, в которой отмечалось ненормальное «положение, сложившееся в физике, где имеются группы ученых, которые уклоняются от дискуссий и игнорируют любые попытки подвергнуть критике идеалистические течения в современной физике».

Дискуссии не заставили себя ждать. Первая прошла на общем собрании сотрудников Физического института АН СССР (ФИАН), где когда-то работал Мандельштам. Затем в конце 1952 года была организована на физическом факультете МГУ. С критикой философских воззрений Мандельштама выступил профессор В. Н. Кессених. Оказывается, основами лекций Мандельштама являлись «реакционные идеи» Э. Кона, Р. Мизеса, А. Пуанкаре и других махистов. Поэтому взгляды Мандельштама Кессених квалифицировал как «чисто субъективистские». Через два месяца подобная дискуссия состоялась на специальном расширенном заседании ученого совета ФИАНа. Заседание вел академик Д. В. Скобельцын. В своем вступительном слове он указал, что пятый том Собрания сочинений Мандельштама «страдает серьезными недостатками». В нем «имеются ошибочные формулировки и построения, которые приводят его (Мандельштама.— *А. С.*) к неправильным, идеалистическим выводам».

Затем Скобельцын предоставил слово члену-корреспонденту АН СССР Б. М. Вулу, который возглавлял специально созданную комиссию по «всесторонней оценке философских воззрений Л. И. Мандельштама».

Комиссия, инкриминировав Мандельштаму ряд ошибок, сочла, что его рассуждения типичны по своему стремлению «ограничить физику как науку, относящуюся только к результатам измерений. Это общая черта для идеалистических высказываний по вопросам физики».

Доклад комиссии поддержали А. А. Коломенский, В. Н. Кессених и член-корреспондент АН СССР В. И. Векслер. Против выступили С. Э. Хайкин и академик М. А. Леонтович. «Комиссия,— заявил последний,— сползает на тот стиль фетишизации слов, который характерен для многих философствующих по вопросам физики товарищей».

После заключительного слова Вула ученый совет принял «историческое» решение «О философских ошибках в трудах академика Л. И. Мандельштама». Решение было опубликовано в журнале «Успехи физических наук» («УФН»). Наряду с осуждением философских «ошибок субъективно-идеалистического характера» самого Мандельштама, в решении указывалось на «философские ошибки», которые «были допущены в свое время также и некоторыми его учениками и нашли распространение в отдельных учебниках физики, как, например, «Механика» С. Э. Хайкина, «Курс физики», том II, под редакцией Н. Д. Папалекси».

4

Хайкина начали «прорабатывать» одновременно с его учителем Мандельштамом. Еще в 1949 году в третьем номере «УФН» появилась статья преподавателя физического факультета МГУ Ф. А. Королева «О методологических ошибках в книге профессора С. Э. Хайкина «Механика».

Начиная, как от печки, с сессии ВАСХНИЛ, Королев утверждал, что «проникновение чуждой марксизму идеологии в среду советских ученых не ограничивается рамками биологических наук, а имеет место и в других науках, в частности и в физике». По Королеву, оказывается, что, пользуясь слабой идеологической подготовкой студентов первого курса (учебник предназначен именно им), Хайкин «стремится привить читателю мировоззрение, которое идет полностью вразрез с марксистско-ленинским мировоззрением». Конкретно это проявляется в определении физического закона. Хайкин пишет: «Всякий количественный закон есть утверждение относительно связи между теми или иными величинами». Это физическое определение; и даже неискушенному читателю ясно, что Хайкин имел здесь в виду. Искушенному же марксисту Королеву чудится, что здесь «на первый план выставляется сознание, в противоположность диалектическому материализму, признающему первичным не сознание, а объективную закономерность, существующую вне и независимо от нашего сознания».

Такую же философскую крамолу Королев усмотрел в попытке Хайкина разобраться с понятиями «определение» и «утверждение». В результате — хлесткое заключение о том, что мировоззрение Хайкина «идеалистическое, махистско-кантианского толка». А тут еще недостаточное освещение роли русских ученых (Жуковский и Чаплыгин упомянуты только два раза, а Лебедев и Циолковский ни разу), и вывод напрашивается сам собой: «Возникает вопрос, кому нужен такой учебник, в котором проведено идеалистическое мировоззрение, извращается конкретное содержание науки и принижается роль русских и советских ученых».

Статья Королева была напечатана в порядке обсуждения. Но уже в следующем году без всякого обсуждения «УФН» поместил большую статью философов С. Г. Суворова и Р. Я. Штейнмана «За последовательно-материалистическую трактовку основ механики», посвященную разгрому книги Хайкина.

Открывалась статья удивительной для сегодняшнего читателя фразой: «Было бы ошибочным считать, что классическая физика, в частности механика, как «давно установленная и устоявшаяся», находится вне пределов идеологической борьбы». Оказывается, механика всегда была ареной идеологической борьбы между материалистами, следовавшими за Энгельсом, и идеалистами, следовавшими за Махом. Суворов и Штейнман пытались доказать, что Хайкин, конечно, следует за Махом.

Вот такая была дана «критика» прекрасной книги. Трудно сказать, чего здесь больше — философской казуистики или физической малограмотности.

Но кампания началась и стала развертываться в соответствии со стандартным сценарием. В мае 1950 года состоялось официальное заседание ученого совета ФИАН, посвященное ошибкам Хайкина. Во вступительном слове директор института академик Вавилов сказал: «В этой книге («Механика», первое издание.— *А. С.*) остались значительные следы философии махизма, так называемого логического позитивизма и других аналогичных течений. Эта книга неоднократно подвергалась критическому рассмотрению. Однако и в новом, втором издании С. Э. Хайкин не исправил многие из этих ошибок».

Тон, заданный Вавиловым, поддержали действительный член АН УССР А. П. Комар и кандидат наук М. Е. Жаботинский. Комар критиковал Хайкина за то, что в его книге «нет понимания того, что такое абсолютная

и относительная истина», будто это не учебник механики, а книга по диамату. По мнению Комара, мало сказать, что законы механики проверяются на опыте, надо еще пояснить, что такое опыт, ибо «опыт идеалисты определяют и как комплекс ощущений».

Жаботинский тоже увидел в книге массу погрешностей: «Нет четкого определения материи, движения, опыта, и поэтому все изложение лишено базы и имеет идеологическую расплывчатость». В то же время Жаботинский сообщил ученому совету: «Партийная организация приняла к сведению заявление тов. Хайкина о том, что он подвергнет внимательной и подробной критике содержание своего учебника и опубликует эту критику в широкой печати, доступной для студентов, с тем, чтобы локализовать вред, объективно приносимый идеологическими ошибками, содержащимися в учебнике».

Не остался в стороне от кампании и физический факультет МГУ. Там деканатом была создана специальная комиссия в составе профессора Кессениха В. Н., доцентов Спасского Б. И., Швидковского Е. Г. и Ноздрева В. Ф. для определения пригодности книги Хайкина в качестве учебника. Комиссия пришла к выводу, «что книга С. Э. Хайкина «Механика» порочна в методологическом отношении и поэтому не удовлетворяет основным требованиям к учебнику и учебному пособию по физике и на этом основании не может быть рекомендована ни в качестве учебника, ни в качестве учебного пособия».

В редакцию «УФН» поступили письма и отдельных физиков, «разоблачающих» взгляды Хайкина. Старший научный сотрудник НИИ физики МГУ М. И. Шахпаронов полностью присоединяется к рецензии Королева (см. выше). Он сообщил, что партийная организация физического факультета МГУ неоднократно указывала профессору Хайкину на ошибки, содержащиеся в его учебнике, но он не пожелал с этой критикой считаться. «Почему же этот ошибочный учебник в течение многих лет не критиковался в печати? — спрашивал Шахпаронов. — Я думаю, что это объясняется, в частности, тем, что профессор Хайкин в своих заблуждениях не одинок, что у него есть идейные друзья среди некоторых советских ученых, которые до последнего времени рабски воспринимают высказывания зарубежных деятелей науки, являясь по существу проводником чуждых нам взглядов». Это уже хорошо знакомый намек на групповщину, предполагающий соответствующие выводы.

К чести ученых, в редакцию «УФН» пришли и письма, поддерживающие Хайкина, защищающие его от беспочвенных обвинений в «идеалистических ошибках». Но, несмотря на эту поддержку, ситуация для Хайкина сложилась тяжелая. Поэтому он выступил с «самокритикой»: опубликовал письмо в редакцию «УФН» под названием «О методологических недостатках моего учебника «Механика». Он признал «недостатки», но решительно возражал против тенденциозной критики Королева. Тем не менее «оргвыводы» были сделаны: в 1954 году Хайкин был вынужден уйти из ФИАНа в Пулковскую обсерваторию.

5

«Оттепель» в философской реакции на физическую науку стала постепенно наступать с 1953 года. Однако понадобилась большая очистительная работа нового поколения философов, чтобы в какой-то степени ликвидировать малограмотное, тенденциозное отношение советской философии к новой физике.

Теперь уместно задать вопрос: как могла возникнуть и продолжаться столько времени такая кампания против всей современной физики и лучших ее советских представителей? Можно было бы думать, что все дело здесь в плохих философах, которые не поняли новую физику и объявили ей борьбу. Так, по-видимому, в какой-то степени можно объяснить происходившее в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Но совсем иная ситуация сложилась начиная с середины тридцатых. В это время устанавливается культ Сталина и как следствие провозглашается борьба со всем, что отклоняется от официальной линии. Такой линией было утверждение марксистской философии — диалектического и исторического материализма — в том виде, как его понимал Сталин и, разумеется, высшие идеологические руководители. Для утверждения ортодоксальных взглядов было очень важно, чтобы новейшие открытия в физике подтверждали раз и навсегда установленные догмы. Но получилось обратное: новая физика своими фундаментальными достижениями противоречила примитивно сформулированным положениям диалектического материализма. Ну что ж, тем хуже для физики! Вот здесь, я думаю, были получены уже прямые указания (вспомните выступление Жданова на философской дискуссии) громить современную физику под видом «физического идеализма» и всех, кто ее пропагандирует.

Но была, мне кажется, и другая причина разгула этой кампании. Физики, наиболее передовая научная интеллигенция, всегда отличались независимым критическим мышлением. Их необходимо было держать «в узде», а то, не дай бог, от анализа опытов и уравнений они могут перейти к анализу современной им действительности. Поэтому необходимо было сделать их управляемыми, послушными. А для этого есть самый верный способ — страх. Страх за свои идеи, страх за свою работу, страх за свою жизнь. Отсюда и постоянный прессинг «философской» критики, дискуссии, проработки, оргвыводы и аресты. Кстати, подобная практика «управления» применялась не только к физикам, но и к биологам, химикам, астрономам, математикам, филологам, литераторам.

Добились ли власти своих целей? Я полагаю, что в основном добились. Научная интеллигенция в целом во все годы советской власти была легкоуправляемой и послушной. Она, подобно чуткому оркестру, мгновенно реагировала на любое мановение дирижерской палочки — включалась в кампании, осуждала и клеймила. Лишь некоторые наиболее сильные и независимые личности, такие, как П. Л. Капица, Л. Д. Ландау, А. Д. Сахаров, сумели выдержать официальное давление.

Что касается физики, то, несмотря на беспрецедентную по времени и интенсивности кампанию, она устояла. Ее не постигла участь генетики. Физику «спасла» атомная бомба.

Офорт С. Дергачева

Клиффорд Д. Саймак

Пересадочная станция

Глава 22

Когда Инек вернулся на станцию, Улисс был уже один. На плите снова грелся кофейник, и сам Улисс разлегся на диване. Инек повесил винтовку на место и погасил фонарь. Затем снял куртку, швырнул ее на стол и сел в кресло напротив дивана.

— Тело вернут,— произнес он.— Завтра, к этому часу.

— Всей душой надеюсь, что это принесет какую-то пользу,— сказал Улисс.— Хотя сомнений у меня предостаточно.

— Может быть, мне и беспокоиться не стоило? — с горечью спросил Инек.

— В любом случае это послужит доказательством доброй воли землян и, возможно, окажет умиротворяющее действие при окончательном решении вопроса.

— Сиятель мог сам сказать мне, где находится тело.— Инек решил перевести разговор на другую тему.— Если ему стало известно, что тело пропало, тогда он наверняка знал, где оно сейчас.

— Видимо, да,— отозвался Улисс,— но, я думаю, он не мог тебе сообщить. Ему было поручено заявить протест. Все остальное — твоя задача. Как-никак, он представитель потерпевшей стороны — их оскорбили. Он должен помнить об этом и блюсти достоинство.

— Иногда от всего этого с ума можно сойти,— заметил Инек.— Несмотря на рекомендации и подсказки Галактического центра, я то и дело сталкиваюсь с новыми неожиданностями или попадаю впросак.

— Возможно, наступит день, когда все изменится. Вглядываясь в будущее, я представляю себе, как через несколько тысячелетий жители Галактики сольются в единую культуру, основанную на взаимопонимании. Какие-то местные и расовые различия останутся — так и должно быть,— но превыше всего будет терпимость, которая поможет созданию своего рода галактического братства.

— Ты говоришь, почти как землянин,— сказал Инек.— Об этом мечтали и на это надеялись многие наши великие мыслители.

* Продолжение. Начало — в №№ 1—4 за этот год

— Может быть. Сам знаешь, я на Земле тоже открыл для себя немало. Нельзя провести столько времени на этой планете без того, чтобы она не оставила в душе какой-то след... Кстати, ты произвел на веганца очень хорошее впечатление.

— Мне так не показалось,— сказал Инек.— Он, конечно, был доброжелателен, вежлив, но не более того.

— Надпись на камне... Именно она на него подействовала.

— Я сделал ее не ради того, чтобы произвести на кого-то впечатление. Просто я чувствовал, что так будет правильно. И еще потому, что мне нравятся сиятели. Мне хотелось сделать все честь по чести.

— Если бы не давление со стороны различных фракций содружества,— сказал Улисс,— я бы даже не сомневался, что сиятели предпочтут забыть о случившемся, а это, надо заметить, такая значительная уступка с их стороны, что ты себе и представить не можешь. Не исключено, что даже в сложившихся обстоятельствах они в конце концов окажутся на нашей стороне.

— Ты имеешь в виду, что они могут спасти станцию?

Улисс покачал головой.

— Думаю, это уже никому не под силу. Но всем нам в Галактическом центре было бы гораздо легче, если бы сиятели поддержали нас.

Кофейник забулькал, и Инек пошел его снять.

Улисс взял свою чашку, но, подержав в руках, поставил обратно.

— Плохо у нас стало,— неожиданно сказал он.— Не то что в прежние времена. Это очень беспокоит Галактический центр. Ссоры, разногласия между расами, все чего-то требуют, показывают свой гонор...— Он взглянул на Инека и спросил:— А ты думал, у нас тишина и покой?

— Нет,— ответил Инек,— не совсем так. Я знал, что и у вас случаются конфликты, Но я, признаться, думал, что все свои проблемы вы решаете на достойном уровне, по-джентльменски, что ли, цивилизованно.

— Когда-то так оно и было. Разногласия существовали всегда, но если раньше их причиной служили какие-то философские концепции или этические нормы, то теперь это чаще всего специфические интересы. Ты, разумеется, знаешь о вселенской энергии духовности...

Инек кивнул.

— Я читал кое-какие труды на эту тему. Мне не все понятно, но я готов принять ее существование. Насколько я понимаю, у вас есть способ черпать эту энергию...

— Талисман.

— Да. Талисман. Что-то вроде машины...

— Видимо, можно и так сказать,— согласился Улисс.— Хотя слово «машина» не совсем точное. В конструкции Талисмана воплощены отнюдь не только механические принципы. Кроме того, он уникален. Некое таинственное существо, жившее около десяти тысяч лет назад, изготовило только один Талисман. Я бы с удовольствием рассказал тебе, что он собой представляет и как устроен, но, боюсь, этого не знает ни один житель Галактики. Многие пытались создать дубликат Талисмана, и никому это не удавалось.

— Но, надо полагать,— сказал Инек,— против изготовления дубликата никто бы не возражал? Это не будет святотатством?

— Ни в коей мере. Более того, нам крайне необходим второй Талисман, потому что первый пропал. Исчез.

Инек даже подскочил в кресле.

— Исчез?

— Да,— подтвердил Улисс.— Потерян. Украден. Никто не знает, что с ним случилось. Мы никому не сообщали. Не решились. Люди не должны знать о пропаже Талисмана. Хотя бы какое-то время...

— Но как можно скрыть пропажу Талисмана?

— На самом деле это несложно. Ты же сам знаешь, что хранители переносят его с планеты на планету. Талисман выставляется для обозрения и к нему стекается огромное число людей, черпающих с его помощью энергию духовности. Но передвижения хранителей не подчиняются каким-то расписаниям или графикам. Между посещениями хранителей на каждой планете проходит порой до сотни лет и больше. Люди не ждут этих визитов к какому-то определенному сроку. Они знают, что рано или поздно хранитель с Талисманом появится и у них.

— Но так можно хранить тайну годами.

— Да,— сказал Улисс.— Без всяких сложностей.

— Руководители планет, разумеется, знают? И их помощники?

Улисс покачал головой.

— Мы рассказали очень немногим. Только тем, кому полностью доверяем. В Галактическом центре, конечно, все знают, но у нас не принято болтать.

— Тогда почему...

— Почему я рассказал тебе? Я не должен был этого делать, знаю. И, признаться, сам не понимаю, почему сделал. Хотя, может быть, догадываюсь... Как ты себя чувствуешь, мой друг, в роли исповедника?

— Ты всерьез обеспокоен,— сказал Инек.— Вот уж не думал, что когда-нибудь увижу тебя таким.

— Это очень странная история. Талисман пропал несколько лет назад. И никто об этом пока не знает, кроме Галактического центра и...— как бы это поточнее сказать — организации посвященных, которая занимается вопросами духовности. Но и при этом Галактика уже дает слабину, а кое-где трещит по швам. Со временем все вообще может рухнуть. Как будто Талисман незримо объединял все расы Галактики, оказывая воздействие, даже когда он находился далеко.

— Но ведь Талисман все равно где-то существует,— заметил Инек.— Он по-прежнему должен действовать. Не могли же его уничтожить?

— Ты забываешь,— напомнил Улисс,— что он не действует без хранителя, без восприимца. Дело не в самом механизме. Он всего лишь связующее звено между восприимцем и энергией духовности. Продолжение восприимца. Талисман только усиливает его талант.

— И ты полагаешь, что потеря Талисмана имеет какое-то отношение к тому, что происходит сейчас?

— Ты имеешь в виду судьбу этой станции? Не прямо, но тут одна цепочка событий, и то, что существование станции оказалось под угрозой, очень симптоматично. Те же склоки и недостойные разбирательства, что поразили всю Галактику. Случись это в прежние времена, все обсуждения велись бы, как ты выразился, по-джентльменски, достойно и тактично. Конечно, по многим вопросам жители Галактики придерживались различных позиций, однако они всегда пытались примирить свои взгляды — порой довольно искусственно, порой не очень успешно, но когда к этому стремятся обе стороны, они, как правило, достигают цели. А целью всегда было создание братства разумных существ. Все прекрасно понимали, что вместе мы располагаем огромным массивом знаний и опыта, что, работая бок о бок, объединяя эти знания и способности, мы добьемся результатов гораздо более значительных, чем в состоянии добиться какая-то одна раса. Трудностей и проблем, как я уже говорил, хватало, но мелкие обиды и разногласия мы просто отметали в сторону и занимались только крупными проблемами, потому что знали: если нам удастся справиться с ними, мелкие станут еще мельче, а потом и вовсе исчезнут. Но теперь все по-другому. Из темных углов извлекаются старые мелкие раздоры и раздуваются до совершенно безобразных размеров, в то время как решения крупных, важных вопросов попросту никто не ищет.

— Это очень напоминает Землю,— заметил Инек.

— Да, очень,— ответил Улисс.— Внешне. Хотя речь идет о совершенно иных вещах.

— Ты читаешь газеты, которые я тебе отдаю?

Улисс кивнул.

— Похоже, у вас тут тоже не очень спокойно.

— Похоже, у нас будет война,— без околичностей заявил Инек.

Улисс поежился, но промолчал.

— У вас, насколько я понимаю, войн не бывает,— сказал Инек.

— В Галактике, ты имеешь в виду? Нет, при нынешнем устройстве не бывает.

— Слишком для этого цивилизованны?

— Ты меня как будто попрекаешь,— сказал Улисс.— Раза два и мы стояли на грани, но это было давно. В содружество входит много цивилизаций, которые на раннем этапе своего развития тоже познали войны.

— Тогда и у нас, может быть, есть еще надежда. Нужно только переболеть этим.

— На что требуется время.

— Ты не уверен, что мы справимся?

— Нет. Не уверен.

— Я много лет работал над таблицей, основанной на мицарской статистической теории,— сказал Инек.— По таблице выходит, что будет война.

— Тут и без таблицы все ясно.

— Но дело не в этом. Я работал над ней не только ради точного ответа. Меня не оставляла надежда, что она подскажет, как сохранить мир. Должен же быть какой-то способ. Если бы мы только нашли его или знали, где искать. У кого спросить.

— Такой способ есть,— произнес Улисс.— Но это радикальная мера. И применять ее можно, лишь когда ничего другого не остается.

— А ты считаешь, что у нас еще есть шанс?

— Нет. Наверное, уже нет. Война, которая может разразиться на Земле, уничтожит плоды нескольких тысячелетий развития, уничтожит культуру — все, кроме жалких остатков цивилизации. Не исключено, что она убьет почти все живое на планете.

— Этот твой способ... Он уже применялся?

— Несколько раз.

— И помогло?

— Да, конечно. Мы не стали бы об этом даже думать, если бы сомневались в успехе. Ты должен послать запрос.

— Я?!

— Как представитель Земли ты можешь обратиться в Галактический центр с просьбой предотвратить войну на своей планете. Тебя обязательно выслушают, и, если ты убедишь Центр, они назначат группу специалистов для подготовки доклада, на основании которого будет приниматься решение.

— Ты сказал, что это должен сделать я. А кто-нибудь еще с Земли может?

— Любой, кто имеет возможность обратиться в Галактический центр. Но ты единственный человек на Земле, которому о нем известно. Кроме того, ты сотрудник Галактического Центра. У тебя безупречный послужной список. К тебе и прислушаются.

— Но я не один! Как может один человек решать судьбу целой планеты?

— Ты единственный представитель человечества, который на это способен.

— Если бы можно было посоветоваться с другими людьми...

— Нельзя. Да и не поверит тебе никто.

— Что это за способ? — спросил Инек, хотя внутри у него все сжалось от волнения. И он приготовился к самому худшему.

— Оглупление,— ответил Улисс.

Инек судорожно вздохнул.

— Оглупление? Не понимаю... Мы и без того достаточно глупы.

— Ты сейчас имеешь в виду дефицит трезвого мышления. Такое встречается часто — не только на Земле, но и по всей Галактике. А я говорю об общем уровне умственных способностей человечества. О состоянии, когда никто не сможет понять науку и технику, что делает возможной грозящую Земле войну. О неспособности справиться с машинами и аппаратурой для ведения боевых действий. Это означает возвращение людей на такую ступень умственного развития, с которой они уже не смогут дотянуться до научных и технологических вершин, покоренных ранее. Тот, кто знал, забудет. Тот, кто не знал, так и не выучится. Назад к колесу и рычагу. И тогда ваша страшная война станет невозможна.

Инек застыл, выпрямившись в кресле и не в силах вымолвить хотя бы слово. Его будто сковало леденящим ужасом, но в мозгу роились миллионы разрозненных мыслей.

— Я же говорил, что это радикальная мера,— добавил Улисс.— Цена здесь высока.

— Я не могу принять такое решение в одиночку,— проговорил Инек.— Это никому не под силу...

— Да, это нелегко. Но подумай: если разразится война...

— Я знаю. Если начнется война, будет еще хуже. Но таким способом войну не остановить. Я совсем не это искал. Люди все равно смогут воевать и убивать.

— Дубинами,— сказал Улисс.— Может быть, луками и стрелами. Винтовками, пока они не выйдут из строя или пока не кончатся патроны. Люди забудут, как делать порох, как добывать металл для пуль и прочие подобные вещи. Не погибнут в ядерных взрывах города, потому что никто не будет знать, как запустить ракету или подготовить боеголовку к запуску. Скорее всего, люди просто перестанут понимать, что такое ракета или боеголовка. Исчезнет вся современная связь. Прекратит существование весь транспорт, за исключением простейших повозок

— Ужасная картина... — произнес Инек.

— Война не менее ужасна,— сказал Улисс.— Тебе выбирать.

— Но сколько это продлится? — спросил Инек.— Мы же оглупеем не навсегда?

— На несколько поколений,— ответил Улисс.— Потом эффект, если можно так сказать, обработки начнет сходить на нет. Люди в конце концов стряхнут с себя это оглупляющее оцепенение, и снова начнется интеллектуальный подъем. Фактически цивилизация получит второй шанс.

— Но спустя еще несколько поколений они снова могут прийти к той же самой ситуации, что мы имеем сейчас.

— Возможно. Хотя маловероятно. Развитие культуры вряд ли пойдет тем же путем. Есть шанс, что ваша цивилизация станет лучше, а люди не столь воинственны. Тебе необходимо иметь в виду одно обнадеживающее обстоятельство,— добавил Улисс.— Описанный способ предлагается только тем мирам, которые, по нашему мнению, заслуживают спасения.

— Ты должен дать мне время подумать,— сказал Инек.

Глава 23

Человек, который работал всю жизнь, вдруг не сможет больше делать свое дело. И со всеми вокруг произойдет то же самое.

Всего через несколько часов после обработки человечество вновь окажется в мире, где океаны опять превратятся в непреодолимые водные пустыни, а миля опять станет очень длинной. Спустя два-три дня начнется паника, суматоха, бегство.

Сколько пройдет времени, размышлял Инек, прежде чем жители городов израсходуют последние продукты, оставшиеся на складах, и начнется голод? Что произойдет, когда исчезнет электричество? Долго ли в такой ситуации сохранят свою цену бессмысленные символические бумажки или даже монеты?

Торговля рухнет, коммерция и промышленность умрут, правительства, лишенные средства и способностей для нормального функционирования, превратятся в тени, связь исчезнет, закон и порядок уйдут в прошлое, мир снова потонет в варварстве и лишь потом начнет медленно возрождаться. На это уйдут многие годы — годы страданий, болезней, смертей и несказанного отчаяния.

Однако хуже ли это, чем ядерная война? Да, многие умрут от холода, голода и болезней (поскольку медицина исчезнет вместе со всей остальной наукой), зато миллионы, которых не коснется огненное дыхание ядерных вспышек, останутся в живых. С неба не польются смертоносные дожди, вода останется чистой и свежей, земля сохранит плодородие.

Если бы только знать наверняка, что война будет, что она неизбежна, думал Инек, тогда выбор был бы прост. Но остается возможность, что Земля все-таки избежит этой опасности, что мир, пусть хрупкий и неустойчивый, удастся сохранить. Прежде чем решать, необходима уверенность. Но где ее взять? Да, таблица, лежащая на столе, предрекает войну. Да, дипломаты и обозреватели считают, что грядущая конференция может послужить толчком к катастрофе. Однако уверенности в том, что войны не миновать, все равно нет.

И даже зная наверняка, как может один человек — один! — брать на себя роль вершителя судеб всего человечества? Под силу ли одному человеку решить, что хуже — война или поголовное оглупление?

Конечно, если не торопиться, оба варианта выбора можно обосновать. Со временем оформятся какие-то убеждения, которые позволят прийти все-таки к окончательному решению, пусть не совсем верному, но, во всяком случае, достаточно продуманному, чтобы его можно было примирить потом с собственной совестью...

Среди жителей Галактики, думалось ему, наверняка есть расы, способные правильно и быстро справиться практически с любой проблемой — одним стремительным рывком сквозь сложное переплетение мыслей, логикой, более точной, чем та, которой следует человечество. Это было бы, конечно, неплохо — в том смысле, что появилось бы все-таки определенное решение, но разве не принижает оно — или не отметает вовсе — важность каких-то граней проблемы, которые для человечества значат больше, чем само решение?

Инек стоял у окна, вглядываясь в залитые лунным светом поля, сбегавшие к темной полосе леса. Облака разошлись, и ночь стояла тихая, спокойная. Впрочем, здесь всегда будет спокойно, думал он, поскольку места эти далеко от шумных дорог, от любой возможной цели ядерной атаки. За исключением, быть может, какого-нибудь мелкого конфликта в доисторические времена, никем не описанного и давно забытого, здесь никогда не было никаких сражений и никогда не будет. Но даже этому затерянному уголку не избежать общей судьбы планеты, если она отравит свою воду и почву, если ее обитатели в порыве вражды вдруг пустят в ход свое чудовищное оружие. Небо затянет радиоактивным пеплом, который затем падет на землю, и уже не будет никакой разницы, где живет человек. Рано или поздно война дотянется до него, если не вспышкой обезумевшего огня, то смертоносным снегом, сыплющимся с небес.

Вернувшись к столу, Инек собрал газеты, доставленные утренней почтой.

День выдался нелегкий. И только сейчас Инек осознал, что пробежал всего лишь две или три статьи в «Таймс», касающиеся созыва конференции. Слишком полон был день, причем событиями серьезными и зловещими.

Когда-то он надеялся, что Землю примут в галактическую семью, что своей службой он принесет родной планете признание. Но теперь надежды рассыпались в прах: станцию, похоже, закрывают, а сама эта мера вызвана в значительной степени варварскими повадками человечества. Вообще-то в галактической политике Земля оказалась в положении мальчика для битья, но клеймо, единожды наложенное, не так легко будет смыть. И даже если отмыть клеймо удастся, Земля запомнится всем как планета, ради спасения которой Галактический центр готов провести радикальную и унизительную акцию.

Наверное, еще не поздно попытаться спасти положение. Он может остаться землянином и передать людям Земли всю информацию, собранную им за долгие годы и записанную до мельчайших подробностей вместе с фактами его жизни, впечатлениями и всякими незначительными событиями в дневниках, что занимают несколько полок. Отдать эти дневники и литературу инопланетян, которую он получил, прочел и сохранил. Сувениры и огромное количество предметов из других миров. Люди Земли наверняка сумеют извлечь из всего этого новые знания, которые помогут им и в конце концов выведут на дорогу к звездам, к еще большим знаниям и тому возвышенному пониманию Вселенной, которое станет их культурной традицией и которое, очевидно, должно быть традицией и правом каждой расы разумных существ. Впрочем, информация, собранная с таким трудом за век с лишним, уже казалась ему настолько незначительной по сравнению с теми знаниями, какие он мог бы получить за следующий век (или за тысячелетие), что просто стыдно было предлагать ее людям Земли.

Если бы только ему было отпущено больше времени!.. Но времени, разумеется, не будет. Его не хватает сейчас и никогда не хватит. Сколько бы веков он ни посвятил собиранию знаний, их всегда будет больше, чем уже собрано, и то, чем он располагает, всегда будет казаться жалкими крохами.

Инек тяжело опустился в кресло у стола и впервые задумался о том, как все это произойдет, — как он откажется от работы в Галактическом центре, как променяет целую Галактику на одну-единственную планету, пусть даже это его родная планета.

Терзая свой разум, он мучительно искал ответ, но по-прежнему безуспешно.

Ведь он один, совсем один...

Не может один человек удержать на своих плечах и Землю, и Галактику.

Глава 24

Разбудили его лучи утреннего солнца, заглядывавшего в окно, и с минуту он не двигался, наслаждаясь даримым теплом. Доброе, обнадеживающее прикосновение солнца позволяло забыться, защищая его от беспокойных проблем, но Инек чувствовал, что они рядом, и снова закрыл глаза. Может быть, если опять уснуть, они уйдут, затеряются где-то, и, когда он проснется, их уже не будет?..

Но что-то еще было не так, что-то помимо забот и проблем... Шея и плечи болели невыносимо, все тело как будто свело, а подушка казалась слишком твердой.

Инек открыл глаза, поднял голову и увидел, что он вовсе не в постели. Его сморило прямо в кресле, и головой он лежал не на подушке, а на крышке стола.

Он медленно поднялся на ноги, выпрямился и потянулся, разогревая затекшие мышцы и онемевшие суставы. Пока стоял у стола, беспокойство, и все его проблемы, и ужасная необходимость искать ответы просочились из темных углов памяти. Инек мысленно отмахнулся от них — не очень успешно, но все же они отползли чуть назад и затаились, готовясь к новому броску.

Инек подошел к аппарату связи, экран был пуст. За ночь не поступило ни одного сообщения. Глупо, конечно, проверять: если бы что-то пришло, сработал бы звуковой сигнал, который можно отключить только вручную.

Но вдруг станцию уже закрыли? И весь поток путешественников пустили обходным маршрутом? Впрочем, вряд ли это возможно, потому что закрытие станции на Земле будет означать, что придется закрыть и все остальные станции, идущие за ней. В этом спиральном рукаве Галактики просто нет обходных, дублирующих маршрутов, по которым можно в случае чего пропустить путешественников. И не стоит удивляться их отсутствию, уверял себя Инек. Раньше тоже случалось, что гости на станции не появлялись по нескольку дней подряд. Ведь движение тут не подчиняется никакому расписанию. Бывало, что многочисленные запланированные пересадки приходилось даже откладывать до тех пор, пока не освободится аппаратура, в другие же дни наоборот — никто на станцию не направлялся, и аппаратура простаивала так же, как сейчас.

«Нервы у меня шалят,— подумал Инек,— нервы».

Конечно же, ему сообщат, прежде чем закрыть станцию. Этого требует хотя бы элементарная вежливость.

Он вернулся к плите и поставил кофейник. Потом вынул из холодильника пакет с густым концентратом из злаков, что растут в джунглях на одной из планет системы Дракона. Немного подумал, положил пакет обратно и достал два последних яйца из той дюжины, что привез ему из города Уинслоу с неделю назад.

Посмотрев на часы, Инек увидел, что проспал гораздо дольше, чем ему казалось, и скоро уже пора отправляться на прогулку. Он поставил на плиту сковородку, положил кусок масла и, когда оно растаяло, разбил туда два яйца.

Может быть, подумал он, сегодня не ходить? Пожалуй, это будет с ним впервые, если не считать одного или двух случаев, когда очень уж бушевала непогода. Но вовсе не обязательно идти сегодня, только потому что у него так заведено. Он просто пропустит сегодня прогулку, а за почтой сходит позже. Да, и дела остались со вчерашнего дня. Газеты до сих пор не прочитаны. К дневнику он так и не прикоснулся, хотя записать нужно очень много, потому что он привык описывать случившееся с ним точно и подробно, а вчера столько всего случилось.

Это правило Инек установил себе с самого первого дня работы станции — никогда не запускать дневник. Глядя на длинные ряды дневников, теснящихся на полках в противоположном конце комнаты, он испытывал прилив гордости и удовлетворение от того, насколько полны и тщательны его записи. Огромный срок — больше века — нашел здесь отражение. Ни одного пропущенного дня!

Вот наследство, которое он завещает миру, вот чем он заплатит за право вернуться в человеческое общество; здесь все, что он видел, слышал и о чем думал в течение ста с лишним лет общения с жителями Галактики.

Но тут все вопросы, от которых он пытался уйти, нахлынули с новой силой, и он понял, что никуда от них не деться. Переложив яичницу в тарелку, он снял с плиты кофейник и сел завтракать. Потом взглянул на часы.

Времени для прогулки оставалось еще достаточно.

Глава 25

У родника его ждал «искатель женьшеня».

Инек заметил Льюиса издалека и с раздражением подумал: уж не хочет ли тот сказать ему, что вернуть тело Сиятеля не удастся, что в Вашингтоне к этой идее отнеслись отрицательно, что он столкнулся с неожиданными трудностями.

Инек вспомнил вдруг, как предыдущим вечером грозился убить любого, кто помешает вернуть тело. Возможно, подумал он, говорить этого не стоило. Способен ли он вообще убить человека? Ему приходилось в свое время убивать, но то было давно, на войне, и воп-

рос тогда стоял по-другому: или ты, или тебя.

Он на секунду закрыл глаза и снова увидел перед собой пологий склон холма с длинными рядами людей, наступающих сквозь пороховой дым. Эти люди поднимались наверх с одной только целью — убить его и всех тех, кто был рядом с ним.

Именно тогда он осознал в полной мере, что это за безумие — война. Тщетное действо, которое по прошествии времени и вовсе теряет всякий смысл и должно питаться безрассудной яростью, что живет значительно дольше породившего ее инцидента; действо совершено нелогичное, как будто один человек своей смертью или своими страданиями может доказать какие-то права или утвердить какие-то принципы.

Где-то на своем долгом историческом пути человечество оступилось, возвело это безумие в норму и существовало так вплоть до настоящего времени, когда безумие, ставшее нормой, грозит уничтожить если не сам род людской, то, по крайней мере, все те материальные и духовные ценности, что были символами человечества на протяжении многих трудных веков.

Когда Инек подошел к роднику, Льюис, сидевший на стволе поваленного дерева, встал.

— Я решил подождать вас здесь,— сказал он.— Надеюсь, вы не возражаете...

Инек молча перешагнул через небольшую заводь у родника.

— Тело доставят сегодня вечером,— продолжил Льюис.— Из Вашингтона в Мадисон самолетом, а оттуда привезут сюда на машине.

— Рад слышать,— кивнул Инек.

— Мое руководство настаивало, чтобы я еще раз спросил у вас, чье это тело.

— Я уже говорил вчера вечером, что не могу ничего рассказать. Хотел бы, но не могу. Я много лет прикидывал, как это сделать, но так ничего и не придумал.

— Мы уверены, что это тело существа с какой-то другой планеты.

— Вы так думаете,— сказал Инек, но совсем без вопросительной интонации.

— Дом тоже неземного происхождения.

— Этот дом построил своими руками мой отец,— осадил его Инек.

— Но что-то изменило его. Он стал таким позже.

— Время все меняет.

— Все, кроме вас самого.

— Вот что вас беспокоит,— усмехнулся Инек.— Не положено?

— Нет, что вы. Да и не в этом дело. После долгих наблюдений я просто принял вас самого и все, что с вами связано, на веру. Иногда мне кажется, что я схожу с ума, но, впрочем, это быстро проходит. Я старался не беспокоить вас, старался, чтобы все оставалось без изменении. Теперь, когда с вами познакомился, даже рад, что выбрал такой путь. Но все-таки это неверно. Мы ведем себя, как враги, как два незнакомых пса, но не так же все должно быть. Мне кажется, на самом деле у нас много общего. Сейчас происходят какие-то важные события, но я не хочу никоим образом вмешиваться...

— Вы уже сделали это,— сказал Инек.— Вы забрали тело из могилы — ничего хуже и случиться не могло. Даже сев и хорошенько подумав, как мне навредить, вы вряд ли придумали бы более удачный способ. Причем вы оказали плохую услугу не только мне. Я тут не в счет. Вы навлекли беду на все человечество.

— Ничего не понимаю,— сказал Льюис.— Я очень сожалею, но все равно не понимаю. Там на камне была надпись...

— Вот это уже моя ошибка,—перебил его Инек.— Мне не следовало ставить камень. Но тогда мне казалось, что это обязательно нужно сделать. Я никак не предполагал, что кто-то будет рыскать тут и...

— Он был вашим другом?

— Он? Вы имеете в виду покойного? Не совсем так. Не он сам.

— Что сделано, то сделано,— сказал Льюис.— Я приношу свои искренние извинения.

— Они вряд ли помогут.

— Но неужели ничего нельзя сделать? Я имею в виду,— кроме того, что мы вернем тело?

— Можно... Не исключено, что мне потребуется помощь.

— Говорите,— поспешно сказал Льюис.— Если это выполнимо...

— Возможно, мне понадобится грузовик,— ответил Инек.— Перевезти кое-какие вещи. Записки и прочее. Не исключено, что он понадобится мне срочно.

— Грузовик я обеспечу. Он просто будет ждать. И люди, чтобы помочь с погрузкой.

— Возможно, мне понадобится переговорить с кем-то на достаточно высоком уровне. С президентом. С государственным секретарем. Может быть, с ООН. Я пока не знаю. Мне надо подумать. И важно, чтобы я не только смог переговорить с ними, а чтобы они еще и отнеслись к тому, что я скажу, с полной серьезностью.

— Я доставлю сюда передвижной коротковолновый комплекс. Все будет наготове.

— Меня выслушают?

— Да,— сказал Льюис.— Мы свяжем вас, с кем пожелаете.

— И еще одно...

— Слушаю.

— Умение забывать,— сказал Инек.— Может так случиться, что все эти приготовления мне не потребуются. И грузовик, и прочее. Может быть, придется оставить все как прежде. И если это произойдет, смогли бы вы и те, другие люди, о которых мы говорили, просто забыть о моей первой просьбе?

— Думаю, это возможно,— ответил Льюис.— Но я буду продолжать наблюдения.

— Я бы сам этого хотел. Не исключено, что в будущем мне снова понадобится помощь. Но ни во что не вмешивайтесь.

— Вы уверены, что больше ничего не нужно? — спросил Льюис.

Инек покачал головой.

— Ничего. Все остальное я должен сделать сам.

Может быть, подумал он, я и так уже слишком много сказал. Где гарантия, что этому человеку можно доверять? И можно ли тут вообще на кого-то положиться?

Однако если он решится оставить Галактический центр и разделить судьбу Земли, ему наверняка потребуется помощь. Вдруг инопланетяне станут возражать, когда он захочет взять с собой свои дневники и подарки? Ему придется действовать быстро.

Но хочется ли ему расставаться с этой работой? Сможет ли он забыть свои мечты о Галактике? Найдет ли он в себе силы отказаться от предложения перейти смотрителем на другую станцию? Когда подойдет время решать, сможет ли он разом оборвать все, что связывало его с другими жителями Галактики и загадками других звезд?

Впрочем, он уже предпринял кое-какие шаги. Вот только что он, даже особо не задумываясь, словно на самом деле давно все решил, договорился, как организовать свое возвращение на Землю, к людям.

Инек с удивлением размышлял о своих действиях.

— Здесь, у этого родника постоянно кто-то будет,— сказал Льюис.— Если не я, то кто-нибудь, кто сможет со мной связаться.

Инек кивнул, слушая его вполуха.

— Каждое утро во время прогулки кто-нибудь из нас обязательно будет с вами встречаться. Или вы сами в любой момент сможете найти нас здесь.

Ну прямо заговор, подумалось Инеку. Как у детей, играющих в воров и полицейских.

— Мне пора. Вот-вот приедет почта, и, если я опоздаю, Уинслоу забеспокоится,— сказал он наконец и двинулся вверх по склону холма.

— До скорого! — крикнул Льюис ему вслед.

— Да. До скорого,— ответил Инек.

Он с удивлением почувствовал, как потеплело у него в душе — словно что-то до сих пор было не так, а теперь все встало на свои места; словно он искал что-то давно потерянное и вдруг нашел.

Глава 26

Почтальона Инек встретил на полпути к станции. Старая развалюха неслась по заросшим травой колеям, продираясь сквозь нависшие ветви придорожных кустов. Завидев Инека, Уинслоу затормозил и дождался его, сидя в машине.

— Ты что, решил сделать объезд? — спросил Инек, подходя ближе.— Или поменял маршрут?

— Тебя не оказалось у почтового ящика,— ответил Уинслоу,— а мне нужно было срочно тебя увидеть.

— Пришло что-нибудь важное?

— Нет, не про почту речь. Я про старого Хэнка Фишера хотел сказать. Он сейчас в Милвилле, угощает всех подряд в кабаке Эдди и мелет языком без умолку.

— Угощает всех подряд? На него это совсем не похоже.

— Он рассказывает всем, что ты пытался умыкнуть Люси.

— Ничего подобного,— сказал Инек.— Хэнк отхлестал Люси кнутом, и я просто спрятал ее, чтобы он немного поостыл.

— Наверно, не надо было этого делать, Инек.

— Может быть. Но он совсем озверел и, наверно, избил бы ее до полусмерти.

— Хэнк баламутит людей, хочет устроить тебе неприятности.

— Он еще вчера грозился.

— Рассказывает всем, что ты сначала увел девчонку, а потом испугался и привел обратно. Говорит, ты спрятал ее в доме, но, когда он попытался туда вломиться, у него ничего не вышло. Говорит, что у тебя вообще дом какой-то странный, и он, мол, сломал топор, когда хотел высадить окно.

— Ничего странного тут нет,— сказал Инек.— Хэнку просто померещилось.

— Пока все спокойно,— добавил почтальон.— На трезвую голову да еще средь бела дня никто из них никуда не пойдет. Но ближе к вечеру они все наберутся как следует и уже перестанут соображать. Может статься, кое-кто решит заглянуть к тебе, разобраться...

— Надо думать, он им рассказывает, что я спутался с дьяволом?

— И много чего другого,— ответил Уинслоу.— Я там, наверно, полчаса сидел слушал.

Он покопался в сумке, достал стопку газет и, отдав ее Инеку, продолжил:

— Я тебе вот что еще скажу. Может, ты сам этого не понимаешь. Ему не так сложно будет собрать против тебя людей... Ты живешь — всех сторонишься и вообще странный. Я не хочу сказать, что у тебя что-нибудь не в порядке — я-то тебя давно знаю и ничего такого не думаю,— но тем, кто с тобой не знаком, всякое в голову взбрести может. До сих пор никто тебя не трогал, потому что ты не давал им повода. Но если Хэнк их накрутит...

— Ты хочешь сказать, они двинутся сюда всей толпой?

Уинслоу молча кивнул.

— Спасибо, что ты меня предупредил,— сказал Инек.

— А это правда, что никто не может забраться в твой дом? — спросил Уинслоу.

— Они не смогут вломиться туда и не смогут его сжечь. У них вообще ничего не получится.

— Тогда на твоем месте я бы сегодня далеко от дома не уходил. Или вообще сидел у себя и никуда не высовывался.

— Неплохая идея. Может быть, я так и сделаю.

— Ладно,— произнес Уинслоу,— вроде я все рассказал. Решил, что тебя надо предупредить. Похоже, мне по дороге придется ехать задним ходом. Здесь и развернуться-то негде.

— Давай подъезжай к дому. Там места хватит.

— До дороги ближе. Справлюсь,— сказал Уинслоу, и машина медленно двинулась назад.

Инек стоял, провожая ее взглядом, и, когда машина добралась до поворота, поднял руку, прощаясь с Уинслоу. Тот помахал в ответ.

Инек повернулся и побрел к станции.

Только пьяной толпы ему и не хватало...

Рассвирепевшие люди колотят в окна и двери, лупят из ружей по стенам... Если и оставалась еще какая-то смутная надежда на то, что Галактический центр не станет закрывать здесь станцию, то после такой сцены об этом можно будет просто забыть. А у тех, кто хочет прекратить расширение транспортной сети в этом рукаве Галактики, появится лишний довод в свою пользу.

Почему все случилось вот так, сразу? Долгие годы ничего не случалось, а теперь вдруг столько событий за какие-то считанные часы. И одно хуже другого.

Если сюда явится разъяренная толпа, у него просто не останется выбора — придется принять предложение Галактического центра и стать смотрителем на другой станции. Инек вдруг осознал, что предложение перейти на другую станцию тоже может отпасть. Когда появится толпа, жаждущая его крови, он сам окажется вовлеченным в этот скандал, и обвинения в варварстве, направленные против всего человечества, будут касаться и его.

Может быть, подумал он, есть смысл сходить к роднику и поговорить с Льюисом. Толпу, видимо, можно как-то остановить. Но если он обратится к нему, придется давать объяснения и рассказать слишком много подробностей. А толпа, может, и не соберется.

Нет, он останется на станции и будет надеяться на лучшее. Может быть, когда явится толпа — если они вообще соберутся,— он будет

на станции один, и никто в Галактическом центре о случившемся не узнает. Если повезет, то все обойдется.

Инек подошел к сломанным воротам во двор и остановился, рассматривая дом,— ему почему-то хотелось увидеть его таким, каким знал его в детстве.

Сам дом выглядел, как и прежде, разве что в те далекие времена на окнах еще были занавески с оборками. А вот двор медленное шествие лет действительно изменило: кусты сирени с каждой новой весной становились все гуще, пышнее и запутаннее; вязы что посадил его отец, из прутиков футов шести высотой превратились в могучие деревья; куст желтых роз у двери на кухню вымерз в одну из давно забытых зим; клумбы исчезли, а сорняки совсем задушили несколько грядок с пряностями у ворот.

Солнце уходящего лета светило по-прежнему ярко, но Инек то и дело вздрагивал от холодного ветра, налетавшего, казалось, из какого-то таинственного, иллюзорного измерения. Впервые в жизни ему пришлось задуматься о том, кто же он на самом деле. Преследуемый сомнениями человек, которому суждено прожить на перепутье между миром людей и миром инопланетян, испытывающий привязанность и к тем, и к другим, терзаемый сомнениями и преследуемый призраками старых воспоминаний. Сын двух культур, не понимающий до конца ни Землю, ни Галактику, задолжавший и той, и другой, но не способный расплатиться? Бездомное, безродное, бродячее существо, которое не в состоянии определить, где добро, а где зло, потому что ему довелось увидеть слишком много разных (и по законам чужой логики вполне объяснимых) проявлений и того, и другого?

Инек поднялся на холм, у подножия которого бил из земли родник; от ощущения вновь обретенной принадлежности к человечеству на душе у него потеплело — теперь его связывало с этим миром что-то вроде мальчишеского заговора. Но действительно ли он человек? И если это так, то как быть с его вековой преданностью Галактическому центру? Да и хочется ли ему снова стать просто человеком?

Однако, встревожился Инек, что это со мной происходит? Совершенно перестал соображать. Пообещал себе спрятаться в помещении станции, чтобы избежать встречи с пьяной толпой, если та явится у дома, но это невозможно: вечером, едва стемнеет, Льюис должен привезти тело Сиятеля. И если они появятся одновременно, тут черт знает что начнется.

Сраженный этой мыслью, Инек долго стоял в нерешительности. Если он предупредит Льюиса об опасности, тот может не привезти тело. А Сиятель должен лежать в могиле до наступления ночи.

Придется рискнуть, решил Инек. Может быть, толпа еще не нагрянет. А если это все же произойдет, какой-нибудь выход из положения наверняка найдется.

Он что-нибудь придумает.

Глава 27

В помещении станции по-прежнему стояла тишина. Новых сообщений не поступало, и аппаратура молчала — не слышно было даже приглушенного гудения материализатора.

Инек положил винтовку на стол, бросил рядом стопку газет, затем снял куртку и повесил ее на спинку стула. Пора наконец заняться газетами, напомнил он себе, и не только сегодняшними, но и вчерашними тоже. Да и дневник надо бы привести в порядок, а это займет немало времени. Нужно описать каждое событие, каждую грань происшедшего и все, что он по этому поводу думает. Так он делал всегда и так же должен делать сегодня. Он был всегда лишь наблюдателем. Правда, в высшей степени заинтересованным — его часто не устраивала пассивная роль и он делал попытки внедриться в наблюдаемое, чтобы его понять, но тем не менее оставался именно наблюдателем, никак не вовлеченным в происходящее. Впрочем, осознал вдруг Инек, за последние два дня он этот статус утратил. И Земля, и Галактика активно вмешались в течение его жизни, стены кельи рухнули, и он оказался втянутым в самую гущу событий. Теперь он уже не сможет сохранять объективность, не сможет относиться к фактам спокойно, непредвзято, а объективное отношение всегда служило ему основой для работы над дневником.

Инек подошел к полке, вытащил последний том и, перелистнув несколько страниц, нашел место, где остановился в прошлый раз. До конца дневника оставалось лишь несколько чистых листков,— видимо, слишком мало, чтобы записать все, что требовалось. Скорее всего, придется начинать новую тетрадь.

Стоя с раскрытым дневником в руках, он перечитал последнюю страницу. Запись была сделана позавчера. Всего два дня назад, но казалось, она повествовала о древних временах, и даже чернила как будто выцвели. Хотя ничего удивительного тут нет, подумалось ему, запись действительно из другой эпохи. Эти строки он написал еще до того, как рухнул его мир.

Что толку продолжать дневник, спросил себя Инек. С записями покончено, потому что они никому уже не нужны. Станцию закроют, его собственная планета затеряется в бездне пространства, и уже не будет иметь никакого значения, останется он здесь или перейдет на новую станцию на другой планете — Земля для Галактики все равно потеряна.

Инек в раздражении захлопнул дневник, поставил его на полку и вернулся к столу.

Земля потеряна, думал Инек, и он тоже потерял себя — его одолевают сомнения и негодование. И на Земле, и во всей Галактике количество и сложность техники, высокие мысли, мудрость, эрудиция могут сойти за культуру, но не за цивилизацию. Чтобы стать истинно цивилизованным, обществу требуется нечто большее, чем техническое совершенство и полет мысли.

Он протянул руку и взял со стола винтовку. Торопливо выдвинул ящик, где хранились патроны, вытащил коробку и, разорвав картон, высыпал их в карман. Постоял немного, держа винтовку в руках и прислушиваясь. Тишина, царившая в комнате, казалось, отдается в ушах тяжелым грохотом, но спустя какое-то время он почувствовал ее холодность, унылость и положил винтовку на место.

Инек окинул станцию взглядом: все как будто вымерло в ожидании, словно сама станция отсчитывала время до события, которое должно случиться в назначенный ему срок.

Он тихо рассмеялся и снова протянул руку за винтовкой. Нелепое это занятие или нет, оно, по крайней мере, отвлечет его, вырвет хоть на время из бурлящего потока проблем. Да и потренироваться ему не мешает. Он уже дней десять, наверное, не стрелял в цель.

Глава 28

Подвал занимал огромную площадь, и дальние его стены терялись в полумраке за рядами огней, что Инек включил, спустившись вниз. Многочисленные тоннели и комнаты были вырезаны прямо в камне.

Здесь стояли массивные баки, заполненные различными растворами для путешественников, предпочитающих жидкую среду, насосы и электрогенераторы, работавшие по неизвестному Земле принципу. А глубоко внизу, под каменным полом, покоились гигантские цистерны с кислотами и кашеобразной жижей, получавшейся из тел существ, что прибыли на станцию, а затем отправились дальше, оставив позади бесполезные оболочки, от которых нужно было просто избавиться.

Миновав баки и генераторы, Инек очутился в длинной, уходящей в темноту галерее. Нащупав выключатель, он зажег свет и двинулся дальше. По обеим сторонам коридора тянулись металлические стеллажи, уставленные бесчисленными подарками от путешественников. От пола до потолка полки были буквально забиты разным хламом со всех концов Галактики. Впрочем, думал Инек, на самом деле хлама тут мало: все эти вещи, как правило, работали и имели какое-то назначение — практическое или эстетическое. Узнать бы только, какое именно.

В конце галереи размещались стеллажи, где экспонаты были разложены более аккуратно — каждый с биркой и номером, индексом по каталогу и датой, соответствующей записи в дневнике. Об этих предметах Инек, по крайней мере, знал, для чего они предназначены и в отдельных случаях — и каков их принцип действия. Некоторые не представляли собой ничего особенного, другие обладали громадной потенциальной ценностью, третьи на данный момент вообще никак не соотносились с человеческим образом жизни, и был там еще ряд предметов, помеченных красными бирками — при мысли об этих «сувенирах» Инека каждый раз пробирала дрожь.

Он двигался вдоль своей выставки напоминаний о былых визитах инопланетян, и его шаги отзывались в галерее гулким эхом.

Наконец галерея привела к большому овальному залу, стены которого были покрыты толстым слоем серого материала, способного улавливать пули и не давать им рикошетировать.

Инек подошел к панели, установленной в глубокой нише, повернул рычажок и быстро прошел в центр зала. Свет погас, затем снова вспыхнул, но теперь Инек оказался уже не в зале, а в каком-то другом, никогда не виданном раньше месте.

Склон невысокого холма, где он стоял, сбегал к медленной, ленивой речке с полузатопленными болотистыми берегами, а на полосе от края болота до подножия холма волнами колыхалась высокая, жесткая трава. Ветра не было, но трава все равно колыхалась, и Инек понял, что там рыщут какие-то животные. Со стороны луга доносилось свирепое хрюканье, словно тысячи разозленных боровов дрались там из-за отобранных кусков сразу у сотни корыт с помоями. А откуда-то дальше, может быть, прямо от реки, слышался монотонный рев, хриплый и усталый.

Инек почувствовал, как шевелятся у него на голове волосы, и выставил винтовку перед собой. Удивительное ощущение не проходило: он чувствовал опасность, знал о ней, и в то же время ничто вокруг вроде бы ему не угрожало. Тем не менее Инеку все еще казалось, что сам воздух здесь дышит опасностью.

Он обернулся. Почти вплотную к лугу, окружавшему холм, где он стоял, спускался по склону соседнего холма густой, темный лес. За лесом высились на фоне неба темно-лиловые горы. Вершины их таяли в облаках, но насколько хватало глаз, сохраняли темно-лиловый оттенок, как будто снега на пиках не было вовсе.

Из леса выбежали две отвратительные твари и замерли на краю луга. Они уселись на задние лапы, обмотав их длинными хвостами, и повернули к Инеку ухмыляющиеся морды. Напоминали твари то ли волков, то ли собак, но на самом деле не имели к этим животным никакого отношения. Инек никогда в жизни не видел ничего похожего. Шкуры их блестели под бледным солнцем, словно смазанные жиром, но у шеи мех сходил на нет, и над туловищем, как будто из воротника, торчали голые черепа. Издалека звери выглядели, как два старика, собравшихся на маскарад и накинувших на плечи волчьи шкуры. Но картину портили мертвенно-бледные морды и болтающиеся языки — ярко-красные и блестящие.

Из леса не доносилось ни звука. У самого края под деревом сидели только две эти зловещие твари. Они глядели на Инека и молча скалились, раскрывая в ухмылке беззубые пасти. Темный, густой лес казался почти черным, а листва странно отсвечивала, как будто каждый лист был отполирован до блеска.

Инек снова повернулся к реке и увидел, что у границы травяной полосы появилось сразу несколько похожих на жаб страшилищ футов шести длиной и фута в три высотой. Шкуры их напоминали цветом брюхо издохшей рыбы, а над пастью у каждого красовался один огромный глаз. И все эти глаза светились в опускающихся сумерках, словно у крадущегося к добыче кота в луче фонаря.

От реки все еще доносился хриплый рев, а в промежутках между его раскатами слышалось тонкое, слабое жужжание, сердитое и зловещее, словно где-то рядом вился комар. Инек вскинул голову и увидел в вышине цепочку маленьких точек — с такого расстояния даже нельзя было понять, что там летит.

Инек перевел взгляд на выползших из травы страшилищ, но тут краем глаза заметил какое-то движение и повернулся к лесу.

По склону холма бесшумно скользили две похожие на волков твари с лысыми черепами. Не бежали, а именно скользили, словно их одним резким ударом выдавили из тюбика.

Инек вскинул винтовку, и приклад словно прирос к плечу, став продолжением тела. Мушка сошлась с прицельной планкой и закрыла морду первого зверя. Прогремел выстрел, но Инек даже не взглянул, попал ли он в цель, и, передернув затвор, прицелился во вторую тварь. Еще один толчок в плечо — зверь подпрыгнул в воздухе, перевернулся, упал на землю, проскользнув по инерции чуть вперед, а затем покатился по склону холма.

Инек снова передернул затвор и повернулся к другому склону. Похожие на жаб страшилища оказались уже ближе. Пока Инек стоял к ним спиной, они медленно подползали, но едва он обернулся, сразу присели и замерли, уставившись на него в упор.

Он сунул руку в карман, достал два патрона и загнал их в магазин.

Рев, доносившийся от реки, прекратился, но теперь появилось прерывистое хрюканье, и ему никак не удавалось определить, что это

и откуда оно исходит. Медленно поворачиваясь, Инек оглядел окрестности: похоже было, что звук доносился со стороны леса, но там абсолютно ничего не двигалось. А в промежутках между приступами хрюканья, он все еще слушал жужжание, и теперь оно стало громче. Точки на небе тоже стали больше и двигались уже не цепочкой. Перестроившись в круг, они, похоже, спускались по спирали вниз, но были все еще так далеко, что Инек по-прежнему не мог разглядеть, кого это там несет.

Снова взглянув на страшилищ, он заметил, что те подползли еще ближе. Вскинув винтовку, Инек выстрелил от бедра. Глаз ближайшей к нему твари выплеснулся наружу, словно вода в реке от брошенного камня, но сама тварь даже не дернулась — просто осела, растекшись по земле, как будто на нее наступили и расплющили. Из большой круглой дыры на месте глаза вытекала густая, тягучая жидкость желтого цвета,— видимо, кровь.

Остальные страшилища попятились. Медленно, настороженно отступая по склону холма, они остановились, лишь когда оказались у самой границы травяной полосы.

Хрюканье стало ближе, жужжание громче, и теперь Инек уже не сомневался, что хрюканье доносится из-за холмов, заросших лесом. Обернувшись, он наконец увидел, кто же издает этот звук: зловеще похрюкивая и перешагивая через верхушки деревьев, в его сторону двигалось нечто совершенно невообразимое. Черный шар, надувавшийся и опадавший при каждом новом звуке, раскачивался между четырьмя негнущимися тонкими лапами, которые вверху соединялись суставом с четырьмя длинными ходулями, несшими тварь над лесом. Двигалась она рывками и высоко поднимала ноги, чтобы не зацепить массивные кроны, но всякий раз, когда ходуля опускалась, Инек слышал треск сучьев и грохот падающих деревьев.

Он почувствовал, как по спине у него забегали мурашки. Шею закололо, словно подчинившись древнему инстинкту, короткие волосы на затылке встали дыбом. Но даже замерев от испуга, он помнил, что один выстрел уже сделан. Пальцы сами нащупали в кармане патрон и загнали его в магазин.

Жужжание стало еще громче, характер звука тоже изменился. Теперь оно приближалось с огромной скоростью. Вскинув голову, Инек увидел, что точки уже не кружат в небе, а одна за другой стремительно падают прямо на него.

Хрюкающий и раскачивающийся шар на ходулях тоже шагал в его сторону, но пикирующие точки двигались быстрее и явно должны были добраться до холма раньше.

Взяв оружие на изготовку, Инек продолжал наблюдать за падающими точками, которые постепенно превращались в устрашающих тварей с торчащими из головы рапирами. Может быть, это клювы, подумал Инек, а сами летающие твари, возможно, птицы, но таких больших, стремительных, смертоносных птиц никто на Земле никогда не видел.

Жужжание перешло в вопль, который становился все пронзительнее, все тоньше и тоньше, пока от звука не заныли зубы, а сквозь него доносилось размеренное, словно удары метронома, хрюканье пробирающегося над лесом черного шара.

Безотчетным движением Инек прижал приклад к плечу, выжидая, когда летающие монстры окажутся поближе и можно будет стрелять наверняка.

Они падали, как камни, брошенные с высоты, и были гораздо больше, чем казалось поначалу,— огромные смертоносные стрелы, направленные прямо на него...

Винтовка толкнула в плечо. Летучая тварь съежилась, потеряла стремительную, обтекаемую форму и, переворачиваясь, повалила куда-то в сторону. Передернув затвор, Инек выстрелил еще раз, и закувыркалась вторая «птица». Снова щелкнул затвор и раздался еще один выстрел. Третья тварь скользнула вбок, потом, болтая обмякшими крыльями, стала падать к реке. Остальные прервали стремительное пике, развернулись и, отчаянно работая крыльями, похожими на лопасти ветряной мельницы, снова рванулись в небо.

Тут на склон холма упала тень, и откуда-то сверху опустилась рядом могучая колонна. Земля задрожала от тяжелой поступи, . из лужи, скрытой в траве, фонтаном взметнулась грязная вода. Хрюканье перешло в оглушительный рев. Черный шар, раскачивавшийся между ходулями, потянулся вниз, и Инек увидел лицо чудовища, если что-то столь карикатурное и отвратительное вообще можно назвать лицом,— с клювом, пастью-присоской с вытянутыми вперед губами и еще десятком каких-то одинаковых органов, очевидно, глаз. Черный шар — тело существа — висел под перекрестьем лап глазами вниз и обозревал свои охотничьи угодья. Теперь же ходули начали сгибаться в суставах и опускать его к земле, чтобы схватить жертву.

Инек почти не осознавал своих действий, но приклад винтовки то и дело ударял а плечо. Грохотали выстрелы. Ему казалось, будто он стоит в стороне и наблюдает за стрельбой, словно стрелявший человек был кто-то другой.

При каждом попадании от тела чудовища отлетали куски плоти, кожа лопалась большими рваными прорехами, и оттуда вырывались облака мутного тумана, который тут же конденсировался и проливался на землю крупными черными каплями.

Инек в очередной раз нажал на курок, но винтовка отозвалась лишь сухим щелчком: кончились патроны. Впрочем, можно было уже и не стрелять. Высоченные лапы-ходули складывались и вздрагивали, а съежившийся, провисший шар в облаках густого тумана сотрясали конвульсии. Оглушительное хрюканье прекратилось, и в наступившей тишине до Инека донесся дробный шорох черных капель, падающих в траву на склоне холма.

В воздухе стоял тошнотворный, удушливый запах, густые и липкие, как холодное машинное масло, капли падали даже ему на одежду. Тварь на ходулях накренилась, словно какая-то строительная конструкция, и повалилась на землю. Окружающий Инека мир тут же растаял и исчез.

Он снова оказался в овальном зале с тусклыми лампами. Сильно пахло пороховым дымом, а на полу вокруг него поблескивали пустые гильзы.

Тренировка закончилась.

Перевод с английского
А. КОРЖЕНЕВСКОГО
Продолжение следует

Уважаемые читатели!
Во изменение наших прежних планов сообщаем, что роман К. Саймака будет закончен печатанием в номере 7.
Затем мы опубликуем классический образец современного зарубежного политического детектива, параллельно предлагая вниманию читателя ряд фантастических рассказов.

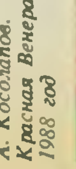
У выставки «Транзит. Художники России в эмиграции», организованной в январе этого года Государственным Русским музеем, музеем изобразительных искусств «Лонг Айленд» и фирмой «Эдуард Нахамкин Файн Артс», был длинный маршрут: Нью-Йорк — Ленинград — Москва. Американские и советские зрители имели возможность увидеть более восьмидесяти произведений двадцати двух художников. Кураторами выставки с американской стороны были Инесса Левкова-Ламм и Элеонора Фломенхафт, а со стороны Государственного Русского музея — заведующий сектором исследований современного искусства Александр Боровский. К нему и обратилась редакция с просьбой поделиться своими соображениями об этой выставке.

Лед тронулся

Выставка, о которой пойдет речь, первая в своем роде. Собственно, процесс медленного и трудного возвращения на родину искусства художников, по разным причинам покинувших СССР — имеется в виду эмиграция последних двух десятилетий,— никогда не прерывался: в самые тяжелые времена он едва теплился, но все же пуповина не обрывалась, до небольшой аудитории на родине доходили хотя бы слухи и привезенные буквально под полой каталоги и считанные выпуски журнала «А — Я». В последнее время лед тронулся — появились первые персональные выставки и публикации, пока еще, правда, случайные и практически зависящие не от реальной значимости художника и не от его репутации на Западе, а скорее от его собственной активности и энтузиазма его друзей.

Но вот подобной экспозиции, объединяющей художников разных поколений и разных направлений, еще не было. Поэтому ее историко-культурное значение несомненно. И все же я надеюсь, что сам тип подобных выставок быстро изживает себя и наша экспозиция будет первой и едва ли не последней. Я верю, что географические перемещения художника в самом ближайшем будущем перестанут играть столь фундаментальную и даже фатальную роль и художник, оставаясь сыном своего отечества, сможет работать где угодно и сколько угодно. Нельзя не согласиться с известным ленинградским поэтом Александром Кушнером: «Само явление эмиграции, столько лет преследующее нас,— глубоко архаичное, варварское явление, давно забытое цивилизованным миром, пора бы и нам навсегда расстаться с ним». Это естественно с точки зрения здравомыслия, и коль скоро мы, как хочется в это верить, постепенно возвращаемся к здравому смыслу во всех областях жизнедеятельности,— а это один из главных и наиболее симпатичных лозунгов перестройки,— то не минет чаша сия и этой сферы.

Л. Соков. Мэрилин и медведь. 1985 год.



А. Косолапов. Красная Венера 1988 год

Итак, сама организация выставочного материала по политико-географическому принципу вряд ли плодотворна. Но история искусства русского зарубежья действительно имеет свой специфический предмет. В его основе, как мне представляется, несколько весьма существенных моментов. Первый — характер программной, целеполагающей деятельности художников. Второй как следствие первого связан с общностью социального и культурного опыта, а затем и судьбы. Однонаправленность усилий ярче всего проявлялась в отрицании той достаточно разветвленной и отработанной системы нормативно установленных признаков, которая связывалась с понятием «социалистический реализм» и — шире — «советское искусство». Эта активность отрицания реализовывалась в нескольких измерениях: в собственно творческом, затем в отрицании существующих организационных структур, иерархии и даже в поведенческом. Концепция полного огосударствления искусства, выкованная в сталинские времена и далеко не демонтированная в шестидесятые — семидесятые, породила исключительно болезненную реакцию государственных институтов. Эту реакцию трудно объяснить с точки зрения здравого смысла,— в самом деле, так ли уж важно государству со всеми его заботами: традиции супрематизма или Союза русских художников развивает живописец? Но она вполне закономерна в контексте этой концепции «руководства культурой». Социальный и культурный опыт этих, так и не вписавшихся в официальные структуры, в широком смысле художников стал опытом противостояния господствующим стереотипам. Но нужно сказать, что вообще «репрессивный» фактор в художнической судьбе этих поколений объясняет многое, но далеко не все.

Л. Ламм. Человек. 1986 год.

Думаю, этот опыт, во многом определивший каждую конкретную судьбу конкретного художника-эмигранта, и был одним из важнейших факторов, в новой ситуации скреплявших художников русского зарубежья в некую — пусть, скажем прямо, весьма размытую в эстетическом плане — общность.

Один из ленинградских художников и критиков, оказавшихся на Западе, Григорий Капелян, удачно сформулировал эту ситуацию, он заметил: «...Само наличие явно выраженной официальной культурной политики заставляет тех, кто отказывается ей подчиниться, вырабатывать такие формы, в которых вольно или невольно авторы оказываются присягающими на верность иным культурным традициям, присяга эта всегда выражена, вплетена в ткань произведения. Оказавшись на Западе, художник из Советского Союза начинает чувствовать, что часть его арсенала средств выражения становится излишней, какое-то из колес его телеги — пятое, а конструкция этой странной повозки такова, что не ясно, с какого из колес начинать порядковый счет. Кто ты — представитель русской культуры, продукт обстоятельств своего рождения и воспитания или художник вообще? — вопрос, который невозможно разрешить одним лишь волевым актом причисления себя к той или иной категории».

О. Целков. Еда. 1978 год.

Приходится извиниться за столь пространную цитату, но она, как мне представляется, здесь удивительно к месту. Ибо, если мы, хотя бы в самых общих чертах, описали саму ситуацию эмиграции и тот опыт, который привнесли с собой советские художники в принципиально новые для себя обстоятельства западной культуры, то теперь приходится искать и иные определители. Думаю, по крайней мере, по отношению к изобразительному искусству принцип «единого процесса», сформулированный блестящим парижским, а когда-то ленинградским ученым, профессором Е. Г. Эткиндом,— «...поэзия развивалась внутри страны и вовне по тем же сходным законам, решая общие эстетические задачи»,— перестает действовать.

Ш. Окштейн. Губы. 1988 год.

Как художник с определенным, сформированным специфическим советским опытом мировоззрением начинает реализовывать себя в новых и подчас драматических обстоятельствах? Вот на этот вопрос как на один из главных (отнюдь не снижаю значения чисто познавательной, информационной функции) и призвана ответить выставка.

Здесь каждый отвечает за себя. Один признак, видимо, остается общий: эксплуатация политических материй впрямую становится все более неэффективной. Вообще камертон непосредственной, непретворенной идеологичности стремительно затухает. Да и западному зрителю — и с этим трудно спорить — интереснее эта проблематика «из первых рук», «оттуда», а постоянное возвращение живущего рядом с ними художника к этому материалу представляется стереотипным, много раз тиражированным. Вообще мотив противостояния официозной культуре, похоже, уступает место теме ее ассимиляции, на что и направлена активность новых, уже восьмидесятых годов, группировок как в СССР, так и на Западе.

Словом, требуется новое претворение этой проблематики, и это ощущают и демонстрируют даже родоначальники соцарта. Как уже говорилось, каждый из художников дает собственный ответ на встающую перед ним проблему. Диалектика «советского» и «западного» у каждого индивидуальна, и выставку так увлекательно смотреть во многом и поэтому. А изначальные качества, сформировавшиеся в стране великих культурных традиций, бесследно раствориться не могут, разве что в откровенно мимикрирующей, конъюнктурной до предела художественной деятельности.

Не буду пытаться анализировать каждый конкретный случай,— в конце концов, речь идет об общих процессах, да и интересующий нас вопрос трудно вычленить: он существует в разветвленной системе связей и отношений, более того, способен полноценно реализоваться только в этой живой художественной ткани. Здесь же хотелось бы осознать некоторые наиболее важные основания проблемы искусства русского зарубежья.

Небесполезно, на мой взгляд, извлечь некоторые уроки, на этот раз уже с позиций будущего, того самого, в котором, как представляется, проблемы эмигрантского искусства, самого предмета исследования в нынешнем его понимании, уже не будет. И с этой точки зрения опыт настоящей выставки уникален.

В самом деле, именно искусство русского зарубежья столкнулось на практике с трудностями вживания в мировое искусство. Этот процесс органично и естественно протекал в двадцатые годы, когда советское искусство ощущало себя и было в действительности неотъемлемой частью мировой художественной культуры. В тридцатые — сороковые он носил специфический характер, а в шестидесятые — семидесятые приобрел склерозированные формы и был предельно затруднен. Трудно не вспомнить оппозицию «искус-

А. Косолапов. Генетика. 1987 год.

Г. Худяков. Знаменосный (прославленный). 1982, 1988 годы.

ство — неискусство», бывшую в ходу у авторов концепции исключительности советского искусства, единственно сохранившего реалистические традиции. Хотя осознание включенности в общемировые процессы помогло бы найти истинный масштаб многих явлений нашего искусства большого исторического периода, которые когда-то мифологизировались, а сегодня, похоже, с той же безапелляционностью будут низвергаться. И конечно, в иной, более универсальной системе координат сам радикализм этого «утверждения — отрицания» потеряет смысл: всему найдется не только место, но и аналогия.

У нас есть возможность рассматривать своего рода модели реализации этого процесса. Нижний, так сказать, уровень — нивелирующий, выравнивающий: мимикрия, полная ассимиляция, растворение и собственного, индивидуального творческого потенциала, и специфического «советского опыта» в некоей усредненной, стандартизированной (пусть и высокого качества), полностью коммерциализированной продукции. Устроители выставки хотели избежать произведений подобного рода, и это им в большой мере удалось.

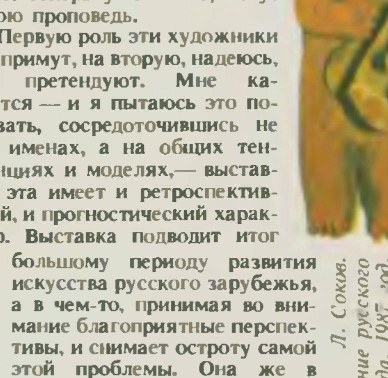
Есть модель принципиально иного рода — подключение к наиболее радикальным течениям трансавангарда. Готовность к самым крайним экспериментам как осуществлению неотъемлемого права художника, и эту готовность приходится отстаивать. Наверное, поэтому так органично воспринимаются работы Л. Сокова и А. Косолапова, Р. и В. Герловиных и Г. Худякова: представляется, что именно в их работах идеи концептуализма и его производного — соцарта — активизированы новыми культурными импульсами.

Наконец, нельзя не признать, что, наверное, наиболее стабильной представляется появившаяся возможность взаимообогащения, привнесения в западную культуру собственной художественной информации и — параллельно — «всемирная отзывчивость», разрушение стереотипов замкнутости и амбициозного превосходства. И здесь важна роль, по нашей терминологии, «шестидесятников», а также следующего за ними поколения — Э. Неизвестного, О. Рабина, О. Целкова, Л. Ламма, Ю. Купера. Именно они в трудных условиях, когда не было ни среды, ни прецедентов, сохранили себя, утвердили уникальность своего опыта в контексте общемирового художественного процесса, а значит, осуществили коммуникативную, объединяющую культурную функцию.

Экспозиция предлагает все эти модели (модификаций, разумеется, больше, но все охватить невозможно). Как ни трудно прогнозировать реакцию на эту выставку в нашей стране, все же очевидной представляется критика ее и «справа», и «слева». Одни будут сетовать на недостаточно строгий отбор: нормативность у нас в крови, кое-что может показаться недостаточно элитарным, авангардным или слишком коммерциализированным. Другие возмутятся иным — недостаточностью, с их точки зрения, национального начала, отказом от реалистических традиций и прочим. Что делать, устроители хотели показать,— разумеется, оставаясь в рамках высокопрофессионального искусства,— весь спектр устремлений художников зарубежья, подлинную, без привычного для нас стремления к сбалансированности, выравниванию до определенного уровня, расстановку сил. Речь идет не о возвращении блудного сына — некоем отпущении грехов посредством организации выставки, демонстрации ее на родине, причем прежде всего в Русском музее. Тем более — не о неких пророках, которых, как известно, нет в своем отечестве и которые, теперь уже извне, несут свою проповедь.

Первую роль эти художники не примут, на вторую, надеюсь, не претендуют. Мне кажется — и я пытаюсь это показать, сосредоточившись не на именах, а на общих тенденциях и моделях,— выставка эта имеет и ретроспективный, и прогностический характер. Выставка подводит итог большому периоду развития искусства русского зарубежья, а в чем-то, принимая во внимание благоприятные перспективы, и снимает остроту самой этой проблемы. Она же в какой-то мере обращена и к будущему, ибо призывает извлечь уроки из уже состоявшегося опыта интеграции в общемировую художественную культуру. Уроки и позитивные, и горькие — какие уж есть.

А. Боровский



Л. Соков. Рождение русского авангарда. 1987 год.

ЗНАНИЕ — СИЛА 5/90

Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи

Орган ордена Ленина Всесоюзного общества «Знание»

№ 5 (755)
Издается с 1926 года

Подписка на журнал «Знание — сила» принимается без ограничений всеми отделениями связи.

Сдано в набор 5.03.90
Подписано к печати 16.04.90
Т-08910
Формат 70×108 1/16
Офсетная печать.
Гарнитура литературная.
Печ. л. 6,0
Усл. печ. л. 8,4
Уч.-изд. л. 13,4
Усл. кр.-отт. 25,4
Тираж 355 000 экз.
Заказ № 391
Цена 50 коп.

Адрес редакции:
113114, Москва,
Кожевническая ул., 19,
строение 6
Тел. 235-89-35
Издательство «Знание»
101835, Москва,
проезд Серова, 4

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати
142300, г. Чехов Московской области

Индекс 70332

В НОМЕРЕ

ISSN 0130—1640 Знание — сила. 1990. № 5. 1—96.

ISSN 0130—1640

ЗНАНИЕ-СИЛА 5/90

28 (Gewalt des Grundherrn